

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ
ОБЩЕСТВА**

Сборник научных статей

В трех частях

Часть 3

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2016

УДК 340.116

Теоретико-прикладные аспекты развития правовой системы общества : сборник научных статей : в 3 ч. Ч. 3 / редкол. : И. И. Эсмантович [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 183 с.
ISBN 978-985-577-155-6 (Ч. 3)
ISBN 978-985-577-154-9

Сборник содержит научные статьи ученых и практических работников Республики Беларусь, Российской Федерации, Украины, посвященные приоритетным направлениям развития правовой системы общества, тенденциям взаимодействия национальных правовых систем государств-членов СНГ и мирового сообщества, теоретическим и прикладным основам эффективного функционирования национальной правовой системы в контексте приоритетов социально-экономического развития.

Издание адресовано ученым, практическим работникам, обучающимся на юридических специальностях.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редакционная коллегия:

И. И. Эсмантович (гл. ред.), Е. Г. Абраменко, С. Л. Емельянов,
Н. В. Копыткова, Л. А. Краснобаева, Е. И. Усова

Рецензенты:

кандидат юридических наук А. В. Солтанович,
кандидат юридических наук О. Я. Потехина,
кандидат юридических наук А. П. Грахоцкий

ISBN 978-985-577-155-6 (Ч. 3) © Учреждение образования «Гомельский
ISBN 978-985-577-154-9 государственный университет
имени Франциска Скорины, 2016

Л. Е. Можяева

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

СОСТАВ НАЛОГОВОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

В статье анализируется состав налогового обязательства, обосновывается выделение таких элементов налогового обязательства, как субъект, объект и содержание налогового обязательства, характеризуются выделяемые элементы.

The article analyzes the composition of the tax liability, justified the selection of the elements of the tax liability, as the subject, object and the content of the tax liability, characterized by selected items.

Введение. В юридической науке отдельные авторы выделяют элементы налогового обязательства. Данные авторы, прежде всего, являются сторонниками обязательственной конструкции налоговых отношений. Их позиция подвергается критике со стороны противников концепции налогового обязательства. Вместе с тем, исследованию вопросов элементного состава налогового обязательства уделяется недостаточно внимания в юридической литературе, что свидетельствует об актуальности данного вопроса.

Основная часть. Одним из первых проблему элементного состава налогового обязательства исследовал Е. В. Порохов. Так, данный автор подчеркивает, что «в состав налогового обязательства, понимаемый нами в широком смысле, входят: субъекты налогового обязательства; объект налогового обязательства и содержание налогового обязательства (юридическое как совокупность субъективных юридических прав и обязанностей и материальное как реализация этих прав и обязанностей в конкретных действиях субъектов, в их поведении)» [1, с. 87].

Худяков А. И. также в качестве элементов налогового обязательства, формирующих его состав, выделяет: а) субъекты обязательства; б) объект обязательства; в) содержание обязательства [2, с. 399].

С позициями данных автора не согласен Кучерявенко Н. П., поскольку в данном случае, по его мнению, «смешиваются понятия «налоговое правоотношение» и «налоговая обязанность». Если подобная конструкция (субъекты, объект, содержание) может выражать сущность налоговых правоотношений, то вряд ли ее безапелляционно можно отнести к элементам налоговой обязанности. Налоговая обязанность регулируется налоговыми правоотношениями, но вовсе не подменяется ими по содержанию» [3, с. 751–752]. Кучерявенко Н. П.

видит в выделении элементного состава налогового обязательства «отождествление налогового правоотношения и налогового обязательства» [3, с. 752]. При этом сам автор утверждает, что «при регулировании налоговой обязанности необходимо выделение объекта, субъекта, содержания» [3, с. 752].

Подобная критика вызвана, прежде всего, непринятием Кучерявенко Н.П. конструкции налогового обязательства. Данный автор считает «более точным использование термина «налоговая обязанность» как категории, обобщающей всю систему обязанностей налогоплательщика, связанных с уплатой налогов и сборов» [3, с. 746], а значит, в частности, и «бесперспективным смешение объекта налоговой обязанности и объекта налогового правоотношения» [3, с. 753].

Не останавливаясь на детальном анализе позиций сторонников и противников обязательственной конструкции налоговых отношений, отметим, что мы будем исходить из обязательственной конструкции налогового обязательства, а значит, рассматривать его как определенное правоотношение, что дает основание выделять в его составе три элемента: субъект налогового обязательства, объект налогового обязательства и содержание налогового обязательства. Остановимся более подробно на характеристике каждого элемента налогового обязательства.

В юридической конструкции обязательственного отношения выделяют две стороны: кредитор и должник, которых относят к числу субъектов обязательства [4, с. 392]. Считаем, что данный подход применим и к налоговому обязательству.

Исследуя законодательство и научную доктрину иностранных государств Винницкий Д.В. отмечает, что в немецкой юридической литературе уполномоченное лицо в налоговом обязательстве обозначается как налоговый кредитор (Steuergläubiger), а обязанное лицо – как налоговый должник (Steuerschuldner) [5, с. 258]. Представители налогового права Швейцарии к числу кредитора относят публичное образование (конфедерацию, кантон, коммуну), а в качестве должника – налогоплательщика [5, с. 260].

Карасева М. В. считает вполне возможным перенесение понятий «кредитор» и «должник» в сферу налоговых обязательств [6, с. 281]. Данной позиции придерживается и Бордюг И. С. Одновременно с понятиями кредитор и должник данный автор употребляет и понятия «налоговый кредитор» и «налоговый должник» [7, с. 52–53]. Представляется, что понятия «кредитор» и «налоговый кредитор», а также «должник» и «налоговый должник» употребляются в качестве синонимов.

Однако, считаем необходимым, применительно к наименованию сторон обязательственного отношения в налоговой сфере применять именно термины «налоговый кредитор» и «налоговый должник». Данные наименования подчеркивают отличие сторон налогового обязательства от сторон гражданско-правового обязательства.

Григорьев А.С. отмечает, что наименования «налоговый кредитор», «налоговый должник» выражают определенное правовое положение субъекта в правоотношении, его юридическую позицию. На стороне налогового кредитора всегда правомочие требовать от должника предоставления денежных средств в известном объеме, на стороне должника – обязанность предоставить их кредитору. На стороне налогового кредитора выступают публичные субъекты налогового права (общественно-территориальные образования), а на стороне налогового должника – частные субъекты налогового права (физические лица, организации) [8, с. 150]. Данный вывод Григорьев А.С. основывает на тезисе Винницкого Д.В. о том, что налоговые отношения – это отношения, участниками которых являются субъекты, с одной стороны, публичного права, а с другой – частного [5, с. 139]. Бордюг И.С. также констатирует, что сторонами налогового обязательства являются публичный и частный субъекты [7, с. 52].

Как отмечает Бордюг И.С., субъектный состав налогового обязательства зависит от вида налогового обязательства. В частности, к субъектам, выступающим на стороне налогового кредитора в обязательстве по уплате налога, в расчетном налоговом обязательстве с участием банка, в обязательстве по уплате пеней, относятся публично-территориальные образования в лице уполномоченных органов. К субъектам, участвующим на стороне налогового должника в указанных налоговых обязательствах, относятся физические лица и организации, выступающие в качестве налогоплательщиков, налоговых агентов, а также иные лица. В обязательствах, возникших в связи с излишним получением суммы налога, сбора, пени, штрафа, субъектами на стороне налогового кредитора являются физические лица и организации, выступающие в качестве налогоплательщика либо налогового агента. Налоговым должником является публично-территориальное образование в лице уполномоченных органов [7, с. 52–53].

Считаем данную позицию не верной, поскольку в данном случае имеет место не выступление одних и тех же участников правоотношения в качестве различных сторон налогового обязательства, а отражение факта наделения каждой стороны одновременно и правами и обязанностями.

Таким образом, субъектами налогового обязательства выступают налоговый кредитор и налоговый должник.

На стороне налогового кредитора выступает государство в лице уполномоченных государственных органов, организаций и должностных лиц. К их числу следует отнести, прежде всего, налоговые органы и таможенные органы. Кроме того, на стороне налогового кредитора могут выступать республиканские органы государственного управления, органы местного управления и самоуправления, а также уполномоченные организации и должностные лица, осуществляющие в установленном порядке, помимо налоговых и таможенных органов, прием и взимание налогов, сборов (пошлин).

На стороне налогового должника выступает плательщик налогов, сборов (пошлин) либо иное обязанное лицо. Согласно п. 1 ст. 13 Налогового кодекса Республики Беларусь плательщиками налогов, сборов (пошлин) признаются организации и физические лица, на которых возложена обязанность уплачивать налоги, сборы (пошлины) [9].

В законодательно закрепленной классификации плательщиков налогов, сборов (пошлин) индивидуальные предприниматели не выделены в самостоятельную группу плательщиков. Их следует относить к категории физических лиц.

К числу иных обязанных лиц, выступающих на стороне налогового должника, следует отнести наследника (наследников) умершего физического лица, принявших наследуемое имущество, правопреемника (правопреемников) реорганизованного юридического лица и др.

Следует согласиться с Пороховым Е.В. в том, что «как всякое правоотношение, налоговое обязательство имеет свой объект, т. е. то материальное благо, по поводу которого возникает и существует данное правоотношение, то, что является предметом требования и притязания управомоченной стороны обязательства и, соответственно, предметом лишения обязанной стороны обязательства [1, с. 92]. С критикой данного подхода выступает Кучерявенко Н.П. Данный автор считает, что в данном случае смешивается объект налоговой обязанности и объект налогового правоотношения [3, с. 753]. А ведь гражданское законодательство в самом определении обязательства указывает, что это гражданское правоотношение [10, ст. 288]. Представляется, что автор данным тезисом еще раз подчеркивает невозможность существования категории «объект налогового обязательства», а значит, и самого понятия «налоговое обязательство».

По мнению Порохова Е.В., «объектом налогового обязательства следует считать те денежные средства (или) имущество), которые

подлежат уплате в бюджет государства в форме налогов и должны составить его доход» [1, с. 92]. Данная позиция нуждается в определенной корректировке, поскольку налоги уплачиваются исключительно в денежной форме и имущество подлежит обязательной реализации с последующим зачислением денежных средств на счета соответствующих бюджетов. Таким образом, объектом налогового обязательства являются денежные средства, подлежащие уплате в государственный бюджет в форме налогов, сборов (пошлин).

Наряду с субъектом и объектом налогового обязательства одним из элементов налогового обязательства является его содержание.

В общей теории права в качестве элементов содержания правоотношения выделяют права и обязанности его сторон (участников) [11, с. 32; 2, с. 136]. При этом подчеркивается, что в правоотношении правам одних лиц соответствуют обязанности других [11, с. 32].

Григорьев А.С. подчеркивает, что «публичный субъект налогового права, участвуя в налоговом правоотношении, имеет определенные интересы, так называемые публичные интересы. Применительно к налогообложению публичный интерес заключается в потребности осуществить экономически обоснованное распределение бремени публичных расходов среди членов общества. Именно этот интерес обуславливает участие публичного налогового субъекта в налоговом обязательственном правоотношении в качестве налогового кредитора. Публичный субъект налогового права как налоговый кредитор заинтересован прежде всего в реальном исполнении налогового обязательства налоговым должником в полном объеме и в определенные сроки. Обязанности налогового должника противостоит право требования налогового кредитора» [8, с. 150].

М.В. Карасева отмечает, что именно в правах и обязанностях, их особенностях и взаимосвязях раскрывается «заряд» финансового правоотношения, то есть возможности и пределы активности его субъектов. При этом права и обязанности субъектов финансового правоотношения, их структура отражают как материальные признаки отрасли права, то есть предмет правового регулирования, так и ее юридические черты, то есть свойственный отрасли метод регулирования [6, с. 205]. Это значит, что от принадлежности правоотношения к той или иной отрасли права, ее предмета и метода правового регулирования зависит содержание правоотношения, его особенности.

Налоговое обязательство следует отнести к правоотношениям активного типа. Принято считать, что правоотношения активного типа складываются на основе обязывающих норм и характеризуются тем,

что активный центр правоотношения находится в юридической обязанности [12, с. 109]. Поскольку налоговое обязательство является сложным правоотношением, то в качестве центра оно имеет определенную юридическую обязанность (обязанность уплатить налог, обязанности уплатить пени и т. д.) и развивается за счет активного поведения субъекта.

Вместе с тем, обязанности в структуре содержания налогового обязательства можно разделить на основные и производные. Сама формулировка налогового обязательства, закрепленная в статье 36 Налогового кодекса Республики Беларусь, выделяет в качестве основной обязанности налогового обязательства обязанность по уплате налога, сбора (пошлины) [9]. Данная обязанность представляет собой главную конституционную обязанность налогоплательщиков, поскольку она напрямую закреплена в Конституции Республики Беларусь [13, ст. 56].

Вместе с тем, указанная обязанность является главной, но не единственной обязанностью налогоплательщиков. В частности, иные обязанности предусмотрены для них статьей 22 Налогового кодекса Республики Беларусь (например, обязанность стать на учет в налоговых органах, обязанность представить документы, подтверждающие право на налоговые льготы и др.) [9]. Они вытекают из основной обязанности налогоплательщиков, установлены налоговым законодательством и носят по отношению к обязанности по уплате налогов, сборов (пошлин) производный характер.

В зависимости от характера правовых норм можно выделить материальные и процессуальные права и обязанности субъектов налогового обязательства. В частности, к материальным следует отнести право плательщика на зачет или возврат излишне уплаченных, а также излишне взысканных сумм налогов, сборов (пошлин), обязанность налоговых органов осуществлять зачет или возврат излишне уплаченных или излишне взысканных сумм налогов, сборов (пошлин) [9, ст. 21, 82]. Процессуальные права и обязанности направлены на обеспечение реализации материальных прав и обязанностей и их в налоговом обязательстве больше. Например, к их числу следует отнести обязанность плательщиков вести учет дебиторской задолженности и представлять документы, подтверждающие право на налоговые льготы, право налоговых органов получать от плательщика (иного обязанного лица) необходимые для исчисления, уплаты и взыскания налогов, сборов (пошлин) документы (их копии), иную информацию, касающуюся деятельности и имущества плательщика (иного обязанного лица) и другие права и обязанности [9, ст. 22, 81].

В зависимости от наличия альтернативы реализации права и обязанности в налоговом обязательстве можно классифицировать на альтернативные и права и обязанности, альтернатива которым не установлена. Например, к альтернативному праву следует отнести право плательщика на выбор отчетного периода по налогу на добавленную стоимость [9, ст. 108]. Примером альтернативной обязанности является обязанность налогового органа применять способы обеспечения исполнения налогового обязательства [9, ст. 82].

Следует отметить характер связи между правами и обязанностями в налоговом обязательстве. Как отмечает М.В. Карасева, связь между правами и обязанностями в финансовых отношениях очень жесткая [6, с. 212]. Как правило, праву одной стороны налогового обязательства корреспондирует соответствующая обязанность другой. Причем, данные права и обязанности устанавливаются, прежде всего, законодательством (исключение составляют права и обязанности в договорных налоговых обязательствах, то есть в налоговых отношениях, возникающих на основе договора, например, при применении таких способов обеспечения исполнения налогового обязательства, как залог и поручительство).

Одной из особенностей содержания налогового обязательства является жесткая, детальная регламентация не только обязанностей субъектов налогового обязательства, но и их прав, что объясняется, в первую очередь, публичным характером данных правоотношений. Как отмечает Д.В. Винницкий законодатель стремится как можно более полно урегулировать сферу налоговой компетенции, тем самым минимизировав возможность государственных органов действовать по собственному усмотрению [5, с. 131]. Это достигается путем установления в налоговом законодательстве определенных критериев для выбора определенного поведения государственным органом (например, Налоговый кодекс Республики Беларусь устанавливает критерии (основания) применения способов обеспечения исполнения налогового обязательства). Подобный подход влечет появление в налоговом обязательстве большого количества процессуальных норм, позволяет соблюсти оптимальный баланс между индивидуальными и публичными интересами, препятствует злоупотреблениям со стороны субъектов налогового обязательства [5, с. 307–311].

Заключение. Налоговое обязательство является определенным правоотношением, что дает основание выделять в его составе три элемента: субъект налогового обязательства, объект налогового обязательства и содержание налогового обязательства. Субъектами налогового

обязательства выступают налоговый кредитор и налоговый должник. Объектом налогового обязательства являются денежные средства, подлежащие уплате в государственный бюджет в форме налогов, сборов (пошлин). Содержание налогового обязательства составляют права и обязанности его сторон, установленные законодательством. Особенности содержания налогового обязательства обусловлены публичным характером налоговых отношений.

Список использованных источников

1. Порохов, Е. В. Теория налоговых обязательств: учеб. пособие / Е. В. Порохов. – Алматы : Жеті жарғы, 2001. – 168 с.
2. Худяков, А. И. Налоговое право Республики Казахстан. Общая часть : учебник / А. И. Худяков. – Алматы : НОРМА-К, 2003. – 512 с.
3. Кучерявенко, Н. П. Курс налогового права : в 2 т. / Н. П. Кучерявенко. – М. : Статут, 2009. – Т.1 : Общая часть / под ред. канд. юрид. наук Д. М. Щекина. – 863 с.
4. Колбасин, Д. А. Гражданское право. Общая часть : учеб. пособие / Д. А. Колбасин. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – 496 с.
5. Винницкий, Д. В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики / Д. В. Винницкий. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 397 с.
6. Карасева, М. В. Финансовое правоотношение / М. В. Карасева. – М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2001. – 288 с.
7. Бордюг И. С. Налоговое обязательство в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / И. С. Бордюг. – Омск, 2009. – 202 л.
8. Григорьев, А. С. Конструкция налогового обязательственного правоотношения и проблемы устранения международного двойного налогообложения / А. С. Григорьев // Российский юридический журнал. – 2011. – № 5. – С. 148–154.
9. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-З : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. // // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
11. Толстой, Ю. К. К теории правоотношения / Ю. К. Толстой. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1959. – 88 с.

12. Алексеев, С. С. Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 576 с.

13. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.

УДК 340.20

В. Н. Мойсеенко

канд. ист. наук, проф.,

Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА НЕОКАНТИАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

В статье проанализированы особенности толкования сущности государства и права (определение их задач, роли и предназначения в обществе) в концепциях зарубежных (Р. Штаммлер, Г. Коген, П. Жане и др.) и отечественных (Б. Кистяковский, Е. Спекторский и др.) представителей неокантианства второй половины XIX – начала XX в.

The article analyses the peculiarities of interpretation of state and law essence (determination of their tasks, role and assignment in society) in the concepts of foreign (Rudolf Stammler, Hermann Coher, Paul Janet and others) and native (B. Kistyakovskiy, E. Spektorskiy and others) adherents of Neo-Kantianism of the second part of the XIX – the beginning of the XX century.

Введение. Учение о государстве и праве находится в неразрывной связи с философскими и мировоззренческими позициями соответствующей эпохи. Происходит это потому, что в теории государства и права выделяются такие проблемы, решение которых требует непосредственного использования ряда философских положений и обобщений. Именно такова проблема толкования сущности государства и права различными философскими школами. Философские учения являются для теории государства и права общеметодологической основой. Общефилософские методологические установки конкретизируются в зависимости от предмета исследования; предмет и метод оказываются взаимосвязанными.

Предметно-методологическая связь теории государства и права с философией является одной из важных закономерностей развития

политико-правовых знаний. Поэтому появление принципиально новых учений о государстве и праве связано с кардинальными изменениями, происходящими в сфере философских и мировоззренческих позиций. В частности, в период ранних буржуазных революций XVII–XVIII вв. на смену религиозно-схоластическому мировоззрению Средних веков пришла философия рационализма, а вместе с ней теория естественного права, которая была разработана на основе методологических установок рационализма. Сама идея о естественном праве, как о чем-то необходимом, появилась задолго до естественно-правовой школы. Однако последняя теоретически интерпретировала эту идею на основе философии рационализма, ее методологии и мировосприятия.

Во второй половине XIX в. в Германии возникло неокантианство, которое в последней трети века получило распространение во всей Европе. Главными представителями неокантианской политико-правовой философии считаются Г. Коген, Р. Штаммлер, А. Либман, Ф. Ланге, Г. Радбрук (Германия), Ш. Ренувье, П. Жане, А. Ален (Франция), К. Кантони (Италия), П. Струве, С. Булгаков, Н. Бердяев, П. Новгородцев (Россия), Б. Кистяковский, Е. Спекторский, М. Туган-Барановский (Украина).

Целью статьи является выяснение сущности государства и права (определение их задач, роли и предназначения в обществе) в концепциях зарубежных и отечественных представителей неокантианства второй половины XIX – начала XX в.

Основная часть. Это идеалистическо-философское направление воспроизводило и развивало трансцендентальную философию Канта, игнорируя при этом ее материалистические и диалектические элементы. Неокантианцы пытались преодолеть дуализм философии Канта, его колебания между материализмом и идеализмом. Согласно неокантианской философии, объект познания – это не «вещь в себе», а «категориально мыслимое бытие». Предмет познания «конструируется» человеческим мышлением. Он тождественен понятию о предмете, а собственно бытие есть совокупность чисто понятийных отношений. Сознание оказывается первичным по отношению к бытию [1, с. 75].

Наиболее полное выражение неокантианство нашло в двух немецких философских школах: марбургской и фрейбургской, или баденской. Первая школа особое значение уделяла идеалистической интерпретации научных понятий и философских категорий, толковала их как логические конструкции. В центре внимания второй – обоснование

противопоставления естественных и общественных наук на основе кантовского учения о практическом и теоретическом разуме и попытки доказать невозможность научного познания социальных явлений, доступных как-будто бы только аксиологически-нормативному и телеологическому исследованию.

Неокантианцы противопоставляли науки о природе наукам о духе и культуре. Человеческое сознание упорядочивает и конструирует природные явления с помощью умственной формы каузальности. Природа выступает как совокупность причин и следствий. Общество, человеческие поступки, культура – это реализация человеческой воли, охватывается категорией «цель». В результате общество представляет собой совокупность целей и средств.

Итак, науки о природе оперируют с помощью закона причинности, а науки о духе – с помощью закона целесообразности. На социальные явления, в т. ч. политику, государство и право, согласно этой теории, не распространяется закон причинности, они охватываются категорией цели, как априорного свойства человеческого сознания и воли.

Так, известный представитель марбургской школы неокантианства, теоретик и философ права, профессор гражданского права Рудольф Штаммлер (1856–1938), опираясь на идеи И. Канта, попытался в произведениях теоретико-правового профиля – «Хозяйство и право с точки материалистического понимания истории», «Учение о правильном праве», «Теория юриспруденции» – осуществить традиционное для немецкой юридической мысли усилия создать основы научного знания о праве [2, с. 165].

Ориентиром в своем исследовании Р. Штаммлер взял закономерности социальной цели. Совместная деятельность людей имеет две стороны: социальное хозяйство – как материя, и право – как форма социальной жизни. Поскольку содержание формы заключается в сознательном регулировании поведения людей, главным в формально юридическом изучении права должно стать понятие цели, а не причины. Социальное явление закономерно, если в нем имеет место выбор средств для какой-то цели.

Р. Штеммлер критически оценивает методологию правопонимания, навязанную исторической школой права (Г. Гуго, Ф. К. фон Савиньи, Г.Ф. Пухта), обосновывая при этом тезис о необходимости возврата юристов к философской традиции толкования сущности права.

Рудольф Штеммлер уделял внимание проблемам материалистического понимания истории и даже относил такую методологию на вершину познания социальных явлений и процессов. Но с точки зрения

собственного «познавательного-критического метода» по изучению сущности права Штеммлер не воспринимал материалистическую диалектику. Особенно это касалось сферы взаимоотношений экономики и права. По Г. Штеммлеру, право является не только независимым от материальных, хозяйственных отношений в обществе, но и определяющим для экономики, поскольку именно право является «формой социальной жизни», а экономика – «его материей» [3, с. 448].

Согласно кантовским положениям о соотношении должного и сущего, формального и фактического, он отстаивал логический примат права над другими социальными реалиями и подчеркивал, что закономерность социальной жизни людей является закономерностью юридической его формы. Под закономерностями и целью социальной жизни и общественного развития Р. Штаммлер понимал априорные идеи разума, в том числе и априорные формы права и правового должествования.

Таким образом, предоставив юридическому формализму характер формализма гносеологического и методологического, Р. Штаммлер юридизировал учение об обществе, хозяйстве, государстве, довел до совершенства основное кредо юридического мировоззрения – подход к праву как первооснове социальных явлений [4, с. 32–33]. Признавая наличие в правовых институтах определенного содержания, идущего от общества, он утверждал, что фундамент государства не в совокупности производственных отношений, экономическом базисе общества, а в праве. Право выступает предпосылкой государства.

В развитии права он видел основу становления всего общества. «Закономерность социальной жизни, – как отмечал Р. Штаммлер, – является закономерностью его правовой формы, следование основной идее права, как конечной цели человеческого общества» [2, с. 166]. Данная закономерность проявляется только в такой социальной жизни, регулирование которой осуществляется в интересах свободы каждого, кто находится в сфере права.

На рубеже XIX–XX вв. Р. Штаммлер одним из первых выступил за возрождение естественного права и идеалистической философии права. Однако в отличие от школы естественного права XVII–XVIII вв., естественное право по Р. Штаммлеру не существует в виде особого, идеального правопорядка наряду с правом позитивным. Идеальное, абсолютное право невозможно. Право всегда было и является несовершенным, а потому изменчивым. Но в рамках этого несовершенного права выделяется правильное право, то есть такое, которое ориентируется на справедливость, на идею права, на социальный идеал как

свою конечную цель. Это право и является «естественным правом с меняющимся содержанием». Оно представляет собой не какое-то конкретное право, а лишь один формальный метод суждения о праве. В учении Р. Штаммлера концепция «естественного права с меняющимся содержанием» означала, что именно право и его изменения определяют развитие общества, а не наоборот [5, с. 741–742].

Другой теоретик марбургской школы неокантианства, выдающийся немецкий философ второй половины XIX в. Герман Коген (1842–1918) утверждал, что значение государства заключается не в его актуальной действительности, а в его достоинстве, как руководящего этического принципа самосознания. Создается впечатление, что Г. Коген повторяет В. Ф. Гегеля с его признанием за государством значения моральной субстанции, в которой воспитывается личность.

У Г. Когена, как и у В. Ф. Гегеля, личность только в государстве и благодаря государству может достичь истинного человеческого самосознания. Однако Г. Коген не только не разделяет взгляды В. Ф. Гегеля на государство, как на действительность нравственной идеи, но даже считает такой подход ошибочным. В противоположность В. Ф. Гегелю, в книге «Этика чистой воли» он доказывает, что действительность нравственности надо искать в той цели, которая поставлена моральными действиями, – а именно в том, чтобы быть бесконечными. Эту бесконечность мы видим, по мнению Г. Когена, в человечестве, в котором заключается высшее выражение самосознания нравственной личности. Подчиняя государство идеи человечества, Г. Коген вместе с тем объясняет, что государство, как этический принцип, является воплощением справедливости, которая своей целью имеет моральное самосознание [6, с. 658–659].

Г. Коген вводит в свою конструкцию даже идею Бога, чем пытается доказать, что, несмотря на все поиски путей права и государства, человечеству все же обеспечено вечное продвижение к добру. Идея государства здесь сочетается с другими идеями и подчиняется им, а руководящее моральное значение государства ограничивается ее связями с другими принципами.

Более последовательным сторонником этического нормативизма оказался французский ученый Поль Жане (1823–1899), который утверждал, что политика и практически и теоретически предполагает нравственность. Государство не может с помощью принуждения насаждать благотворительность, но и обойтись без нее она тоже не может. В основе любой истинной политики должна быть заложена нравственная идея. Связью между политикой и моралью служит идея

права. Задача политики не принуждать к благотворительности, но способствовать праву. Государство держится благотворительностью, но благотворительность не является ее целью. Граждане должны быть благотворительными, а государство – справедливым. А для того, чтобы в государстве существовала справедливость, необходимо, чтобы граждане пользовались всеми принадлежащими им правами, причем пользовались так, чтобы не нанести вред другим гражданам и самому государству. Здесь, по мнению П. Жане, право и благотворительность объединяются, в результате устанавливается порядок и спокойствие, нравственность и политика отделяются, не противоречат друг другу, и снова объединяются, не смешиваясь при этом [7, с. XVII].

П. Жане понимал, что деятельность государства не исчерпывается такими задачами. Государство может рассматриваться и как представитель частных интересов своих граждан. Однако эта сторона деятельности не является, подобно вышеуказанной, существенной для самого понятия о государстве.

Идеи П. Жане нашли поддержку и дальнейшее развитие у представителей этического нормативизма в российской и украинской политико-правовой мысли, прежде всего в П. И. Новгородцева (1866–1924) и Б. А. Кистяковского (1868–1920).

При решении морально-правовой проблемы необходимо, согласно теории П. И. Новгородцева, исходить из априорных «указаний» нравственного сознания. Эту методологию Новгородцев использовал для обоснования концепции естественного права, возрождение которой пропагандировал в начале XX в. Естественнo-правовая проблема для П. Новгородцева (в ее понимании он близок к Р. Штаммлеру) – это проблема прежде всего нравственная, сущность которой заключается в том, чтобы «... установить нравственные требования, которые устанавливают идеальные пути развития. Природа нравственности может быть понята только при исследовании ее как внутри психологического и самоценного нормативно-этического явления, как «закона личной жизни» [2, с.169].

Среди современных ему философских подходов к исследованию общественной жизни отечественный ученый Б. Кистяковский предпочитает неокантианство как наиболее эффективную методологию анализа общественных явлений и процессов. На основе неокантианства сформировался философское мировоззрение украинского мыслителя. Поэтому исходной точкой в формировании социально-политических идей Б. Кистяковского стала трансцендентальная теория стоимости Баденской школы. Она позволила по-новому понять сущность правового

государства: людей объединяют в политическое сообщество полученные коллективным опытом значения, смыслы.

Методология неокантианства в философской концепции Б. Кистяковского появилась как основание для преобразования социальных наук в точный инструмент изучения общественной жизни. Такой строго научной отраслью знаний Б. Кистяковский считал философский научный идеализм. Понятие «научный» здесь дано позитивизму, который был популярен в кругах интеллигенции как передовая рационалистическая философия.

Создание правового государства, приоритет прав человека в общественной жизни Б. Кистяковский рассматривал в неразрывной взаимосвязи с реализацией либеральных и демократических ценностей, с утверждением ценностей национальной культуры. Подход Кистяковского к проблеме сохранения украинской национальной самоидентичности сопоставлен с рядом концепций национальной идеи в украинской философской и социально-политической мысли [8, с. 9–10].

Б. А. Кистяковский [9], Е. В. Спекторский [10] предостерегали против растворения теории права в философии права, критикуя соответствующие концепции немецких философов Г. Штаммлера и Г. Когена. По их мнению, немецкие ученые отходят от познания сущности права, как оно существует в эмпирической действительности, и рассматривают его только в деонтологическом ряду, то есть право как должное. Такое понимание приводит к поглощению юриспруденции философией права, в преобразование юриспруденции в часть философии. Но философия призвана обеспечивать синтез различных гуманитарных наук о праве, объединять их в целостную систему, однако это не означает слияние науки о праве с социальной философией и философией права. Проблема познания сущности права не должна растворяться в проблеме познания сущности оформления социальных отношений посредством права [11, с. 28–29; 9, с. 384–387, 423].

С другой стороны, общая теория права не может заменить философию права, поскольку ее содержание уже, чем содержание философии права. Общей теории права присущ метод позитивной юриспруденции, который ограничивается эмпирическими наблюдениями. Теория права не стремится к выходу за пределы юриспруденции, не возвышается до уровня широких мировоззренческих, этических или философско-культурных обобщений. Философия права, наоборот, сознательно и целенаправленно включает правовые вопросы во внеюридический контекст таких универсальных проблем, как предназначение человека, природа свободы и обязанности, сущность права,

его глубинные ценности, источники и т. д. Итак, отдельные вопросы теории права оказываются в новом для них контексте философско-этических критериев [9, с. 29; 12, с. 423].

Выводы. Следует констатировать, что идея права, социальный идеал неокантианцев, как и категорический императив Канта, лишены исторической конкретности и содержательности и не является каким-то реальным состоянием эмпирического права. Неокантианцы часто сравнивали социальный идеал с путеводной звездой, с недостижимой целью, к которой следует стремиться, но которую никогда нельзя достичь.

Список использованных источников

1. Тимошенко В. І. Розвиток теорії держави і права в політико-правовій думці України і Росії (кінець ХІХ – початок ХХ ст.). Монографія. – К. : Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2004. – 358 с.

2. Філософія права: Навч. посіб. /О. О. Бандура, С. А. Бублик, М. Л. Заїнчковський та ін.; за заг. ред. М. В. Костецького, Б. Ф. Чміля. – К. : Юрінком Інтер, 2000. – 336 с.

3. Мироненко О. М. Штемплер Рудольф // Юридична енциклопедія. – К. : Видавництво «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 1998. – Т. 6: Т–Я. – С. 448–449.

4. История политических и правовых учений ХІХ в. / отв. ред. В. С. Нерсесянц. – М., 1993. – 389 с.

5. Нерсесянц В. С. Философия права : учебник для вузов. – М. : Норма, 2006. – 848 с.

6. Новгородцев П. Русский последователь Германа Когена. – М. : Б.м., 1908. – С. 636–661.

7. Жане П. История государственной науки в связи с нравственной философией / пер. с франц. – 2-е изд. – СПб. : Типо-лит. Терле и Менделевича, 1878. – LXIV, 348 с.

8. Фінько А. Є. Етичні засади політико-правової теорії Богдана Кістяківського: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук: спец. 09.00.07 «Етика» / А. Є. Фінько – К., 2007. – 19 с.

9. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский // Философия и социология права / сост., примеч., указ. В. В. Сапова. – СПб. : РХГИ, 1999. – С. 7–414.

10. Спекторский Е. В. Пособие к лекциям по истории философии права. – К. : Тип-я «Прогресс», 1918. – 192 с.

11. Антологія української юридичної думки : в 6 т. / ред. кол. : Ю. С. Шемшученко (голова) та ін. Т. 1: Загальна теорія держави і права, філософія та енциклопедія права / Упорядники : В. Д. Бабкін, І. Б. Усенко,

Н. М. Пархоменко ; відп. редактори В. Д. Бабкін, І. Б. Усенко. – К., 2002. – 568 с.

12. Спекторский Е. В. Теория солидарности. Доклад, прочитанный 14 декабря 1915 г. в г. Саратове на специальном заседании Киевского и Саратовского юридических обществ // Юридический вестник. – 1916. – Кн. XII (I).

УДК 347.238

Н. А. Нагорная

УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь»

ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛА СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ, В СОСТАВ КОТОРОГО ВХОДИТ ИНВЕСТИЦИОННОЕ ИМУЩЕСТВО

Статья посвящена рассмотрению вопросам совершенствования законодательства, связанного с судебным урегулированием споров о разделе общей совместной собственности супругов, в частности имущества, относимого к инвестиционному. При рассмотрении иска о разделе совместной собственности супругов предлагается проведение независимой аудиторской проверки по установлению достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности хозяйствующих субъектов. В сформулированных по результатам проведенного исследования выводах предлагается дополнить гражданское законодательство нормами, направленными на защиту имущественных прав супругов.

The article considers the issues of improvement of legislation related to judicial settlement of disputes on the division of joint property of spouses, in particular, the property attributable to the notion of "investment" one. The author sets out the conclusions that in cases of division of property of spouses the courts, considering the specificity of action of the subject, to determine the total assets' volume made by the spouses as an investment in the investment object, with a view to making an objective and informed decision should order the realization of an independent audit testing to establish reliability of the accounting (financial) reporting entities. According to the results of the study the conclusions are formulated, the necessity of making changes to the civil law is proved.

Стабильность, необходимая для создания благоприятного инвестиционного климата, во многом определяется отсутствием правовой неопределенности относительно действительности (недействительности) сделок и иных юридически значимых действий, на вложение инвестиционного имущества в объекты инвестиционной деятельности, стабильностью возникающих при этом гражданских правоотношений и их оптимальной правовой защищенностью. Основной задачей института

защиты права общей собственности ее участниками является предупреждение нарушения субъективных прав, обеспечение необходимых условий их осуществления и восстановление в случае их нарушения.

Если применить данное утверждение к правоотношениям, возникающим между гражданами, вступившими в законный брак и ставшими супругами, со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями, то окажется, что в отношении данных участников общей собственности вопрос о разделе имущества в случае расторжения брака законодательством до конца не разрешен. В семейном законодательстве, в ст. 23 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) указано, что все имущество, нажитое супругами в период брака является их общей совместной собственностью, то есть супруги имеют полное право свободно владеть, пользоваться и распоряжаться общим совместным имуществом, если иное не предусмотрено брачным договором [1].

Вместе с тем, результаты современных исследований семейно-правовых отношений демонстрируют, что при разделе совместно нажитого супругами имущества зачастую сложно однозначно разрешить вопрос о материальном выражении доли каждого супруга. Речь идет о спорах об определении конкретных индивидуально-определенных вещей, приходящихся на долю каждого супруга. Особенно часто на практике возникают трудности при разделе имущества, используемого одним из супругов при осуществлении им инвестиционной и предпринимательской деятельности (средств производства, объектов, интеллектуальной собственности, долей и акций в уставных фондах хозяйственных обществ, имущества унитарных предприятий).

В нашей работе мы проанализируем, каким образом действующим законодательством решается вопрос о разделе между супругами имущественных прав, при вложении имущества из общей совместной собственности в конкретные объекты инвестиционной деятельности.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что истцы, обращавшиеся с исками о разделе имущества, объект раздела определяли, как: имущество предприятия; единый имущественный комплекс; корпоративные права.

В случае подачи искового заявления о разделе имущества супругов требования о признании права собственности на долю имущества частного предприятия или имущества, используемого в предпринимательской деятельности одного из супругов – индивидуального предпринимателя, суд исходит из правил, закрепленных в ч. 1 ст. 23 КоБС и п. 1 ст. 259 ГК.

В этом случае назначается судебно-бухгалтерская экспертиза, перед которой ставится задача не только определить стоимостное выражение бизнеса, но также выявить факты (признаки) искажения учетных данных специфическими для бухгалтерского учета приемами и диагностировать обнаруженные искажения, т. е. определить их характер (вид), механизмы и степени влияния на интересующие суд вопросы о размере доли в нем каждого из супругов.

В ходе проведения данной экспертизы, экспертом проводится исследование бухгалтерского баланса предприятия, учредителем (участником) которого является один из супругов.

Однако на практике судами не берется во внимание тот факт, что судебно-бухгалтерская экспертиза проводится на основании бухгалтерского баланса, без учета объективной картины имущественного и финансового состояния организации. Действительно, бухгалтерский баланс, как основополагающая составляющая бухгалтерской отчетности, содержит информацию об активах, обязательствах и собственном капитале (фонде) предприятия. Баланс аккумулирует в себе данные о стоимости имущества хозяйствующего субъекта на определенную дату, предоставляя текущую информацию об имуществе хозяйствующего субъекта. Однако в нем дается денежная оценка финансового и имущественного ее состояния на определенный период, то есть на отчетную дату. То есть бухгалтерский баланс не отражает движения средств и фактов осуществления конкретных хозяйственных операций.

Поэтому мы полагаем, что судам не следует считать полным исследованием выводы, сделанные специалистом, только на основании изученного баланса юридического лица, а также не следует давать оценку такому заключению, как достаточному доказательству, дающему право суду на вынесение окончательного решения по делу. Для объективного решения по делу о разделе имущества супругов, внесенного одним из них в качестве инвестиционного имущества в какой-либо объект инвестиционной деятельности, на наш взгляд, суду следует назначать независимую аудиторскую проверку (аудит), целью проведения которой является установление достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности хозяйствующих субъектов [2].

Согласно положениям ст. 132 ГК предприятием как объектом прав признается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. Предприятие или его часть могут быть объектом покупки-продажи, залога, аренды и других правовых сделок. В этой же статье определено, какое имущество может входить в состав предприятия. В частности, все виды имущества,

предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законодательством или договором.

То есть частное предприятие является самостоятельным объектом гражданских прав, и имущество в этом случае будет собственностью этого юридического лица, а не общей совместной собственностью супругов.

Это позволяет сделать вывод о том, что объектом раздела в этом случае выступает само частное унитарное предприятие как единый имущественный комплекс. Однако в судебной практике не удалось найти таких решений, в которых бы удовлетворялись требования о разделе единого имущественного комплекса частного унитарного предприятия как общей совместной собственности супругов.

Определение корпоративных прав в законодательстве Республики Беларусь не содержится. В правоприменительной практике под корпоративными правами понимают совокупность юридических норм, регулирующих правовой статус, порядок создания и деятельности хозяйственных обществ и товариществ.

При разделе общей совместной собственности супругов могут также подаваться иски о разделе корпоративных прав на частное унитарное предприятие. Обосновываются такие требования следующим образом.

Лицо, сделавшее вклад в уставный фонд частного унитарного предприятия, вследствие этого приобретает соответствующие корпоративные права, являющиеся по своей сути имущественными правами. В соответствии со ст. 128 ГК к объектам гражданских прав относятся: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права. Имущественные права являются вещными правами [3].

В связи с тем, что согласно ст. 23 КОБС, ч. 1 ст. 259 ГК объектом права общей совместной собственности супругов может быть любое имущество, кроме исключенного из гражданского оборота, а корпоративные права относятся законодателем к имуществу, то они также должны быть поделены между супругами.

Однако позиция судов в данном вопросе иная. Отказ в удовлетворении таких требований, как правило, обосновывается тем, что после

внесения лицом вклада в уставный фонд собственником такого имущества становится само юридическое лицо, и поэтому эти права не могут быть предметом раздела. При этом имущество унитарного предприятия в общей долевой собственности, в отличие от общей совместной собственности находиться не может в силу нормы прямого действия (ч. 6 п. 2 ст. 113 ГК).

Еще одним основанием для отказа суда в удовлетворении таких требований становится то, что данные права по своей природе не являются исключительно имущественными, а включают также и личные неимущественные права, которые связаны с конкретным гражданином.

Наша позиция по данному вопросу следующая. Уставный фонд и имущество частного унитарного предприятия являются объектом права общей совместной собственности супругов, т. к. вклад в уставный фонд и выделенное из общей совместной собственности супругов имущество и денежные средства передаются в собственность частного унитарного предприятия.

Таким образом, имущество частного унитарного предприятия, основанное одним из супругов, – является самостоятельным объектом права общей совместной собственности супругов, включающий все виды имущества предприятия, в том числе и вклад в уставный фонд, и имущество, выделенное из их общей собственности. Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод, что по делам о разделе имущества супругов объектом такого раздела могут быть: 1) предприятие как единый имущественный комплекс; 2) уставный фонд, а соответственно, и корпоративные права; 3) имущество частного унитарного предприятия.

В этой связи полагаем также, что следует согласиться с мнением Чефрановой Е. А. о том, что с целью защиты имущественных прав супругов, для достижения справедливого раздела их общей совместной собственности, следует предусмотреть возможность ассоциированного членства одного супруга в предпринимательской (хозяйственной) деятельности второго супруга, являющегося индивидуальным предпринимателем, либо учредителем (участником) юридического лица, закрепив за ним определенный объем прав и обязанностей, в том числе и право на ознакомление с бухгалтерской отчетностью и иной документацией в соответствии с учредительными документами для дальнейшего участия в принятии решений о распределении доходов [4, с. 245].

Это, на наш взгляд, облегчило бы задачу судов по разделу общей совместной собственности супругов, в том числе и инвестиционной, защитив тем самым их имущественные права.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Закон Республики Беларусь, 19 июля 1999г., № 278-З: (ред. от 12.12.2013) // Консультант Плюс: Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Об аудиторской деятельности: Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 № 56-З: в ред. от 10.07.2015 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 7 декабря 1998 г., № 218-З: в ред. от 30.12.2015 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2016.

4. Чефранова, Е. А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Е. А. Чефранова. – Москва, 2007. – 630 л. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/mekhanizm-semeino-pravovogo-regulirovaniya-imushchestvennykh-otnoshenii-suprugov#ixzz42ignJhJz>. – Дата доступа: 10.03.2016.

УДК 94:342.4(476.2)

И. В. Немкевич

канд. ист. наук, доц.,

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ПЕРВЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ АКТ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье представлен комплексный историко-правовой анализ Манифеста 1 января 1919 года – первого конституционного акта белорусского советского государства. Рассмотрен геополитический аспект белорусского самоопределения. Изучены процессы создания и обнародования Манифеста. Проанализированы его структура и содержание, выявлены особенности. Дана историко-правовая оценка акта.

The complex historical and legal analysis of the Manifesto – the first constitutional act of the Belarusian Soviet state is presented in article. The geopolitical aspect of the Belarusian self-determination is considered. Processes of creation and publication of the Manifesto are studied. Its structure and the contents are analyzed, features are revealed. The historical and legal assessment of the act is given.

Тенденции взаимодействия национальных правовых систем государств-членов СНГ и мирового сообщества определяются как историческим опытом такого взаимодействия, так и властным вмешательством современной геополитики. Ситуация вокруг Косово, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья и других конфликтных регионов чрезвычайно актуализировала проблему национально-государственного самоопределения народов, а также историю распада старых империй и становления новых. Зачастую опыт истории привносит оправданное недоверие в межгосударственные отношения. Но только объективное его осмысление позволяет последовательно устранять основания для такого недоверия, а также избегать новых ошибок, встраиваясь в процессы современной международной интеграции.

Проблемы белорусского национально-государственного самоопределения активно изучались в советской историографии. Достаточно плодотворно продолжают работать в этом направлении и современные исследователи, не ограничиваясь при этом только советской формой такого самоопределения. Но юридические аспекты белорусского самоопределения изучены гораздо скромнее. Отсутствуют публикации, специально посвященные анализу актов, прокламирующих создание белорусских республик (БНР, БССР-1, БССР-2, а также и нынешней Республики Беларусь). Данная статья представляет результаты историко-правового анализа первого конституционного акта белорусской советской республики – Манифеста ее Временного рабоче-крестьянского правительства (1 января 1919 г.).

Геополитический контекст. Вызванные мировой войной события 1917 года создали относительно благоприятные условия для подъема национального движения и его победы в борьбе за создание белорусского государства. Первый Всебелорусский съезд (Конгресс), созванный в декабре 1917 года, засвидетельствовал политическую готовность белорусского народа к практической реализации национальной идеи и созданию собственной государственности [1, с. 11]. Разгон съезда большевиками, сформировавшими незадолго до его открытия Областной исполком Западной области и фронта без участия белорусов и не признававшими существования белорусского вопроса, не позволил этому представительному форуму осуществить белорусское национально-государственное самоопределение.

Новой попыткой такого самоопределения явилось провозглашение весной 1918 года в условиях временной оккупации Беларуси немецкими войсками Белорусской Народной Республики (БНР). Впервые за всю историю существования белорусского народа была не только

сформулирована идея национальной государственности, но и сделаны практические шаги по ее реализации [1, с. 11]. В силу ряда причин, преимущественно геополитического характера, инициаторы создания БНР не смогли добиться суверенитета и международного признания провозглашенного ими государства. Тем не менее, даже непродолжительное по времени существование БНР заставило большевиков изменить свое отрицательное отношение к идее белорусского национально-государственного самоопределения. После восстановления своего контроля в Беларуси кремлевские большевистские лидеры в самом конце 1918 года решают провозгласить Белорусскую Советскую Республику, чтобы, как пояснял принятое в Москве решение местным большевикам их руководитель А. Ф. Мясников (Мясникян), «...замкнуть цепь всех советско-самоопределяющихся образований» [Цит. по: 2, с. 135]. Последние должны были выступить в роли временного «буфера» между революционной Россией и пока еще не втянутыми в мировую революцию соседними в ней странами.

«Игру в независимые республики», когда, по признанию И. В. Сталина, «...мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе» [3, с. 199], большевистское руководство продолжило слиянием в конце февраля 1919 года Белорусской и Литовской советских республик в нежизнеспособное образование ЛитБел. В связи с занятием большей части территории Литвы и Беларуси польскими войсками летом 1919 года Литовско-Белорусская республика де-факто прекратила свое существование. Поэтому летом следующего, 1920 года, когда советские войска вернулись в Беларусь, было принято решение о повторном провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссии.

Следовательно, процесс белорусского национально-государственного самоопределения в 1917–1920 гг. включил несколько в разной степени успешных попыток и отразился, соответственно, в принятии нескольких различных по форме уставных актов, декларировавших создание государственности. Первым правовым актом, прокламирующим создание белорусской советской республики, явился «Манифест Временного Рабоче-Крестьянского Советского Правительства Белоруссии».

Создание документа. 25 декабря 1918 г. Сталин пригласил к себе ответственных работников Белнацкома и сообщил о принятом ЦК РКП (б) решении о необходимости провозглашения белорусской республики [1, с. 392–393]. Среди поручений наркома, скорее всего, присутствовало и задание подготовить проект соответствующего

учредительного документа. Исследователи единодушны в том, автором текста Манифеста был Д. Ф. Жилунович – главный секретарь Белорусского национального комиссариата при Наркомнаце РСФСР, редактор его органа «Дзянніца», избранный накануне рассматриваемых событий председателем Центрального бюро белорусских секций РКП (б). Об этом свидетельствуют не только воспоминания участников провозглашения БССР, но и сам стиль документа. В послевоенных работах сообщалось о создании на совещании в Наркомнаце 27 декабря специальной комиссии для подготовки Манифеста. Однако еще в 1979 году в своем монографическом исследовании, посвященном рождению Белорусской советской республики, В. А. Круталевич отметил, что эти сведения не подтверждаются сохранившимися документами [2, с. 130]. Тем не менее вопрос о содержании Манифеста обсуждался участниками упомянутого совещания [4, с. 132]. Разумеется, с содержанием проекта ознакомился Сталин и, по свидетельству Жилуновича, внес в него некоторые поправки [2, с.130]. К сожалению, имеющиеся документы не позволяют уточнить вопрос о том, состоялась ли эта правка до или после совещания 27 декабря. Наконец, 29 декабря Сталин своей хрестоматийно известной телеграммой информировал Мясникова: “Сегодня выезжают в Смоленск белорусы. Везут с собой Манифест”. Проект Манифеста, следовательно, был подоготовлен во временном промежутке 25–29 декабря 1918 года.

Сравнительный анализ актов, декларировавших создание новых советских республик, не оставляет сомнений в том, что основным источником при разработке белорусского проекта служили тексты Манифестов временных революционных правительств Украины (29 ноября), Эстонии (29 ноября), Литвы (16 декабря) и Латвии (17 декабря), опубликованные 22 декабря в органе Наркомнаца – газете “Жизнь национальностей”. Даже если Жилунович не получал соответствующего прямого указания Сталина, являясь ответственным работником комиссариата, он был знаком с процессом провозглашения этих республик при непосредственном личном участии Народного комиссара. В своих статьях “Украина освобождается” (1 декабря), “С Востока свет” (15 декабря), опубликованных в качестве передовых и в газете “Правда”, а также в статье “Дела идут” (22 декабря) Сталин неоднократно отмечает роль Манифестов временных советских правительств (“знаменитый Манифест”, “исторический Манифест”, “как Евангелие”) и даже цитирует некоторые из них [см. 5, с. 175, с. 179, с. 180, с. 184]. Личное участие Сталина в редактировании литовского манифеста косвенно подтверждают и слова В. С. Мицкевича-Капсукаса,

вспоминавшего в 1935 году об “исправлениях принципиального политического характера” в тексте уже утвержденного литовскими коммунистами документа “по совету ЦК РКП (б)” [6, с. 49]. В свете сказанного идентичность структуры и совпадение содержания постановляющей части белорусского и четырех принятых ранее Манифестов не вызывают удивления.

Обращают на себя внимание прямые текстуальные заимствования из опубликованных в газете Наркомнаца документов. Сравним аналогичные пункты постановляющей части:

«Вся земля помещиков и кулаков, церквей, монастырей и духовенства с живым и мертвым инвентарем, а равно все леса, воды и недра земли переходят в собственность всего рабочего народа Литвы...» [6, с. 51] и «Вся земля помещиков и крупных землевладельцев, монастырей, церквей, костелов и духовенства, со всем живым и мертвым инвентарем, а также все леса, воды и недра земли становятся достоянием трудового народа Белоруссии» [Цит. по: 7, с. 117];

“Местные советы обязываются охранять народное достояние от расхищения и виновников привлекать к строжайшей ответственности” [6, с. 51] в Манифесте Временного революционного рабочего правительства Литвы – и «Местные Советы обязаны оберегать народное достояние от расхищения и порчи, привлекая виновных к ответственности» [Цит. по: 7, с. 117] в белорусском Манифесте;

«Немедленно вводится 8-часовой рабочий день без сверхурочных часов для всех рабочих, и в силу вступают все декреты Российской Социалистической Федеративной Советской Республики об обеспечении рабочего класса» [8, с. 618] в Манифесте Советского правительства Латвии – и «Устанавливается восьмичасовой рабочий день без сверхурочных часов работы и одновременно входят в силу все декреты Российской Социалистической Федеративной Советской Республики по обеспечению рабочего класса» [Цит. по: 7, с. 117] в белорусском акте.

Выявленное подобие актов «самоопределения трудящихся» позволяет говорить о наличии если не общего для всех этих документов соавтора, то, вне всякого сомнения, общего их главного редактора (который, заметим, являлся при этом и главным их «заказчиком», а также и «издателем»).

Привезенный в Смоленск текст Манифеста обсуждался перед его подписанием 1 января 1919 г. членами сформированного правительства и Центрального Бюро партии белорусских большевиков, что не исключает возможности редакционной его правки. На фрагменте

оригинального текста, подписанного членами Временного правительства, воспроизведенном в пятом томе «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», в частности, зачеркнуто (рукой Мясникова?) слово «революционное» в названии документа [см. 9, с. 70].

Обнародование Манифеста. Хотя в Директиве Наркомнаца РСФСР о практических мероприятиях образования БССР («Шесть условий Сталина») ничего не говорилось о самом порядке провозглашения республики, В. А. Круталевич считает, что вопрос этот «несомненно» обсуждался на совещании 27 декабря. В телеграмме в Смоленск 29 декабря Сталин подчеркивал: «Прокламирование правительства должно произойти в Минске. Просим сообщить день прокламирования по прямому проводу...» [цит. по: 2, с. 151]. В телеграмме 30 декабря Сталин еще раз напомнил о необходимости сообщить ему «день опубликования» [2, с. 131]. Позже, замечает Круталевич, белорусские члены Временного правительства в своем письме Центральному Комитету выражали недовольство также и тем, что Белорусская республика была прокламирована в отступление от достигнутой договоренности [2, с. 151].

Отступлением от договоренного порядка обнародования была и задержка, вызванная известным инцидентом при формировании правительства. 31 декабря ЦБ КП(б)Б обсуждало вопрос о территории БССР, составе Временного правительства и обнародовании Манифеста [4, с. 135]. В ночь на 1 января Мясников телеграммой сообщил Сталину, что Жилунович и Лагун «выходят из ЦБ и отказываются от опубликования Манифеста» [10, с. 464]. После личных переговоров Сталина и Жилуновича по телефону последний был вынужден подчиниться партийной дисциплине. И только после его сформирования 1 января 1919 г. правительство совместно с ЦБ обсудило и одобрило Манифест о провозглашении республики и поручило Комиссару почт и телеграфов К. Ф. Розенталю немедленно обнародовать документ, используя телеграф, телефон, радио, печать, прессу. Предполагалось также перевести Манифест на польский и еврейский языки [2, с. 148].

2 января 1919 года в 2 часа 55 минут Манифест и сопроводительная записка Мясникова были переданы в Минск Комиссару почт и телеграфов. В записке предлагалось срочно распространить Манифест всеми средствами (почтой, телеграфом, радио, через газеты, отдельным оттиском тиражом в 30 тыс. экземпляров). 3 января 1919 г. Манифест был опубликован в газете «Звезда», 5 января – в газете «Жизнь национальностей», 10 января – в «Известиях Витебского губернского совета». 19 января Манифест опубликован в газете

“Известия Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии”, которая выходила на 4 языках [11, с. 54]. Он был издан и отдельной листовкой, фотокопия которой была опубликована в 1970 году в 1-м томе “Истории государства и права Белорусской ССР” (с. 84), а также в 1973 году — в 3-м томе “Гісторыі Беларускай ССР” (с. 137).

Спешная публикация различными способами, а также внесенные Мясниковым незначительные правки в перевод документа на белорусский язык объясняют наличие несовпадений в отдельных деталях обнародованных текстов Манифеста. По оценке В. В. Скалабана, представившего источниковедческий анализ публикаций этого акта, наиболее удачно Манифест был опубликован в 1934 году в приложении к “Працяколу 1-га з’езда Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі”: это единственная публикация Манифеста по оригиналу [11, с. 55].

Содержание Манифеста и его особенности. Манифесты временных советских правительств, рассматриваемые в данной статье, имели идентичную структуру, включавшую различные по объему текста преамбулы, изложенную по пунктам нормативную часть и характерный для революционных прокламаций-воззваний агитационный элемент, представленный большим количеством лозунгов и призывов «к оружию» и «к борьбе». Пропагандистский компонент белорусского Манифеста своим объемом значительно превышает компонент конституционно-правовой, что делает его структуру более похожей на Манифесты временных правительств Украины и Литвы.

В преамбуле Манифест возвышенным слогом пролетарского писателя Тишки Гартного (псевдоним Жилуновича) описывал страдания «горемычной» Беларуси до прихода Красной Армии, а также успехи «Великой Октябрьской революции в России», которая зажгла «всемирный огонь» мировой революции. Приход последней («в лучах солнца») и позволил «рабочим, крестьянской бедноте и красноармейцам» Беларуси «совместно с трудящимися народами России, Литвы, Украины и Латвии» стать «полноправными хозяевами свободной, независимой Белорусской Социалистической Советской Республики» [7, с. 115]. Необходимо подчеркнуть, что в Манифестах временных правительств всех советских республик, включая белорусский, принципиально не упоминалось право на самоопределение наций в качестве основания для государственного суверенитета; проигнорированы термины «нация» и «народ» (акты советских правительств Украины, Эстонии и Латвии даже не затрагивали национальный вопрос совсем).

Подчеркнутая особенность не является случайным совпадением: «прокламированием» новых «буферных» советских республик большевистский ЦК реализовал подмену права самоопределения наций, закрепленного Декларацией прав народов России, идеей «самоопределения трудящихся».

Конституционно-правовой компонент документа включал учредительные нормы, касавшиеся суверенитета и международной правосубъектности прокламируемого государства, организации власти в нем, политического режима, равноправия трудящихся различных наций, собственности и 8-ми часовой продолжительности рабочего дня.

Манифест провозглашал Беларусь «свободной», «вольной» и «независимой» республикой. Заметим, что определение «независимая», трижды использованное в тексте документа, отсутствовало в остальных Манифестах. Обособление от РСФСР в качестве самостоятельного государства не означало, однако, ослабления тесного союза с советской Россией: самоопределение белорусских трудящихся осуществлялось «совместно с трудящимися народами России, Литвы, Украины и Латвии» и «именем Красной армии»; здравицей в честь советской России заканчивался конституционный акт Временного правительства. Желая представить буферные советские образования на своих западных рубежах в качестве суверенных республик, большевистский ЦК советовал составителям Манифестов не высказываться однозначно о формах союза прокламируемых государств с РСФСР. Об этом писал, например, в своих воспоминаниях о создании Манифеста временного правительства Литвы его автор В. С. Мицкевич-Капсукас [6, с. 49]. Вероятно поэтому, декларируя международную правосубъектность нового государства (объявляя его независимость «перед всем миром»), акт белорусского Временного правительства не определял форму государственного союза БССР с советской Россией. Но два аспекта их взаимоотношений были сформулированы в документе достаточно определенно.

В 10-м пункте нормативной части Манифеста говорилось о распространении на БССР действия декретов РСФСР, в чем можно видеть не только передачу части суверенных прав органам власти союзного государства, но и вполне рациональный в тех условиях шаг по заимствованию опыта его законодательной деятельности. Гораздо более существенным ограничением декларированного «перед всем миром» суверенитета была передача военной функции государства российской Красной армии, которой Манифест «вручал» защиту советской Беларуси и «великих завоеваний Социальной Революции» [7,

с. 117]. По мнению В. А. Круталевича и И. А. Юхо, «гэтыя два моманты былі зачаткамі “саюзных” адносін паміж рэспублікамі» [14, с. 33].

Носителями суверенной власти в БССР объявлялись Советы рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов. Учреждая советскую форму государственной власти в прокламируемой республике, Манифест не уточняет места Временного правительства в системе этой власти. Для сравнения: учредителем временного правительства Украины в Манифесте этого правительства указан советский ЦИК; в нем также говорится о предстоящей передаче власти Всеукраинскому съезду Советов. Также напомним, что вопрос о структуре, компетенции и легитимном порядке формирования органов власти вполне внятно был изложен в Уставных грамотах БНР, принятых в феврале 1918 года. Белорусское Временное правительство, «поставленное на посты решением последней конференции коммунистической партии» [7, с. 116], выступает в Манифесте в роли высшего законодательного органа; его компетенция и перспективы существования не поясняются. Аналогичным образом вопрос организации власти был решен и в Манифестах временных правительств Литвы, Латвии и Эстонии. Разумеется, все Манифесты при этом в первых пунктах своих нормативных частей решительно упраздняли власть оккупационных органов и объявляли вне закона структуры местных национальных республик, в частности, «продажную буржуазную белорусскую раду».

Будучи учредительным актом нового государства, Манифест содержал ряд положений конституционного характера, касающихся его политических и экономических основ. Пункт пятый нормативной части документа не оставлял сомнений в характере политического режима: устанавливается «революционный порядок», и все контрреволюционные выступления «будут беспощадно караться по всей строгости революционных законов» [7, с. 116]. Прямо, однако, о введении режима диктатуры пролетариата в белорусском акте, в отличие, к примеру, от Манифеста Временного правительства Латвии, не говорилось. Заметим далее, что в актах всех названных временных советских правительств, включая белорусское, отсутствуют положения, определяющие основные права и свободы граждан. Белорусский Манифест только декларирует равноправие «рабочих и крестьян и вообще трудящихся всех национальностей» [7, с. 116]. Отмеченная особенность принципиально отличает Манифесты «буферных» советских республик от учредительных актов национальных республик, провозглашенных в 1917–1918 годах. Вторая Уставная грамота БНР,

к примеру, декларировала свободу слова, печати, собраний, забастовок, союзов, «безусловную» свободу совести, неприкосновенность личности и помещений [12, с. 185].

Седьмой и восьмой пункты Манифеста объявляли всю землю, леса, воды и недра земли «достоянием трудового народа», а железные дороги, пути сообщения и средства связи, фабрики, заводы и банки – «достоянием рабочих и бедного крестьянства Белоруссии» [7, с. 117]. Национализированные средства производства становились, таким образом, важнейшей экономической основой государства. Эти правовые установления, считает В. А. Круталевич, «...весьма интересны для понимания экономического суверенитета, хотя этот термин тогда и не применялся» [15, с. 78]. Впрочем, порядок пользования «трудовым народом» перечисленными ресурсами не уточнялся. Следует напомнить, что национализацию земли, лесов, озер и недр земли ранее уже провозгласила Белорусская Народная Республика, уточнив при этом, что «земля переадаецца бяз выкупу тым, хто самі на ёй працуюць» [12, с. 185]. Фактическим повторением учредительной нормы Второй Уставной грамоты БНР было и установление о восьмичасовом рабочем дне, приведенное в десятом пункте Манифеста Временного советского правительства.

Органической частью суверенитета является территориальное верховенство государства. Государственное обособление, следовательно, предполагает территориальное размежевание. Нередко, поэтому, акты, декларирующие государственный суверенитет, содержат нормы, учреждающие территориальное верховенство (например, Декларации о государственном суверенитете республик СССР, принятые в 1990 году) или уточняющие состав и пределы государственной территории (Третья Уставная грамота БНР, Декларация о провозглашении независимости ССРБ). В Манифестах временных советских правительств, однако, такие установления отсутствуют. Видимо, организаторы «игры в независимые республики» предпочитали не связывать себя конкретизацией этого аспекта государственного самоопределения, оставляя за собой возможность произвольного изменения их «государственных» границ. Возникающие при этом издержки юридического и организационного характера не принимались в расчет. Территориальный аспект белорусского советского самоопределения вполне убедительно, на наш взгляд, иллюстрирует такое отношение. Так, местом пребывания Временного советского правительства Литвы Манифест 16 декабря 1918 года называет белорусскую Вилейку. Постановлением же I съезда КП(б)Б о границах БССР 30 декабря

Вилейский уезд назван частью государственной территории белорусской республики. Две недели спустя 16 января 1919 года ЦК партии большевиков принимает решение об отторжении от новорожденной республики трех губерний восточной Беларуси, юридически оформленное Первым Всебелорусским съездом Советов.

Одним из проявлений учредительного характера государственной власти является установление названия государства. В конституционном акте Временного рабоче-крестьянского правительства белорусская республика именовалась по-разному: Белорусская Социалистическая Советская Республика, Социалистическая Советская Трудовая Республика Белоруссии, Советская Белорусская Республика, Белорусская Советская Независимая Республика. Авторы Манифеста определенно не задумывались о необходимости юридического закрепления официального названия прокламируемого государства.

Заметим, наконец, что местом принятия Манифеста в его тексте посчитали политически целесообразным указать не Смоленск, а Минск.

Таким образом, «исполненное революционного пафоса» [2, с. 148] содержание Манифеста не свидетельствует о тщательной и достаточно полной проработке юридических аспектов прокламирования нового государства. Подобно аналогичным актам временных правительств соседних советских республик, «Манифест Временного Рабоче-Крестьянского Советского правительства Белоруссии» своим нормативным компонентом фактически лишь изменял название существующей областной советской структуры, объявлял незаконными претензии всех других политических организаций на государственное представительство белорусских трудящихся (всех оккупационных властей и «народных министров») и легитимизировал нахождение в Беларуси войск РСФСР.

Историко-правовая оценка. Современные исследователи уже давно, неоднократно и справедливо, на наш взгляд, выражали сомнения в легитимном характере провозглашения БССР на партийном съезде. Однако с началом работы Временного правительства новая республика становилась политической реальностью. Обнародованный от его имени Манифест явился, следовательно, первым конституционным актом белорусского советского государства.

Констатируя «директивное провозглашение БССР и не совсем понятный порядок образования правительства» [12, с. 177], следует заметить, что лидеры большевиков считали создание «буферных» республик временным тактическим маневром в интересах продвижения мировой революции на запад. «Это обстоятельство, – отмечали

Ленин и Сталин в телеграмме Главкому И. И. Вацетису 29 ноября 1918 г., – имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей, как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск» [13, с. 234]. Поэтому они не спешили обременять себя мерами формально-юридического оформления их государственного строительства.

Содержание Манифеста было призвано обеспечить геополитический и пропагандистский эффект. Весьма скромный конституционно-правовой его компонент выполнял функцию формального атрибута процесса прокламирования новых советских республик и очевидно нуждался в конкретизации. С целью юридического закрепления белорусской советской государственности месяц спустя был созван Первый Всебелорусский съезд Советов.

Список использованных источников

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XXVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.] ; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 584 с.
2. Круталевич, В. А. Рождение Белорусской Советской Республики (Провозглашение республики. Развертывание национально-государственного строительства. Ноябрь 1918 – февраль 1919г.) / АН БССР. Институт философии и права ; под ред. А. Ф. Хацкевича и И. А. Юхо. – Минск : Наука и техника, 1979. – 336 с.
3. Письмо И. В. Сталина В. И. Ленину. 22 сентября 1922 г. // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 9. – С. 199.
4. Гісторыя Беларускай ССР : у пяці т. Т. 3 : Перамога Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі і пабудова сацыялізму ў БССР (1917–1937гг.). – Мінск : Навука і тэхніка, 1973. – 696 с.
5. Сталин И. В. Сочинения. Т. 3. – М. : Госполитиздат, 1953. – 488 с.
6. Мицкевич-Капсукас, В. С. Революция в Литве (1918 г.) и создание Временного революционного рабоче-крестьянского правительства [Электронный ресурс]: электрон. данные. – Минск: Белорусская цифровая библиотека LIBRARY.BY, 24 августа 2015. – Режим доступа: http://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1440445077&archive=&start_from=&ucat= (свободный доступ). – Дата доступа: 26.01.2016.
7. Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. На пераломе эпох : станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). – Мінск : БДУ, 1999. – 128 с.
8. Документы внешней политики СССР. – Том 1. – М. : Госполитиздат, 1959. – 772 с.

9. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 5. М–Пуд / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мінск : БелЭн, 1999. – 592 с.

10. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 1. А–Беліца / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : М. В. Біч і інш. – Мінск : БелЭн, 1993. – 494 с.

11. Скалабан, В. В. О публикациях “Манифеста Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии” / В. В. Скалабан // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 3 / рэдкал. : Р. П. Платонаў (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелНДІДАС, 2002. – 276 с.

12. Васілевіч, Р. А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р. А. Васілевіч, Т. І. Доунар, І. А. Юхо. – Мінск : ВТАА “Права і эканоміка”, 2001. – 363 с.

13. В. И. Ленин. – Полн. собр. соч. – Т. 37.

14. Круталевіч, В. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.) : Вучэб. дап. для студ. юрыдычных і гістарычных спец. вышэйшых навучальных устаноў / В. А. Круталевіч, І. А. Юхо. – Мінск : Беларуская навука, 2000. – 238 с.

15. Круталевич, В. А. История Беларуси : становление национальной державности (1917–1922 гг.) / В. А. Круталевич. – Минск : Право и экономика, 1999. – 388 с.

УДК 347.965.33

А. С. Павлюк

Адвокат Гомельскай абласной коллегіі адвакатаў

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА И ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Статья рассматривает актуальные проблемы и соотношение таких элементов правового статуса адвоката как адвокатская тайна и право адвоката на получение информации. В данной статье адвокатская тайна рассматривается как один из элементов правового статуса адвоката. Актуальность статьи связана в первую очередь с тем, что несмотря на динамичное развитие института адвокатуры, существует ряд проблем, связанных с допуском адвоката к различной информации, необходимой для разрешения дела.

The article describes important issues and the relationship of such elements of the legal advocate status as lawyer secret and advocate right to receive information. In this article lawyer's secret is considered to be an element of lawyer's legal status. The relevance of the article is associated with the fact that in spite of the dynamic development of attorney structure, there is a number of problems related to the admission of the lawyer to various information necessary for the resolution of the case.

Адвокатская тайна является неотъемлемым элементом правового статуса адвоката, ее можно сравнить с тайной исповеди. Как во время церковного ритуала, так при общении с адвокатом, человек сообщает наиболее важную и личную информацию о своей жизни, своих поступках. Данная информация сообщается в первую очередь в связи с гарантией её неразглашения. Объектом адвокатской тайны является конфиденциальная информация, которая в общем смысле включает в себя различные категории сведений, в том числе тайны личной жизни граждан, тайны голосования, профессиональной тайны, медицинской тайны. Соблюдение адвокатской тайны является одной из обязанностей адвоката, обязанность сохранения адвокатской тайны не ограничивается во времени. Адвокат обязан хранить тайну и после того, как отношения между ним и клиентом закончились [1, с. 64]. От того, в том числе и адвокатской тайны, в каких случаях и пределах государство может проникать в содержание этих тайн и какие основания для этого необходимы, зависит степень свободы личности в государстве [2, с. 105].

Адвокатская тайна – сведения о вопросах, по которым клиент обратился за юридической помощью, суть консультаций, разъяснений, справок, полученных клиентом от адвоката, сведения о личной жизни клиента, информация, полученная от клиента, об обстоятельствах совершения преступления по уголовному делу, по которому адвокат осуществлял защиту прав, свобод и интересов клиента, а также сведения, составляющие коммерческую тайну клиента. Правила сохранения адвокатской тайны распространяются на:

- сведения о вопросах, по которым клиент обратился за юридической помощью;
- суть консультаций, разъяснений, справок, полученных клиентом от адвоката;
- сведения о личной жизни клиента;
- информацию, полученную от клиента, об обстоятельствах совершения преступления по уголовному делу, по которому адвокат осуществлял защиту прав, свобод и интересов клиента;
- сведения, составляющие коммерческую тайну клиента.

Адвокат может раскрыть доверенную клиентом информацию в объеме, который он считает обоснованно необходимым, в случаях:

- согласия на это самого клиента, если раскрытие такой информации необходимо для оказания юридической помощи;
- обоснования позиции адвоката при решении спора между ним и клиентом либо обоснования личной защиты по делу, возбужденному

против него и основанному на действиях, в которых принимал участие клиент;

– проведения консультаций с другими адвокатами, если клиент не возражает против таких консультаций.

Адвокат не вправе давать свидетельские показания и объяснения по вопросам, составляющим адвокатскую тайну. В случае вызова адвоката органом, ведущим административный, уголовный, гражданский, хозяйственный процесс, для опроса либо допроса в качестве свидетеля по вопросам, связанным с профессиональной деятельностью, адвокат обязан сообщить об этом руководителю органа адвокатского самоуправления. Адвокат может оказывать профессионально результативную помощь своему доверителю только в случае достижения полного взаимопонимания между ними.

Моментом возникновения адвокатской тайны можно считать момент обращения к адвокату за юридической помощью, даже в том случае, если юридическая помощь впоследствии не была оказана, поскольку зачастую и информация о личности клиента является конфиденциальной. Также, на наш взгляд, объектом адвокатской тайны является и сам факт обращения лица к адвокату.

Не является адвокатской тайной и информация, касающаяся клиента, но полученная не от него, а из других источников [3, с.7]. Представляется, что восприятие более широкого подхода к понятию адвокатской тайны позволило бы в большей степени защитить конфиденциальность профессионального общения адвоката и его клиентов.

Адвокат, как и иной участник процесса, имеет право представлять доказательства. В рамках осуществления своей профессиональной деятельности адвокат имеет право запрашивать различную информацию, однако, на практике существует ряд факторов, препятствующих адвокату реализовать данное право. Адвокатский запрос направлен на получения необходимой информации, выражающейся в форме документа или его копии, выписки, заключения и иных форм выражения информации.

Несмотря на то, что право адвоката на получение информации предусмотрено статьей 17 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», зачастую адвокаты лишены возможности получить необходимые для работы сведения. В Республике Беларусь отсутствует ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение запроса адвоката. В свою очередь, ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение запроса нотариуса закреплена ст. 23.70 Кодекса Республики Беларусь об административных

правонарушениях, и предусматривает ответственность за непредставление должностными лицами государственных органов и иных организаций в установленный законодательными актами срок сведений и (или) документов, необходимых для совершения нотариальных действий, либо представление таких сведений и (или) документов, содержащих недостоверную информацию, и влечет ответственность в виде наложения штрафа в размере от четырех до двадцати базовых величине. Так, на наш взгляд, необходимо дополнить Кодекс об административных правонарушениях статьей, предусматривающей ответственность за нарушение требований законодательства о представлении по запросу адвоката информации, необходимой для оказания юридической помощи.

Ряд нормативно правовых актов Республики Беларусь предусматривает отсутствие возможности у адвоката, получить необходимую информацию.

Так, в частности, Закон Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г. № 2435-XII в статье 46 содержит положение о том, что информация о факте обращения пациента за медицинской помощью и состоянии его здоровья, сведения о наличии заболевания, диагнозе, возможных методах оказания медицинской помощи, рисках, связанных с медицинским вмешательством, а также возможных альтернативах предлагаемому медицинскому вмешательству, иные сведения, в том числе личного характера, полученные при оказании пациенту медицинской помощи, а в случае смерти – и информация о результатах патологоанатомического исследования составляют врачебную тайну. Предоставление информации, составляющей врачебную тайну, без согласия пациента или лиц, указанных в части второй статьи 18 настоящего Закона, допускается по запросу в письменной форме и (или) в виде электронного документа, оформленного в соответствии с законодательством Республики Беларусь об электронных документах и электронной цифровой подписи:

– Министерства здравоохранения Республики Беларусь, главных управлений, управлений (отделов) здравоохранения областных исполнительных комитетов и Комитета по здравоохранению Минского городского исполнительного комитета в целях организации оказания медицинской помощи пациенту, осуществления в пределах их компетенции контроля за правильностью ее оказания или при угрозе распространения инфекционных заболеваний, а также при осуществлении государственного санитарного надзора;

– организаций здравоохранения в целях организации оказания медицинской помощи пациенту или при угрозе распространения инфекционных заболеваний;

– органов уголовного преследования и суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством;

– органов внутренних дел о явке (неявке) лица, обязанного возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, в государственную организацию здравоохранения для прохождения медицинского осмотра, а также о прохождении (непрохождении) этим лицом медицинского осмотра;

– органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в связи с осуществлением такой деятельности;

– страховых организаций, Белорусского бюро по транспортному страхованию для решения вопроса о назначении страховых выплат;

– местных органов военного управления для медицинского освидетельствования граждан при призыве на воинскую службу;

– органов дознания в связи с проведением экспертиз для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

– органов внутренних дел о прохождении (непрохождении) медицинского переосвидетельствования водителей транспортных средств, самоходных машин, наличии заболевания или противопоказания, препятствующих управлению транспортными средствами, самоходными машинами;

– нанимателя в связи с проведением расследования несчастного случая на производстве и профессионального заболевания;

– в иных случаях, предусмотренных законодательными актами [4].

Банковский кодекс Республики Беларусь содержит статью 121, закрепляющую перечень информации, подпадающей под понятие «Банковская тайна». Сведения о счетах и вкладах (депозитах), в том числе о наличии счета в банке (небанковской кредитно-финансовой организации), его владельце, номере и других реквизитах счета, размере средств, находящихся на счетах и во вкладах (депозитах), а равно сведения о конкретных сделках, об операциях без открытия счета, операциях по счетам и вкладам (депозитам), а также об имуществе, находящемся на хранении в банке, являются банковской тайной и не подлежат разглашению. Национальный банк и банки гарантируют соблюдение банковской тайны своих клиентов и банков-корреспондентов. Работники Национального банка и банков обязаны хранить банковскую тайну, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом и иными законодательными актами Республики Беларусь.

В случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь, сведения, составляющие банковскую тайну юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, представляются банком:

- судам – по находящимся в их производстве делам;
- судебным исполнителям – по судебным постановлениям и иным исполнительным документам, находящимся в их производстве;
- прокурору или его заместителю, а также с санкции прокурора или его заместителя органам дознания и предварительного следствия – по находящимся в их производстве материалам и уголовным делам;
- с санкции прокурора или его заместителя – специальным подразделениям по борьбе с коррупцией и организованной преступностью, подразделениям по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел;
- органам Комитета государственного контроля Республики Беларусь;
- органам государственной безопасности Республики Беларусь;
- налоговым и таможенным органам;
- нотариусам для совершения нотариальных действий;
- Национальному банку.

Банки обязаны представлять в Министерство финансов Республики Беларусь и местные финансовые органы сведения о счетах республиканских органов государственного управления, иных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, использующих бюджетные средства и (или) средства государственных внебюджетных фондов, а также получающих (получивших) средства по внешним государственным займам и (или) иные средства под гарантии Правительства Республики Беларусь, гарантии (поручительства) местных исполнительных и распорядительных органов.

Сведения, составляющие банковскую тайну физических лиц, за исключением индивидуальных предпринимателей, представляются банком им самим и их уполномоченным представителям, на основании письменного согласия таких лиц, лично представленного банку, – любому третьему лицу. В случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь, сведения, составляющие банковскую тайну физических лиц, за исключением индивидуальных предпринимателей, представляются банком:

- судам – по находящимся в их производстве уголовным делам, по которым в соответствии с законом Республики Беларусь могут быть применены конфискация имущества, иное имущественное взыскание, гражданским искам, рассматриваемым в уголовном процессе, делам об административных правонарушениях, гражданским и экономическим делам;
- судебным исполнителям – по судебным постановлениям и иным исполнительным документам, находящимся в их производстве;

- прокурору или его заместителю, а также с санкции прокурора или его заместителя органам дознания и предварительного следствия
- по находящимся в их производстве материалам и уголовным делам;
- Департаменту финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь;
- нотариусам для совершения нотариальных действий;
- Национальному банку;
- организации, осуществляющей гарантированное возмещение банковских вкладов (депозитов) физических лиц.

Сведения, составляющие банковскую тайну, представляются банком на основании письменного запроса, подписанного руководителем государственного органа либо уполномоченным должностным лицом, скрепленного гербовой печатью и содержащего ссылки на нормы законодательных актов Республики Беларусь, предоставляющих государственному органу право на получение такой информации. Лица, получившие сведения, составляющие банковскую тайну, не вправе разглашать эти сведения без согласия владельца счета и (или) вклада (депозита) или поклажедателя, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь, и несут в соответствии с законодательством Республики Беларусь ответственность за разглашение этих сведений [5].

В связи с тем, что у адвоката есть обязанность соблюдать адвокатскую тайну, на наш взгляд, было бы целесообразно включить адвокатов в перечень лиц, которым может быть сообщена врачебная и банковская тайна, что в свою очередь повлечет за собой более эффективную работу адвоката по подготовке к делу. Несвоевременное или неполное получение адвокатом необходимой для представления интересов или защиты лица информации зачастую влечет за собой более длительное рассмотрение дела, затягивание судебного процесса, нарушение прав клиента или иных лиц, участвующих в рассмотрении дела. Закрепление в Кодексе об административных правонарушениях ответственности за не предоставление или предоставление ненадлежащей информации по запросу адвоката, на наш взгляд, обеспечит ответственное отношение уполномоченных органов к предоставлению ответов на запросы адвокатов.

Разрешение вышеуказанных проблем, дальнейшее совершенствование законодательства о правовом статусе адвоката позволит институту адвокатуры соответствовать всем реалиям развития общества и государства. Развитие адвокатуры должно перейти на качественно новый уровень, когда на основе созданного законодательства начинает

развиваться сам институт, превращаясь в самостоятельный и дееспособный орган, обеспечивающий получение гражданами профессиональной юридической помощи.

Список использованных источников

1. Савич, О. Д. Институт адвокатской тайны в научной литературе и зарубежном законодательстве / О. Д. Савич // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 10. – С. 64–69.

2. Боричевская, В. В. Проблемы обеспечения информационной безопасности адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве / В. В. Боричевская // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. – 2012. – № 4. Серия 4. – С. 105–109.

3. Сухарь, К. А. О запрете вызова адвоката для допроса по обстоятельствам, связанным с адвокатской деятельностью / К. А. Сухарь // Адвокат. – 2015. – № 5 – С. 7–9.

4. О здравоохранении : Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII: текст по состоянию на 20 дек. 2015 [Электронный ресурс] / Эталон. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://etalonline.by>. – Дата доступа: 20.12.2015.

5. Банковский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей октября 2000 г.: одобр. Советом Респ. 12 октября 2000 г.: текст Кодекса по состоянию на 20 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] / Эталон. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://etalonline.by>. – Дата доступа: 20.12.2015.

УДК 347.4/5

А. А. Пилипенко

канд. юрид. наук, доц.,

Белорусский государственный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕЗЮМИРОВАНИЯ В НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье рассматриваются научные подходы по вопросу определения правовой презумпции. С учетом мнения представителей налогового права, приводится авторская дефиниция налогово-правовой презумпции.

This article examines the scientific approaches on the definition of the legal presumption. Taking into the account the views of the representatives of the tax law, the author's definition of tax and legal presumption is provided.

Введение. Закрепление в законодательстве презумпций призвано нивелировать ситуации неопределенности, которые довольно часто наблюдаются в процессе правоприменения. Как отмечает Б. А. Булаевский, любая презумпция призвана устранить неопределенность относительно факта существования соответствующего правового явления [1, с. 49]. Н. А. Власенко констатирует, что цель презумпции – внести определенность в фактическую ситуацию, подлежащую правовой регламентации [2, с. 90]. Особенно это актуально в налоговой сфере, где модель построения взаимоотношений между государством и налогоплательщиками основана не только на рисковом характере деятельности последних, но и на риске наступления для них неблагоприятных финансовых последствий.

Основная часть. Изначальной методологической предпосылкой анализа любого понятия является обращение не только к историческим аспектам его появления и дефинирования, но и его терминологическое моделирование в различных словарях и энциклопедиях.

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова определяет презумпцию как предположение, признаваемое истинным, пока не доказано иное [3, с. 862]. Т.Е. Ефремова в современном толковом словаре русского языка, приводя аналогичное определение, акцентирует внимание на юридически прикладном аспекте презумпции: ««Презумпция – предположение, которое признается истинным, пока не доказано обратное (в юридической практике)» [4, с. 972].

Определение презумпции через истинное предположение с потенциальной возможностью его опровержения наблюдается в различных словарях иностранных слов. Например, Л. П. Крысин в толковом словаре иноязычных слов трактует презумпцию следующим образом: «Презумпция (лат. *praesumptio*, предположение, ожидание) – предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное» [5, с. 619]. Словарь иностранных слов В. В. Бурцевой и Н. М. Семеновичевой определяют презумпцию двухаспектным образом как предположение, основанное на вероятности и признании факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное [6, с. 534].

Энциклопедические источники 18–19 веков также уделяли внимание рассматриваемому феномену. Так, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона под презумпцией понимает положения, устанавливающие наличность фактов или событий без полного доказательства их существования [7, с. 52]. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат моделируют презумпцию в правовой сфере: «Презумпция в праве – предположение о доказанности

какого-либо обстоятельства в виду наличия данных фактов» [8, с. 339].

Дополнительный импульс и новые теоретические возможности в понимании презумпции дает философия. В тоже время, несмотря на то, что рассматриваемая категория не является достоянием лишь правовой науки (хотя и получила наибольшее распространение в праве), ее конкретно-научное философское звучание и оформление прослеживается в трудах именно представителей данной науки. Онтологическое понимание презумпции правоведами основано на определенном отношении субъекта к явлениям окружающего мира посредством в контексте философско-логического подхода. Например, Н. И. Горячев считает, что естественная (общелогическая) презумпция – это достаточно обоснованное вероятностное суждение (предположение) об истинности элементов (фактов) некоторого достаточно многочисленного класса, рассчитанное на заранее не определенное количество элементов (фактов) этого класса и, как следствие этого, допускающее возможность неоднократного использования и неоднократного опровержения [9, с. 25]. М. П. Пронина, в русле философско-логических оснований существования презумптивных предположений, а также соответствующих атрибутивных признаков, предлагает следующее определение презумпции в философском контексте: «Презумпция – это индуктивное умозаключение о вероятном существовании факта, основанное на статистически закономерной, обусловленной повторяемостью явлений и процессов взаимосвязи между имеющимися и презюмируемыми фактами» [10, с. 19]. На индуктивный характер презумпции обращает внимание Н.Ф. Качур, который полагает, что с философско-логической точки зрения презумпция представляет собой индуктивное умозаключение, основанное на так называемых эмпирических законах. Наблюдение, накопление фактического материала составляют необходимое условие формирования презумптивных обобщений. При этом число всех предполагаемых событий, явлений не совпадает с числом известных событий и явлений, что позволяет говорить о преобладающем значении неполной (популярной) индукции в этом познавательном процессе [11, с. 13].

Теоретико-правовое форматирование презумпций осуществлено в достаточно большом количестве трудов, каждый из которых ее детерминирует, дополняет и конкретизирует.

В. К. Бабаев, который долгое время занимался проблемой исследования данного правового феномена, предлагает наиболее известное и часто цитируемое определение презумпции как закрепленное в нормах

права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом [12, с. 14].

В. А. Булаевский рассматривает презумпцию как сложную правовую конструкцию и дает ей следующее определение: «Презумпция (как юридическая конструкция) – это закрепленная в правовой норме, основанная на предположении модель юридически значимого факта, правоотношения и др.), применяемая в регулировании общественных отношений при наличии определенных правовой нормой условий, за исключением случаев, когда будут доказаны обстоятельства, указывающие на невозможность использования такой модели» [13, с. 70].

М. П. Пронина, подробно осветив признаки правовой презумпции, понимает под ней закрепленное в правовой норме вероятностное суждение о существовании юридического факта, основанное на статистически закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и предполагаемым [10, с. 34].

Н. Н. Цуканов высказывает критикуемое в научном сообществе суждение о закреплении в формализованной нормативным образом презумпции юридических обязанностей: «Правовая презумпция есть непосредственно закрепленная в норме права юридическая обязанность признать определенный (презюмируемый) факт при наличии факта исходного, пока иное не будет установлено правоприменительным решением компетентного субъекта. Правовая презумпция формируется законодателем и действует как нормативное предписание» [14, с. 6]. В развитие данного мнения следует отметить, что достаточно большое количество авторов, мнения которых основаны на установлении нормативной связи между основанием презумпции и презумптивным предположением. Например, В. А. Витушко определяет презумпцию как нормативные предписания и юридические факты, которые порождают или утверждают наличие субъективного права, если в процессе осуществления права не установлено других обстоятельств, отвергающих действие презумпции [15, с. 212]. Н. С. Каранина полагает, что правовая презумпция – это разновидность нормативного предписания, представляющего собой правило-прием, согласно которому без специальных доказательств, а лишь на основании установленных юридических фактов можно сделать предположение о наличии (отсутствии) искомых юридических фактов или правоотношений [16, с. 13].

О. А. Курсова, в контексте местоположения правовой презумпции в системе приемов юридической техники, рассматривает ее сугубо

с технико-юридической стороны как строго юридико-техническое средство, выполняющее определенные функции и основанное либо на индуктивных обобщениях (опровержимые и неопровержимые презумпции), либо экспериментальном моделировании (квазипрезумпция) [17, с. 84].

В рамках межотраслевых исследований по налоговой проблематике следует отметить мнения авторов по теоретико-правовому дефинированию презумпции. Например, С. А. Мосин констатирует, что под правовой презумпцией понимается необходимое для правового регулирования предположение, прямо или косвенно закрепленное в правовой норме, направленное на установление или отсутствие определенных фактов, обстоятельств, процессов и считающееся истинным, пока не будет установлено иное [18, с. 3]. В. И. Земцова определяет презумпцию как юридическое правило доказывания, основанное на знании о том, что при наличии по делу юридического факта, совпадающего с презюмируемым законом фактом, всегда наступают определенные последствия, в силу чего субъекту предписываются те или иные правила поведения или принятие соответствующего обязательные решения по делу [19, с. 73]. В контексте отнесения презумпции к юридическим правилам доказывания аналогичного мнения придерживается А. В. Сидорова [20, с. 82].

В тоже время можно привести доктринальную позицию о правовой презумпции в узком и широком смысле, высказанное Д. М. Щекиным, который является представителем налогово-правовой науки: «В узком смысле правовая презумпция является суждением о факте, а в широком – не только о фактических обстоятельствах, но и о нормативных основаниях возникновения правоотношения. Правовая презумпция в широком смысле – это прямо или косвенно закрепленное в законодательстве обязательное суждение, имеющее вероятностную природу, о наличии или отсутствии нормативных или фактических оснований для возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей, направленное на достижение целей правового регулирования» [21, с. 29].

Непосредственное дефинирование налогово-правовой презумпции в литературе по налоговому праву встречается крайне редко. Можно обратить внимание на воззрение Д. В. Винницкого, который выводит понятие отраслевой налогово-правовой презумпции следующим образом: «Это непосредственно закрепленное в налогово-правовых нормах или вытекающее из их содержания предположение о наличии или отсутствии определенных юридических фактов, имеющих значение

для налогообложения. Налогово-правовая презумпция может быть основана на объективной связи между предполагаемыми фактами и фактами наличными, которая обычно проявляет себя в сфере налоговых отношений (индуктивная презумпция). В противном случае установление презумпции обусловлено исключительно содержанием налогово-правовых принципов и чертами метода налогово-правового регулирования (идеологические презумпции» [22, с. 268]. А. В. Демин определяет презумпцию в сфере налоговых отношений следующим образом: «Презумпция в налоговом праве – это прямо или косвенно закрепленное в источнике налогового права предположительное суждение об условии (т. е. принимаемом без доказывания) наличии либо отсутствии презюмируемого факта (события, правоотношения) при установленном наличии (отсутствии) связанного с ним факта-основания» [23, с. 261].

В центре научного внимания отдельных налоговедов находится не процесс категоризации презумпцию в налоговых отношениях, а ее значение для регулирования вышеуказанных отношений, в том числе посредством определения отдельных атрибутивных признаков. Ю. В. Старых, не давая определение налогово-правовым презумпциям, но подробно детерминировав важность данного приема юридической техники, полагает, что они являются эффективным средством ограничения негативного усмотрения в деятельности правоприменительных органов, позволяют решить проблему обеспечения законных прав налогоплательщика и служат гарантией реализации политики налоговой справедливости [24, с. 121]. При этом, данный автор моделирует отдельные дефинитивные суждения для характеристики презумпции как признания факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное, вытекающего из словарного толкования [24, с. 108]. М. В. Карасева отмечает, что правовой потенциал презумпций как одного из приемов финансово-правового регулирования обусловлен наличием у них свойства предположительности. Это свойство присуще презумпциям потому, что с точки зрения своего образования они представляют обобщения какого-то числа однородных случаев. Естественно, какие-то конкретные жизненные ситуации с участием налогоплательщика могут не подпадать под эти обобщения. В этом случае презумпция опровергается и демонстрирует свой не универсальный, а предположительный характер [25, с. 72]. Д. А. Смирнов полагает, что юридические презумпции в налоговом праве характеризуются вероятностным характером наличия или отсутствия нормативных и фактических оснований для возникновения, изменения или

прекращения прав и обязанностей, направленных на достижение налогово-правового регулирования [26, с. 187].

Основным признаком налогово-правовой презумпции, как и правовой, детерминирующим другие атрибутивные характеристики рассматриваемого феномена, является ее предположительность. При этом положительное для субъекта предположение довольно часто делается на основании не только возможного, но, и подтвержденного прикладной реальностью, отрицательного результата. Для налоговых отношений приведенная авторская сентенция является доминантой в отношениях между налогоплательщиками и государством в контексте перманентного поиска последним финансовых ресурсов. Например, закрепленная в белорусском законодательстве презумпция добросовестности налогоплательщика не делает его таковым не только по причине проведения контрольных мероприятий, результатом которых является выявление нарушений законодательства, но и вследствие персонифицированного понимания самим налогоплательщиком, в контексте проводимой государством налоговой политики, тщетности приведенной презумпции. В данном случае мы сталкиваемся с классическим случаем опровержения предположения, которое положено в основу налогово-правовой презумпции. В свете вышесказанного, следует констатировать, что данное опровержение, к сожалению, становится первоочередной обязанностью соответствующего субъекта публичного права.

В свою очередь, имманентной характеристикой предположения является вероятность, степень которой является важным фактором при разрешении вопроса о закреплении в правовой материи той или иной налогово-правовой презумпции. При этом вероятность его истинности может быть как относительно высокой, так и низкой, т. е. находится в интервале от 0 до 1. М. П. Пронина для определения степени вероятности презумпции предлагает использовать следующую формулу: $B = K_1 / K_2$, где K_2 – количество рассмотренных случаев, а K_1 – количество совпадений предположения и действительного факта [10, с. 17]. Приводя формулу расчета вероятности, данный автор делает вывод, что, как правило, презумптивное знание основывается на высоковероятной закономерности [10, с. 17]. Степень вероятности, которая устанавливает связь между предположением и его подтверждением или опровержением, служит средством установления искомых обстоятельств, юридических фактов и их следствий.

Заключение. На основании вышеизложенного полагаем необходимым определить налогово-правовую презумпцию как предположение различной степени вероятности, прямо или косвенно закрепленное

в налоговом законодательстве, о наличии или отсутствии одного юридического факта при наличии другого юридического факта, действующее до его официального опровержения государственным органом.

Список использованных источников

1. Булаевский, Б. А. Понимание презумпций как основа их эффективного применения (в поиске гражданско-правовых особенностей) / Б. А. Булаевский // Журн. рос. права. – 2014. – № 5. – С. 48–55.

2. Власенко, Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании / Н. А. Власенко. – М. : Ин-т зак-ва и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : ИНФРА-М, 2016. – 157 с.

3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс, 2009. – 1260 с.

4. Ефремова, Т.Ф. Современный словарь русского языка : в 3 т. : ок. 160 000 слов / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – Т. 2. М–П. – 1160 с.

5. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – 944 с.

6. Словарь иностранных слов : свыше 21 000 слов ; отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенов. – 5-е изд., стереот. – М. : Рус. яз., 2008. – 817 с.

7. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Томъ XXV. Пряга-Просрочка отпуска. – СПб. : Типо-Литографія И. А. Ефрона, 1898. – 478 с.

8. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат ; под ред. Ю. С. Гамбарова. – СПб. : Т-во «Бр. А. и И. Гранатъ и К⁰», 1913. – Т. 33. – 690 с.

9. Горячев, И. Н. Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. Н. Горячев. – Ярославль, 2010. – 210 л.

10. Пронина, М. П. Презумпции в современном российском праве / М. П. Пронина ; под ред. А. П. Кузнецова. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 152 с.

11. Качур, Н. Ф. Презумпции в советском семейном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. Ф. Качур. – Свердловск, 1982. – 216 л.

12. Бабаев, В. К. Презумпции в советском праве : учеб. пособие / В. К. Бабаев. – Горький : Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. – 124 с.

13. Булаевский, Б. А. К вопросу о понятии презумпций в праве / Б. А. Булаевский // Журн. рос. права. – 2010. – № 3. – С. 63–71.

14. Цуканов, Н. Н. Правовые презумпции в административной деятельности милиции : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / Н. Н. Цуканов ; Омск, Академия МВД России. – Омск, 2001. – 26 с.

15. Витушко, В. А. Курс гражданского права. Общая часть : в 5 т. : науч.-практ. пособие / В. А. Витушко. – Минск : БГЭУ, 2002. – Т. 2. – 717 с.
16. Каранина, Н. С. Правовые презумпции в теории права и российском законодательстве : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н. С. Каранина ; Ин-т государства и права РАН. – М., 2006. – 28 с.
17. Курсова, О. А. Фикции в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. А. Курсова. – Н. Новгород, 2001. – 193 л.
18. Мосин, С. А. Роль конституционно-правовых презумпций в налоговых правоотношениях / С. А. Мосин // Вестн. Рос. правовой академии. – 2012. – № 2. – С. 3–6.
19. Земцова, В. Презумпции и преюдиции как юридические правила доказывания в налоговых спорах / В. Земцова // Право и экономика. – 2009. – № 9. – С. 73–75.
20. Сидорова, А. Правовые презумпции в налоговом праве / А. Сидорова // Закон и право. – 2007. – № 8. – С. 82.
21. Щекин, Д. М. Юридические презумпции в налоговом праве: учеб. пособие / Д. М. Щекин ; под ред. С. Г. Пепеляева. – М. : Академ. правовой ун-т, 2002. – 252 с.
22. Винницкий, Д. В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики / Д. В. Винницкий. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003. – 397 с.
23. Демин, А. В. Принцип определенности налогообложения / А. В. Демин. – М. : Статут, 2015. – 368 с.
24. Старых, Ю. В. Усмотрение в налоговом правоприменении / Ю. В. Старых; под ред. М. В. Карасевой. – М. : Юриспруденция, 2007. – 176 с.
25. Карасева, М. В. Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса Российской Федерации / М. В. Карасева // Журн. рос. права. – 2002. – № 9. – С. 71–80.
26. Смирнов, Д. А. Принципы российского налогового права: понятие, формирование, реализация / Д. А. Смирнов ; под ред. Н. И. Химичевой. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 248 с.

УДК 342.98-057.34

А. Р. Решетник

Сумский государственный университет

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В УКРАИНЕ

В статье рассматриваются вопросы совершенствования законодательства Украины в области государственной службы в свете евро интеграционных

процессов. Анализируются актуальные нормативно-правовые акты Украины и последствия их реализации для государственных служащих судебной ветви власти.

The article deals with the issue of improving national legislation in the field of public service in the light of European integration processes. It analyzes the current legal acts and the consequences of the implementation for public servants of the judiciary.

Вступление. Согласно стратегии реформирования государственной службы и службы в органах местного самоуправления в Украине на период до 2017 года, одобренной распоряжением Кабинета Министров Украины от 18 марта 2015 № 227-р, неотъемлемой составляющей стратегических преобразований, начатых в Украине, является приближение государственной службы к европейским принципам, которые предъявляются к странам - кандидатам на вступление в ЕС, а также принципам «надлежащего управления», которые закреплены решениями Совета Европы [1].

Именно поэтому реалии государственной службы, особенно в судебных органах свидетельствуют о неотложной необходимости перезагрузки нормативно-правовой базы, пересмотра существующей системы и усовершенствование всех ее элементов с учетом евро стандартам.

Среди множества проблем системы государственной службы можно сразу выделить вопросы относительно проявлений коррупции со стороны государственных служащих, открытости и публичности конкурсного отбора на должности государственной службы, определения критериев к ним. А также вопросы карьерного продвижения и профессиональной компетентности; вопрос о введении принципиально новых механизмов юридической ответственности государственных служащих за нарушение требований законодательства о своей деятельности; проблема социального, материального обеспечения и оплаты труда государственных служащих; вопросы подготовки, повышения квалификации, обучения; переосмысления роли кадровых служб по менеджменту персонала; общего авторитета и имиджа государственной службы в Украине.

Векторов совершенствования существует немало, учитывая разветвленность института государственной службы и специфики деятельности государственных служащих, но в целом можно определить курс на повышение качества государственной службы, оптимизации функций органов власти и рациональное распределение полномочий между государственными служащими.

Основная часть. На сегодняшний день в стране сложилась непроясненная ситуация в области государственной службы. Дело в том, что очень сложно проанализировать и спрогнозировать, какими способами внедрять усовершенствования в данной сфере правоотношений, так как публичная власть за последние 5 лет очень часто меняла ориентиры в контексте эволюции государственной службы. Такой плюрализм взглядов, очевидно, вызван постоянным изменением акцентов относительно перспектив развития, в связи с недостаточной урегулированностью во внешней и внутренней политике государства.

С одной стороны, все вопросы государственной службы до 1 мая 2016 регулирует Закон Украины «О государственной службе» от 16 декабря 1993 № 3723-ХІІ с устаревшими, неактуальными нормами и положениями.

С другой стороны Закон Украины «О государственной службе» от 17 ноября 2011 № 4050-VІ, с принципиально новыми основами деятельности, который было запланировано реализовать сразу после его принятия, (постоянно откладывалось вступление в силу в течение 4 лет) так и не смог стать действующим. Свидетельством этого стало инициирование Кабинетом Министров альтернативного Проекта Закона «О государственной службе» № 2490 в конце марта 2015 года. [2]. Который впоследствии получил поддержку парламента 10 декабря 2015 года и был подписан Президентом 31 декабря 2015 года. Особенностью стало условие Верховной Рады о переносе вступления в силу Закона на 1 мая 2016 года, из-за того что правительству необходимо доработать нормативные документы для вступления его в силу до того времени.

Возникает диссонанс в ориентирах, который мешает четко определить, в каком направлении держать курс на реформирование и совершенствование конкретных аспектов, ведь, несмотря на предыдущий опыт законотворчества, можно допустить, что Закон № 889-VІІІ от 10.12.2015 г. постигнет та же участь, что и предыдущий Закон № 4050-VІ от 17.11.2011 г.

Таким образом, появляется необходимость в определении направления совершенствования национального законодательства по административно-правовому регулированию деятельности государственных служащих, особенно в судебной ветви власти.

Анализируя Закон Украины «О государственной службе» № 889-VІІІ, в первую очередь можно отметить изменение статуса некоторых категорий должностей государственной службы. В частности, сфера действия Закона распространяется на государственных

служащих Секретариата Кабинета Министров Украины, министерств и других центральных органов исполнительной власти, местных государственных администраций, органов прокуратуры, органов военного управления, иностранных дипломатических учреждений Украины.

Отдельной статьей определено служащих государственных органов, в отношении которых применяются особенности прохождения государственной службы. Действие этой статьи распространяется на: глав местных государственных администраций, руководителей аппаратов (секретариатов) Верховной Рады Украины, вспомогательных органов, образованных Президентом Украины, Представительства Президента Украины в Автономной Республике Крым, Антимонопольного комитета Украины, Государственного комитета телевидения и радиовещания Украины, Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека, Фонда государственного имущества Украины, Конституционного Суда Украины, Верховного Суда Украины, высших специализированных судов, Высшего совета юстиции, Высшей квалификационной комиссии судей Украины, Национального агентства по вопросам предотвращения коррупции, совета национальной безопасности и обороны Украины, Счетной палаты, а также государственных коллегиальных органов, должности председателей и членов которых не относятся к должностям государственной службы [3].

В свою очередь, вне сферы Закона остались Президент Украины, Глава Администрации Президента Украины и его заместители, Постоянный Представитель Президента Украины в Автономной Республике Крым и его заместители, члены Кабинета Министров Украины, первые заместители и заместители министров; Председатель и члены: Национального совета Украины по вопросам телевидения и радиовещания, Антимонопольного комитета Украины, Национального агентства по вопросам предотвращения коррупции, Счетной палаты, Центральной избирательной комиссии, других государственных коллегиальных органов; Секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины и его заместители; Председатель Государственного комитета телевидения и радиовещания Украины и его заместители, Председатель Фонда государственного имущества Украины и его заместители; народные депутаты Украины; Уполномоченный Верховной Рады Украины по правам человека и его представители; служащие Национального банка Украины; депутаты Верховной Рады Автономной Республики Крым, Председатель Совета министров Автономной Республики Крым и его заместители, министры Автономной Республики Крым; депутаты местных советов, должностные лица

местного самоуправления; судьи; прокуроры; работники государственных органов, выполняющих функции по обслуживанию; работники государственных предприятий, учреждений, организаций, других субъектов хозяйствования государственной формы собственности, а также учебных заведений, основанных государственными органами; военнослужащие Вооруженных Сил Украины и других военных формирований, образованных в соответствии с законом; лица рядового и начальствующего состава правоохранительных органов и работников других органов, которым присваиваются специальные звания, если иное не предусмотрено законом; работников патронатных служб [3].

В контексте судебной власти статуса государственных служащих будут лишены помощники судей. На другие должности служащих аппарата эта норма не распространяется. В чем же разница? Исходя из логики правительства, помощник судьи лишается статуса госслужащего в связи со вспомогательной природой выполняемых им обязанностей. То есть, по мнению правительства, деятельность помощника судьи прямо не связана с практическим выполнением задач и функций государства и ориентирована на выполнение распоряжений своего руководителя, а не суда. Тогда возникает вопрос, чем являются такие должностные обязанности помощника судьи, как подготовка проектов судебных решений, дел к рассмотрению, внесение судебных решений в ЕГРСР и др., ведь такие обязанности возложены на помощника судьи, в широком смысле, именно государством.

Опять же, руководствуясь логикой правительства, в частности, положениями Закона Украины «О государственной службе» № 889-VIII, фиксируется предложение об отнесении помощников судей к патронатной службе. Напомним, что патронатная служба представляет собой совокупность работников государственного органа, которые лично принимаются на должности членами Кабинета Министров Украины, председателями местных государственных администраций, согласно штатному расписанию и категории, соответствующей должности [4]. Следует обратить внимание на то, что Законом № 889-VIII практически отождествляются должности помощника депутата и помощника судьи, но очевидно, что по своей сути и всем признакам они являются несопоставимыми, поэтому понятия «помощник депутата» и «помощник судьи» не являются приравняемыми, а по своему содержанию и внутренней природе – совершенно разные.

Необходимо заметить, что в отличие от настоящих должностей патронатной службы (где временные рамки деятельности помощника привязываются к выборной должности его начальника, поскольку

последний имеет определенные ограничения во времени своих полномочий), помощники судей могут назначаться бессрочно, поскольку должность судьи может предусматривать его бессрочное назначение. Кроме того, специфика выполняемых помощником обязанностей, несомненно, указывает на то, что на него возложена государством функция осуществления судопроизводства, подготовки судебных дел к рассмотрению и проектов судебных решений. Еще одним подтверждением этого является процедура назначения на должность, ведь помощника судьи принимает именно руководитель аппарата суда по представлению судьи. А значит, помощника суда необходимо считать именно работником аппарата, где он и проходит государственную службу, которую возглавляет руководитель аппарата суда. Исходя из этого, некорректно только по одному признаку – назначению по представлению судьи, относить помощников судей к патронатной службе.

Несложно догадаться, что лишение помощников судей статуса государственных служащих может привести к необратимым последствиям негативного характера. Ведь, будем честными, они и так работают, «за идею», получая при этом невысокую заработную плату по сравнению с судьями.

В соответствии с Постановлением Кабинета Министров Украины № 268 от 9 марта 2006 г. «Об упорядочении структуры и условий оплаты труда работников аппарата органов исполнительной власти, органов прокуратуры, судов и других органов», должностной оклад работников аппарата суда установлен на уровне минимальной заработной платы, которая составляет с 01.01.2016 г. по 30.04.2016 г. 1330,00 гривен (приблизительно 3 300 000,00 бел. руб.), в то время как цены на проживание в Украине стремительно растут [5]. Единственным, что придает оптимизм работникам аппаратов судов, это бонусы, то есть премиальные выплаты. Эти выплаты не являются равнозначными в размерах, и напрямую зависят от места работы. То есть, если оклад является величиной постоянной, то премии отличаются за счет размеров фонда экономии оплаты труда. Впоследствии такие различия в оплате труда было решено уравнивать за счет новелл Закона Украины «Об обеспечении права на справедливый суд» от 12.02.2015 г. № 192-VIII. Соответственно, оклад работника аппарата, должность которого отнесена к 6-й категории, составляет 30% оклада судьи местного суда. Оклады работников аппарата, отнесенные к каждой следующей категории, устанавливаются с коэффициентом 1,3 предыдущей [6]. Таким образом, оклад помощника судьи может достичь вполне достаточного уровня, но Кабинетом Министров Украины,

почти одновременно с принятием Закона Украины «Об обеспечении права на справедливый суд» был внесен Проект Закона «О государственной службе» № 2490, на основании которого впоследствии принят Закон Украины «О государственной службе» № 889-VIII. Согласно этому закону, нормы по повышению оклада работников аппарата, предлагается убрать из действующего законодательства.

Такое хаотичное обновление законодательства однозначно может привести к неурегулированной деятельности государственных служащих судебной сферы. И вместе с этим повлечет за собой проблему текучести кадров, что приведет к ухудшению профессионального уровня работников суда.

Возвращаясь к вопросу о помощниках судей, следует отметить, что они, как и другие государственные служащие аппарата суда, являются лицами высокообразованными, профессионалами с практическим опытом работы в области права, несут личную ответственность за свою работу, поэтому их труд не может быть оценен как обычный неквалифицированный, за которую выплачивается минимальная зарплата, определена трудовым законодательством Украины. Кроме того, согласно антикоррупционных ограничений относительно совместительства и совмещения с другими видами деятельности они, как государственные служащие не имеют права заниматься какой-либо коммерческой или предпринимательской деятельностью и вообще деятельностью, имеющей целью получение прибыли, кроме преподавательской, научной и творческой, медицинской практики, инструкторской и судейской практики по спорту [7]. То есть дополнительный заработок в отношении этих лиц запрещен и преследуется законодательством. Тем более, что избавляясь от статуса государственных служащих, они автоматически теряют гарантии работы и попадают в зависимость от трудоустройства начальника судьи и от его отношения (имеется в виду возможность увольнения помощника, даже при необоснованном желании судьи). А кроме гарантий они, одновременно, избавляются запретов, взамен получая новые права: на протесты, агитацию, принадлежность к политическим партиям и т. д.

Также Закон содержит принципиальное новшество, а именно реорганизацию упрощенного разделения на должности трех категорий: «А» (высший корпус государственной службы), «Б» (руководители подразделений), «В» (другие должности государственной службы, не отнесенные к категориям «А» и «Б»). С одной стороны, действительно упрощенная система классификации должностей может значительно улучшить администрирование государственной службой, однако,

эта статья Закона, все-таки, дает нечеткое определение должностей категории «В» – другие должности государственной службы, не отнесенные к категориям «А» и «Б».

Среди основных новелл также требования к политической беспристрастности государственных служащих. В частности, государственный служащий должен беспристрастно выполнять законные приказы руководителей, независимо от их партийной принадлежности и своих политических убеждений. Государственный служащий не имеет права демонстрировать свои политические взгляды и совершать другие действия, свидетельствующие о его особом отношении к определенным партиям. Что в итоге может негативно повлиять на имидж государственного органа и доверие к власти или представлять угрозу для конституционного строя, территориальной целостности и национальной безопасности, для здоровья и защиты прав и свобод других людей [2]. Конечно, в соответствии с Конституцией Украины, разрешается устанавливать определенные ограничения в отношении определенных лиц, в том числе государственных служащих, но с замечанием «только в интересах национальной безопасности и общественного порядка, охраны здоровья населения или защиты прав и свобод других людей» [8]. Но выражение же собственных взглядов не имеет прямой связи с защитой национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья населения или защиты прав и свобод других людей. Такую конституционную свободу нельзя «табуировать» полностью относительно данных лиц, ведь, безусловно, каждый государственный служащий, будучи гражданином Украины, имеет право на собственные политические убеждения и мысли, свобода которых гарантируется государством и основным законом государства.

Выводы. Итак, подводя черту вышеизложенному, необходимо сделать вывод о том, что обновление нормативно-правовой базы в области государственной службы в целом для Украины является моментом положительным. Но наряду с этим, в случае внедрения некоторых правовых норм, существуют определенные риски, несогласованности и противоречия для престижа и качества государственной службы. В частности, отмечается необходимость пересмотреть отнесение должности помощника судьи к должности патронажной службы, ведь, как мы выяснили, это противоречит сути выполняемых им задач в судебном учреждении и приведет к обесцениванию данной профессии. Предлагается в п. 3 ч. 2 статьи 6 Закона Украины «О государственной службе» от 10.12.2016 г. № 889-VIII предоставить более четкую формулировку должностей группы.

Предлагается отметить в п. 8 ч. 1 статьи 4 и ч. 2 статьи 10 Закона Украины «О государственной службе» от 10.12.2016 г. № 889-VIII, что государственный служащий в контексте принципа политической беспристрастности, воздерживается от убеждения или агитации собственных взглядов других лиц, во время выполнения им служебных обязанностей.

Предлагается внести изменения в статьи 91 и 92 Закона Украины «О государственной службе» от 10.12.2016 г. № 889-VIII, а именно: в ч. 1 статьи 92 убрать словосочетание «помощников судей», взамен ч. 1 статьи 91 дополнить этим словосочетанием.

Список использованных источников

1. Распоряжение Кабинета Министров Украины от 18.03.2015 № 227-р «Об одобрении Стратегии реформирования государственной службы и службы в органах местного самоуправления в Украине на период до 2017 года и утверждении плана мероприятий по его реализации», [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/227-2015-%D1%80>.

2. Проект Закона Украины «О государственной службе» № 2490 от 30.03.2015 г., [Электронный ресурс]. – Режим доступа: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** [pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54571](http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/2490-17-%D1%80).

3. Закон Украины «О государственной службе» от 10 декабря 2015 года № 889-VIII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/889-19/page>.

4. Постановление Кабинета Министров Украины № 851 от 19 мая 1999 года «Об утверждении Порядка пребывания на государственной службе работников патронатной службы членов Кабинета Министров Украины и председателей местных государственных администраций» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/851-99-%D0%BF>.

5. Постановление Кабинета Министров Украины № 268 от 9 мая 2006 года «Об упорядочении структуры и условий оплаты труда работников аппарата органов исполнительной власти, органов прокуратуры, судов и других органов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/268-2006-%D0%BF>

6. Об обеспечении права на справедливый суд: Закон Украины от 12 февраля 2015 года / Верховная Рада Украины // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2015. – № 192.

7. Закон Украины «О предотвращении коррупции» от 10 декабря 2015 года № 889-VIII [Электронный ресурс] / Верховная Рада Украины. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/889-19/page>.

8. Конституция Украины от 28.06.1996 года [Электронный ресурс] / Верховная Рада Украины // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1996. – № 30. – Ст. 36. – Режим доступа: <http://zakon.rada.gov.ua>

Е. Я. Рутман-Шиндина

УО «Барановичский государственный университет»

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА РЕБЕНКА ЗНАТЬ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты правового регулирования института установления происхождения детей, способствующего реализации права ребенка знать своих родителей. Аргументируются предложения по совершенствованию действующего законодательства в обозначенной области.

The article discusses some problematic aspects of the legal regulation of the establishment of origin of children, contributing to the realization of the right of the child to know their parents. Reasoned proposals for improving existing legislation in a specified area.

Актуальность рассматриваемых в статье вопросов обусловлена, прежде всего, чрезвычайно важной ролью института установления происхождения детей в обеспечении наиболее благоприятных условий для жизнедеятельности семьи, выполнения ею репродуктивной, воспитательной функций. Термин «происхождение» в данном случае подразумевает биологическое (кровное) родство ребенка с определенными мужчиной и женщиной как отцом или матерью, что заслуживает к себе пристального внимания, поскольку семья – это естественная среда ребенка, а институт установления происхождения детей может и должен способствовать реализации права каждого ребенка, насколько это возможно, знать своих родителей и права на их заботу и внимание.

Право быть родителем, либо право на материнство или отцовство, относится к числу личных неимущественных прав. С юридической точки зрения данное право возникает с момента возникновения субъекта права, то есть момента рождения, и является неотъемлемым, возможность же его реализации обусловлена достижением индивидом физиологического состояния, обеспечивающего способность к воспроизводству: уровнем его половой зрелости и состоянием репродуктивного здоровья. В силу изложенного *право на материнство (отцовство) не зависит от дееспособности лиц, его осуществление не*

может быть ограничено формальными (достижение определенного возраста) или неформальными условиями.

Как известно белорусское право наделяют ребенка правосубъектностью с момента рождения. Поскольку родительские правоотношения не могут существовать в отсутствие объекта права, право на материнство (отцовство) можно рассматривать как единство двух составляющих: права стать родителем (репродуктивные права) и права быть родителем (родительские права). При этом родительские права вытекают из репродуктивных прав и обусловлены их реализацией.

В рамках анализа содержания родительских прав и обязанностей по отношению к ребенку актуальной является проблема дефиниции момента их возникновения.

Ранее действовавшее законодательство не позволяло однозначно установить, какой момент является отправной точкой материнства (отцовства), в силу чего этот вопрос в семейно-правовых исследованиях детально не рассматривался [1, с. 20]. Некоторые исследователи считали, что исключительно регистрация рождения ребенка в органах загса порождает для лиц правовые последствия, т.е. права и обязанности родителей [2, с. 33]. Отмечалось, что происхождение детей от родителей имеет юридическое значение лишь при условии оформления этого факта в надлежащем порядке, и только после регистрации рождения ребенка возникают взаимные права и обязанности между ним и его родителями [3, с. 69]. Иной точки зрения придерживается А. М. Нечаева, утверждающая, что рождение ребенка непосредственно порождает права и обязанности родителей «при одном существенном условии – если они состоят в браке» [4, с. 142].

С указанными утверждениями вряд ли можно согласиться. Известно, что права и обязанности родителей и детей являются взаимными. В частности, родительским правам и обязанностям корреспондируют права ребенка, предусмотренные как национальным законодательством, так и международными обязательствами государства.

Согласно ч. 1 ст. 50 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) «Основания возникновения прав и обязанностей родителей и детей», взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке. Из содержания указанной статьи следует, что происхождение детей от родителей имеет юридическое значение лишь при условии оформления этого факта в надлежащем порядке, и только после регистрации рождения ребенка возникают взаимные права и обязанности между ним и его родителями [5].

Между тем, как было указано выше согласно п. 1 ст. 7 Конвенции о правах ребенка от 30 ноября 1989 г. [6], ребенок регистрируется сразу же после рождения и с момента рождения имеет право на имя и на приобретение гражданства, а также, насколько это возможно, право знать своих родителей и право на их заботу. Таким образом, если праву ребенка на гражданство корреспондирует обязанность государства признать его гражданином и наделить его совокупностью гражданских прав, правам ребенка на имя, на родителей и их заботу корреспондируют соответствующие права и обязанности родителей дать ребенку имя, воспитывать ребенка и заботиться о нем. При этом моментом возникновения соответствующих правоотношений, то есть прав и обязанностей родителей, является момент рождения ребенка.

Указанный вывод основывается также на анализе соответствующих общественных отношений. В частности, общепризнанными являются не только право, но и обязанность матери и отца ребенка проявлять заботу о нем с момента рождения вне зависимости от формального удостоверения факта рождения. Неоспоримо право матери определять условия кормления ребенка, его сна, обеспечения его гигиены и защиты, удовлетворения основных жизненных потребностей. При выписке из родильного дома (отделения), в котором находились мать и ребенок, ребенка отдают его родителям. С другой стороны, ст. 80 КоБС установлена семейно-правовая ответственность родителей в виде лишения родительских прав за отказ без уважительных причин взять ребенка из родительского дома (отделения). Поскольку регистрация рождения ребенка в любом случае осуществляется по истечении определенного периода времени с момента его рождения, налицо фактическое осуществление и признание ряда родительских прав и обязанностей, установленных ст. 68 КоБС, до регистрации рождения ребенка [5].

В частности, до регистрации рождения ребенка родители осуществляют права и обязанности по определению места жительства ребенка, его воспитанию, осуществлению ухода и надзора за ним, осуществлению защиты его прав и законных интересов. Право на определение имени ребенка реализуется родителями до регистрации рождения. Собственно, право и обязанность зарегистрировать рождение ребенка наряду с другими обязанностями также вменяется родителям в связи с рождением ребенка и возникает в момент его рождения.

Определение момента возникновения родительских прав и обязанностей моментом регистрации рождения ребенка недопустимо в силу

того, что сама регистрация рождения ребенка осуществляется, согласно ст. 205 КоБС, по заявлению родителей, и только если родители по каким-либо причинам не могут сделать заявление самостоятельно, регистрация рождения ребенка возможна по заявлению других лиц [5]. Таким образом, возникновение родительских прав и обязанностей ставилось бы в зависимость не от объективной реальности – факта рождения ребенка от определенных родителей, а от субъективного желания родителей принять либо не принять на себя соответствующие права и обязанности. Учитывая то, что ст. 206 КоБС установлен неоправданно длительный трехмесячный срок для подачи заявления о регистрации рождения, и белорусским законодательством не предусмотрена мера ответственности за уклонение родителей от регистрации рождения ребенка, реализация прав ребенка, предусмотренных Конвенцией о правах ребенка, была бы в таком случае невозможной.

Итак, родительские права и обязанности возникают для родителей в момент рождения ребенка. Регистрация рождения ребенка документально подтверждает сложившиеся правоотношения и служит средством формальной защиты родительских прав и прав ребенка во взаимоотношениях с третьими лицами. Предлагаем закрепить указанную дефиницию в ч. 1 ст. 50 КоБС.

Не менее важным является вопрос о том, всегда ли рождение ребенка порождает правовую связь с обоими родителями. Для ответа на него необходимо выяснить содержание репродуктивной и родительской дееспособности с учетом биологического и социального факторов.

Современная концепция репродуктивных прав предполагает определенную свободу распоряжения ими. Белорусское законодательство не запрещает прекращение беременности женщиной, решение об этом в любом случае принимается ею самостоятельно. Поскольку нерожденный ребенок с правовой точки зрения рассматривается как часть организма матери, отец нерожденного ребенка не вправе определять его судьбу. В связи с этим незаконными являются любые действия мужчины, направленные на сохранение беременности женщины при отсутствии на это ее согласия, а любые предварительные соглашения между ними о зачатом ребенке до его рождения не могут быть исполнены принудительно.

Таким образом, женщины и мужчины при равной репродуктивной правоспособности обладают различной репродуктивной дееспособностью. Поскольку родительское право вытекает из репродуктивного и им обусловлено, можно предположить, что и родительская дееспособность лиц разного пола имеет свою специфику.

Как известно, в соответствии с КоБС родство по отношению к матери вытекает из факта рождения, удостоверенного определенным законом образом. Отцом же ребенка, рожденного в браке, является муж матери. Если же муж матери не является отцом родившегося в браке или в течение десяти месяцев после его расторжения ребенка, он попадает в затруднительное положение. В соответствии с действующими нормами родителями ребенка записываются отец и мать, состоящие в браке между собой, по заявлению любого из них. Следовательно, достаточно одного заявления матери для записи мужчины, с которым она зарегистрировала брак, отцом своего ребенка без согласия мужчины, у которого один путь – оспаривать отцовство и требовать исключения сведений об отце из актовой записи о рождении в судебном порядке. В абсолютном большинстве случаев для удовлетворения указанных исковых требований необходимо проведение специальной генетической экспертизы по установлению происхождения ребенка от предполагаемого отца. Это сложный дорогостоящий генетический анализ, для проведения которого необходимо обязательное присутствие отца, матери и ребенка. Проводится данный анализ только на добровольной основе, никто не имеет права понудить ни женщину, ни мужчину, ни ребенка участвовать в проведении данной экспертизы. Других же доказательств, чтобы оспорить отцовство, у мужчины может и не быть.

С целью сокращения судебных расходов, а также минимизации моральных издержек заинтересованных лиц представляется целесообразным изложить часть 1 статьи 54 КоБС в следующей редакции:

«Отец и мать, состоящие между собой в браке, записываются родителями ребенка в книге записей актов о рождении по совместному заявлению женщины-матери, по удостоверенной справке медицинского учреждения или решения суда об установлении факта рождения, и мужчины, пожелавшего быть записанным отцом. Если заявления от мужчины не поступило, запись об отце производится в соответствии с требованиями, установленными частью 1 статьи 55 настоящего Кодекса».

По-прежнему возникают сложности в разрешении вопросов, касающихся установления происхождения детей, родившихся в результате искусственного оплодотворения. Так, муж, давший в установленном порядке согласие на искусственное оплодотворение жены, записывается отцом рожденного ею ребенка и не вправе оспаривать произведенную запись, за исключением случаев, когда имеются

доказательства того, что мать забеременела не в результате искусственного оплодотворения.

При этом следует отметить, что достаточно часто имеют место случаи рождения ребенка в результате использования вспомогательных репродуктивных технологий вне брака. В таком случае повторяется ситуация нарушения гендерных прав мужчины, который не являясь мужем матери, хотел бы быть записанным отцом ее ребенка со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями.

Для разрешения обозначенной проблемы предлагаем дополнить статью 52 КоБС частью 7 в следующей редакции: «Мужчина, давший в установленном законом порядке согласие на искусственное оплодотворение женщины, не состоящей в зарегистрированном браке, с которой он состоит в фактических брачных отношениях, записывается отцом рожденного ею ребенка и не вправе оспаривать произведенную запись, за исключением случаев, когда имеются доказательства того, что мать забеременела не в результате искусственного оплодотворения».

При этом не имеет значения, состоит ли в другом зарегистрированном браке мужчина и имеются ли у него другие дети. Данное им согласие и согласие матери на искусственное оплодотворение от материала донора или материала этого же мужчины будет порождать правовые последствия – права и обязанности – отца перед рожденным ребенком, а у родившегося ребенка перед отцом.

Список использованных источников

1. *Пенкрат, В. И.* Семейное право : практ. пособие / В. И. Пенкрат – Минск : Молодеж. науч. общ-во, 2004. – 152 с.

2. *Василевич, Г. А.* Конституция и некоторые аспекты защиты прав и свобод граждан / Г. А. Василевич. – Минск : Амалфея, 1999. – 256 с.

3. *Тихиня, В. Г.* Правовые основы семьи : юрид. справ. / В. Г. Тихиня, М. Г. Бруй. – Минск : Минский ин-т упр., 2006. – 218 с.

4. *Нечаева, А. М.* Семейное право : учебник / А. М. Нечаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 327 с.

5. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 1.02.2016 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

6. Конвенция о правах ребенка : принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи, 20 ноября 1989 г. – Минск: Детский фонд ООН, 2007. – 32 с.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ

В статье автором рассматриваются некоторые теоретико-правовые аспекты доверительного управления имуществом, предлагаются классификации правоотношений в сфере доверительного управления имуществом, вносится предложение по совершенствованию гражданского законодательства.

In the article some theoretical aspects of trust management of property are considered by the author, classifications of legal relationship in the sphere of trust management of property are offered, the suggestion for improvement of the civil legislation is made.

Введение. Доверительное управление имуществом является новеллой белорусского гражданского законодательства и науки гражданского права. С момента его закрепления в качестве самостоятельного правового института уже прошло около семнадцати лет, однако до сих пор многие его аспекты недостаточно изучены. Дискуссионными являются вопросы относительно места самого института доверительного управления имуществом в системе вещных и обязательственных прав. Острыми являются вопросы относительно возмездности и фидуциарности договора доверительного управления имуществом. Не выработано единых взглядов по поводу предмета исследуемого договора. Неоднозначно трактуется объект доверительного управления, в целом нет единства относительно видов имущества, которые могут быть самостоятельным объектом доверительного управления. Не сложилось единого мнения относительно правовых характеристик договора доверительного управления имуществом, что не позволяет определить его правовую природу. Спорным является содержание норм, устанавливающих ответственность доверительного управляющего, противоречивым – вверителя. В целом по-разному толкуются правовые нормы, регулирующие доверительное управление имуществом. В настоящей статье мы считаем необходимым остановиться на некоторых теоретико-правовых аспектах доверительного управления имуществом с целью пополнения его понятийно-категориального аппарата.

Доверительное управление имуществом следует рассматривать как отдельный вид хозяйствования с использованием чужого имущества.

Данная конструкция может с успехом применяться как в коммерческой сфере деятельности, так и в некоммерческой сфере деятельности. Однако сегодня следует отметить, что наилучшую динамику заключения договоров доверительного управления имуществом можно наблюдать в банковской сфере деятельности.

Согласно п. 1 ст. 895 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [1] по договору доверительного управления имуществом одна сторона (вверитель) передает другой стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а доверительный управляющий обязуется за вознаграждение осуществлять управление этим имуществом в интересах вверителя или указанного им лица (выгодоприобретателя). Передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности на него к доверительному управляющему. Как отмечает Е. А. Суханов, потребность в такой передаче может определяться разными причинами, например, неопытностью или неспособностью собственника эффективно использовать некоторые объекты своего имущества (предприятие как имущественный комплекс, ценные бумаги и др.), желанием использовать для этого профессионалов, а также «намерением облагодетельствовать кого-либо...» [2, с. 25]. Цель передачи имущества в доверительное управление имеет важное значение, поскольку «задает тон» в целом конструкции доверительного управления имуществом, определяет правила ее построения.

В зависимости от цели учреждения доверительного управления имуществом мы предлагаем различать два его вида: предпринимательское (коммерческое) (его также можно именовать добровольным) и законное (некоммерческое). Предпринимательское (коммерческое) доверительное управление опосредуется заключением на добровольных началах возмездного договора доверительного управления имуществом. В таком правоотношении собственник стремится извлечь максимальную прибыль из своего имущества посредством передачи его в управление доверительному управляющему – профессионалу, которым выступает индивидуальный предприниматель или коммерческая организация. Анализируя положения ст. 895 ГК, можно сделать вывод о том, что это основной вид доверительного управления имуществом. Случаи учреждения доверительного управления имуществом по основаниям, предусмотренным ст. 909 ГК, следует относить, по нашему мнению, к законному (некоммерческому) доверительному управлению. Особенности его являются: вверителем имущества по договору выступает «несобственник» (например, орган опеки и попечительства,

нотариус и др.); доверительным управляющим может выступать лицо, не являющееся предпринимателем, или некоммерческая организация, в силу чего отношения между сторонами предполагаются безвозмездными (построение правоотношения на возмездной основе не исключено). Цель учреждения законного доверительного управления – это, прежде всего, охрана и «сбережение» имущества. Особенностью законного доверительного управления имуществом является также то, что заключению договора доверительного управления имуществом предшествует решение органа опеки и попечительства, решение нотариуса и т. п., иными словами, основанием для его возникновения является состав юридических фактов.

Объектом доверительного управления, согласно ст. 896 ГК могут выступать предприятия, другие имущественные комплексы, отдельные объекты, относящиеся к недвижимому имуществу, ценные бумаги, права, удостоверенные бездокументарными ценными бумагами, исключительные права и другое имущество, а также денежные средства. Представляется оправданным выделение классификации правоотношений по доверительному управлению имуществом в зависимости от объекта доверительного управления. В связи с этим, доверительное управление можно классифицировать на: доверительное управление недвижимостью, доверительное управление ценными бумагами, доверительное управление денежными средствами, доверительное управление исключительными правами и т. д. Договоры доверительного управления соответствующим объектом будут являться разновидностями договора доверительного управления имуществом.

Считаем необходимым обратить внимание на непрекращающуюся дискуссию в юридической литературе относительно возможности денежных средств быть самостоятельным объектом доверительного управления. Необходимо отметить, что как исключение доверительное управление денежными средствами допускается п. 2 ст. 896 ГК. Доверительное управление денежными средствами регламентируется главой 23 Банковского кодекса Республики Беларусь [3] и Инструкцией «О регулировании отношений, возникающих при объединении денежных средств и (или) ценных бумаг в фонд банковского управления на основании договора доверительного управления фондом банковского управления» (далее – Инструкция об объединении в ФБУ) [4]. Белорусский ученый Я. И. Функ видит причину установления законодателем ограничения в отношении передачи денежных средств в доверительное управление в том, что «принятие денежных средств в доверительное управление приближает такой договор доверительного

управления к договору банковского вклада, а саму деятельность по доверительному управлению денежными средствами – к банковской деятельности» [5, с. 39]. Е. А. Суханов также считает, что при передаче безналичных денег, числящихся на банковском счете, в доверительное управление, речь идет о доверительном управлении банковским счетом или банковским вкладом [6, с. 281]. Действительно, исходя из объема предоставленных вкладчиком и вверителем банку полномочий, характера совершаемых последним во исполнение указанных договором действий, обезличенности денежных средств, следует признать, что правовая природа договоров доверительного управления денежными средствами и банковского вклада во многом совпадает. Однако принципиальное отличие между данными договорами состоит в том, что по договору доверительного управления денежными средствами доверительный управляющий заранее не может гарантировать вверителю прибыльность сделок, совершаемых им в рамках управления денежными средствами (он не может гарантировать получение заранее определенного процента дохода от этого управления). Также у доверительного управляющего нет «безусловной обязанности по возврату вложенных средств, поскольку риск потери переданных средств по договору доверительного управления имуществом несет вверитель (за исключением случаев, установленных ст. 905 ГК)» [7, с. 415].

В. В. Витрянский обоснованно обращает внимание на то, что «ограничение передачи денег в доверительное управление касается лишь случаев, когда деньги используются в качестве самостоятельного объекта доверительного управления, то есть когда речь идет именно о договоре доверительного управления деньгами как таковыми» [8, с. 26]. Случаи, когда деньги входят в состав иного имущества, например, предприятия, не вызывают дискуссии в этом контексте. Заслуживает внимания точка зрения В. А. Дозорцева, который полагает, что необходимо отличать «доверительное управление» и «денежное доверительное управление», которое не подпадает под действие соответствующей главы Гражданского кодекса Российской Федерации [9, с. 122]. Он обосновывает это утверждение тем, что это разные виды договоров не только из-за несоответствия правил о возможности передачи денег в доверительное управление, но и тем, что отличаются «все основные элементы правовой регламентации (характер имущества, его обособление, характер действий, совершаемых управляющим, возможность прекращения обязательства, правила о сроках и т. п.)» [9, с. 122]. Позволим себе отчасти не согласиться с известным

ученым. Несмотря на то, что применительно к доверительному управлению законодатель не расшифровывает понятия «деньги», известно, что деньги могут быть наличными и безналичными. Под наличными деньгами обычно понимаются деньги, имеющие вещественную форму: бумажные деньги и монеты. Такие деньги рассматриваются как вещи, определяемые родовыми признаками, делимые и потребляемые, платежная сила которых определяется количеством денежных единиц, заключенных в соответствующих купюрах. По мнению Е. А. Суханова «деньги как разновидность движимых вещей сами по себе (не в составе имущественного комплекса) не должны становиться объектом доверительного управления» [2, с. 25], т. к. в процессе использования «право собственности на соответствующие купюры неизбежно утрачивается и они не могут быть возвращены собственнику по окончании срока действия договора» [2, с. 25]. Вместе с тем, Е. А. Суханов допускает доверительное управление безналичными денежными средствами. В последнее время в науке гражданского права преобладает мнение о том, что в безналичной форме деньги представляют собой права требования (выдачи или перечисления определенной суммы). «Поступая в банк, купюры «превращаются» в банковский счет (или вклад), по окончании всех требуемых операций клиент получает совершенно другие купюры на необходимую сумму» [10, с. 122]. Б. М. Гонгало полагает, что деньги в вещественной (телесной) форме, т.е. наличные деньги, и в дематериализованном состоянии, т. е. безналичные деньги, остаются вещью, и гражданское законодательство, относя деньги к вещам, «частично пользуется фикцией: безналичные деньги в виде вещи реально не существуют, однако признаются ею» [11, с. 107].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что безналичные денежные средства могут быть объектом доверительного управления. Однако, по нашему мнению, теоретически могут быть объектом доверительного управления, и наличные денежные средства, поскольку, несмотря на то, что те же купюры действительно не могут быть возвращены собственнику по окончании доверительного управления, сама «индивидуализация денежных знаков не является значимой для гражданского оборота» [12, с. 222]. Единственно важной, по общему правилу, является номинальная стоимость купюр. Функциональное предназначение денег в том, что они являются всеобщим эквивалентом товаров, работ, услуг, средством обмена. Поэтому договор доверительного управления денежными средствами является разновидностью договора доверительного управления имуществом со своими

особенностями (по предмету, по полномочиям доверительного управляющего, по срокам и т. д.).

Возвращаясь к классификациям доверительного управления имуществом, отметим, что в банковской сфере в зависимости от способа управления выделяется индивидуальное и коллективное доверительное управление. Так, в настоящее время ОАО «Приорбанк» в рамках доверительного управления денежными средствами предлагает физическим и юридическим лицам два продукта: индивидуальное доверительное управление денежными средствами (ИДУ), и фонды банковского управления (ФБУ). Коллективное инвестирование, одним из институтов которого является ФБУ, позволяет инвесторам (вверителям) войти на рынок капиталоемких объектов вложения инвестиций (например, объектов недвижимости), а также на финансовые рынки, в силу чего, на наш взгляд, коллективное доверительное управление перспективнее индивидуального. Необходимо отметить, что возможность образования ФБУ появилась в Республике Беларусь сравнительно недавно, а именно – с принятием в 2014 г. Инструкции об объединении в ФБУ. Указанная инструкция предусматривает особенности объединения денежных средств и (или) ценных бумаг нескольких вверителей в фонд банковского управления на основе договора доверительного управления фондом банковского управления, определяет саму процедуру создания фонда, особенности управления им, права и обязанности сторон и т.д.

Как любой гражданско-правовой договор, договор доверительного управления имуществом порождает соответствующее правоотношение, участники которого наделяются правами и обязанностями. Особенность данного правоотношения заключается в том, что доверительный управляющий, по общему правилу, самостоятелен в выборе способов и средств доверительного управления вверенным имуществом, а вверитель не вправе вмешиваться в его деятельность. Поскольку ГК не содержит перечня действий запрещенных доверительному управляющему в отношении вверенного имущества, считаем целесообразным фиксировать его в конкретном договоре доверительного управления имуществом. На сегодняшний день мы видим необходимость в императивном закреплении правила о запрете доверительному управляющему распоряжаться вверенным имуществом в своих личных интересах. Поэтому предлагаем дополнить ст. 903 ГК пунктом пятым следующего содержания: «Доверительный управляющий не вправе передавать имущество, полученное им в доверительное управление, в залог в обеспечение исполнения своих обязательств,

а равно – в обеспечение исполнения обязательств своих родственников либо аффилированных юридических лиц». Данное предложение, по нашему мнению, устранил возможность злоупотребления доверительным управляющим полномочием по распоряжению чужим имуществом в своих интересах.

Заключение. Подводя итог изложенному, отметим, что доверительное управление имуществом, является эффективной юридической конструкцией, с помощью которой возможно получить желаемый участниками результат в разных сферах экономической жизни общества. По нашему мнению, для того чтобы договор доверительного управления имуществом получил широкую практическую распространенность, необходимо его научное осмысление с целью познания преимуществ перед другими сходными гражданско-правовыми договорами и юридическими конструкциями, а также совершенствование действующего белорусского законодательства по теме исследования.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с внес. изм. и доп. от 05.01.2015 г. : вступ. в силу 11.06.2015 г. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел, 2015. – 406с.

2. Суханов, Е. А. Гражданский кодекс о доверительном управлении / Е. А. Суханов // Экономика и жизнь. –1996. – № 26. – С. 25.

3. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г., № 441-3 : принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Об утверждении Инструкции о регулировании отношений, возникающих при объединении денежных средств и (или) ценных бумаг в фонд банковского управления на основании договора доверительного управления фондом банковского управления [Электронный ресурс] : постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 26 марта 2014 г., № 178 : в ред. постановления Правления Нац. банка Респ. Беларусь от 26.08.2015 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики : в 3 кн. / отв. ред. и рук. авт. коллектива В. Ф. Чигир. – Минск : Амалфея, 2005–2006. – Кн. 3 / А. В. Каравай [и др.]. – 2006. – 720 с.

6. Гражданское право : для вузов : в 4 т. / Моск. гос. ун-т ; отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ВолтерсКлувер, 2007–2008. – Т. 4 : Обязательственное право: обязательства по использованию исключительных прав, обязательства по оказанию услуг, обязательства из многосторонних и односторонних сделок, внедоговорные обязательства / В. В. Витрянский [и др.]. – 2008. – XXX, 755 с.

7. Функ, Я. И. Курс бизнес-права: гражданско-правовые основы организации предпринимательской деятельности : в 3 кн. / Я. И. Функ. – Минск : Амалфея, 2005. – Кн. 2 : Договорные формы организации предпринимательской деятельности. – 510 с.

8. Витрянский, В. В. Доверительное управление денежными средствами / В. В. Витрянский // Хоз-во и право. – 2001. – № 12. – С. 26–40.

9. Дозорцев, В. А. Доверительное управление / В. А. Дозорцев // Вестн. Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации. – 1996. – № 12. – С. 117–128.

10. Михеева, Л. Ю. Доверительное управление имуществом / Л. Ю. Михеева ; под ред. В. М. Чернова. – М. : Юристъ, 1999. – 175 с.

11. Гонгало, Б. М. Обеспечение исполнения обязательств / Б. М. Гонгало. – М. : Спарк, 1999. – 152 с.

12. Маньковский, И. А. Гражданское право. Общая часть : в 3 т. Т. 2. Гражданские правоотношения: в 2 полутوماх. Полутом 2 / И. А. Маньковский, С. С. Вабищевич. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. – 416 с.

УДК 347.63

И. В. Савина

канд. юрид. наук, доц.,

УО «Академия МВД Республики Беларусь»

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА «ОБ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ»

Институт правового статуса несовершеннолетнего в Республике Беларусь динамично формируется, и большинство составляющих его норм носят межотраслевой характер. Система охраны имущественных прав и интересов детей в Республике Беларусь должна строиться в соответствии с особым статусом несовершеннолетнего. Ее исследование должно носить комплексный характер, не может ограничиваться рамками одной отрасли права. Разработка и принятие Закона «Об имущественных правах несовершеннолетних» позволит обеспечить детализацию их имущественных прав, исключив возможность злоупотреблений.

Institute legal status of a minor in Belarus dynamically formed and most of its constituent norms are multidisciplinary in nature. System of protection of property

rights and interests of children in Belarus must be built in accordance with the special status of a minor. Its study should be comprehensive in nature, can not be extended beyond a single branch of law. Development and passing an act «About property rights minor» will allow to provide working out in detail of their property rights, eliminating possibility of abuses.

Введение. Сфера детства в каждом государстве находится под особым вниманием. Состояние ребенка как субъекта права обеспечивается специальным механизмом содействия в реализации и защите его прав и особое место в нем занимают имущественные права.

В настоящее время в связи с произошедшими в законодательстве изменениями и повышенным интересом государства к данной проблематике проводятся многочисленные научные исследования, посвященные защите прав несовершеннолетних, их правовому статусу. В основном они касаются осуществления имущественных и личных неимущественных прав несовершеннолетних в гражданском и семейном праве, отдельных вопросов регламентации прав детей, и не носят комплексного характера.

Правовое положение несовершеннолетних раскрывается через категории правоспособности и дееспособности, характеризуется право собственности несовершеннолетних, их участие в отдельных гражданско-правовых отношениях, в том числе связанных с творческой деятельностью, в жилищных правоотношениях. Особое внимание уделяется гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних, регламентации прав детей, оставшихся без попечения родителей и возмещению расходов на их содержание, жилищным правам детей, в том числе оставшихся без попечения родителей.

Необходимо оценить с позиций соответствия потребностям современного общества традиционные подходы гражданского законодательства к регламентации имущественных прав несовершеннолетних.

Основная часть. Имущественные права занимают особое место в системе прав ребенка, регулируются в основном гражданским законодательством, и в условиях рыночной экономики требуют особого внимания.

К имущественным правам, например, А. А. Кеник относит: дееспособность несовершеннолетних граждан, особенности заключения летних в Республике Беларусь, рассматриваются и нормы семейного, гражданского, трудового, административного и уголовного права [1, с. 91–96]. А. С. Чернявская отмечает сложность белорусского законодательства и необходимость отбора информации по каждой из отраслей права [2, с. 3].

Различные отрасли права, с присущей им спецификой, осуществляют охрану и защиту субъективных гражданских прав несовершеннолетних. Каждая отрасль законодательства по-особому рассматривает и закрепляет статус несовершеннолетнего, устанавливая специфические, присущие только этой отрасли изъятия из общего правового статуса [3, с. 25].

Очевидно, что соответствующие нормы «разбросаны» по всему правовому массиву, а их созданием, контролем над исполнением занимается значительное число государственных органов, что порождает проблемы «дублирования», а сам институт правового статуса ребенка является межотраслевым.

Имущественные права ребенка не получили должной регламентации в силу несогласованности, а в ряде случаев и противоречивости устанавливающих их разноотраслевых правовых норм [4, с. 110].

Налицо тесная связь правовой регламентации прав несовершеннолетнего, в том числе имущественных, с социальной сферой и государственными программами. Представляется необходимым изучить систему охраны прав несовершеннолетних, определить состав норм, входящих в институт правового статуса ребенка, выявить, насколько урегулированы права несовершеннолетних, особенно имущественные права.

Участие детей в гражданских правоотношениях предопределено самой возможностью человека быть субъектами гражданского права.

Ученые отмечают наличие особенностей правоотношений с участием ребенка и необходимость его дополнительной правовой защиты ввиду социальной незрелости [1, с. 3–4], низкую эффективность правовой защиты детей, декларативность ювенального законодательства, необходимость максимально возможного приближения фактического правового положения лица, не достигшего совершеннолетия, к его формальному правовому статусу [5, с. 3, 16], широкое распространение вместо понятия «право» термина «интересы несовершеннолетних». Между тем граница данного понятия расплывчаты, к тому же их легко интерпретировать по-разному. И, что самое главное, в правовой науке представление об интересе сводится к осознанию лицом своих потребностей. А несовершеннолетние, особенно малолетние дети, сами не в состоянии понять, что им необходимо. А их законные представители – родители или заменяющие их лица легко могут на этот счет заблуждаться или проявлять недобросовестность [6, с. 26].

Одной из особенностей прав ребенка является то, что они зафиксированы в нормах не только внутригосударственного (конституционного,

административного, гражданского и др.), но и международного публичного права, механизм защиты прав ребенка охватывает средства не только внутригосударственной, но и международной защиты [7, с. 20].

Правоотношения с участием несовершеннолетних, а также нормы, регламентирующие правовое положение ребенка и его имущественные права, обладают спецификой, связанной с их особым статусом.

Обосновывая комплексный характер правовой охраны несовершеннолетних как одного из способов государственной заботы о детях, отмечают, что она осуществляется путем создания социально-экономических предпосылок развития полноценного ребенка, благодаря применению норм административного, трудового, гражданского, семейного, уголовного и других отраслей права. Концепция охраны прав несовершеннолетних представляет собой новое направление в правовой науке, выходящего за рамки одной отрасли права, имеющее комплексный, межотраслевой и междисциплинарный характер. Сложность, многообразие общественных связей ребенка с окружающим его миром позволяет говорить о его правах как члена общества, имеющих разное содержание. Эффективность охраны во многом зависит от компетентности осуществляющих ее государственных органов, правовых гарантий обращения за защитой в случае нарушения прав ребенка [6, с. 12, 17].

Формируются новые правовые институты, стираются и становятся более подвижными границы между отраслями законодательства, усложняется структура отраслей права. В процесс конституционализации вовлекается все больше норм отраслевого законодательства, в том числе гражданского и семейного. Ориентиром для развития системы защиты прав детей и предпосылкой для формирования соответствующего правового института являются нормы Конституции.

Говоря о необходимости междисциплинарного подхода, Е. Г. Азарова отмечала, что правовые исследования обычно сосредоточиваются на анализе действующего законодательства, его толковании и практике применения, но ... необходимо отметить ограниченность его рамок, которые не позволяют при необходимости качественно оценить структуру, объем и уровень предоставляемых человеку жизненных благ и их соответствие его потребностям. Такая оценка может быть сделана с обязательным учетом как положений иных отраслей законодательства и выводов многих отраслей правовой науки, так и данных других общественных и естественных наук [8, с. 2].

Охрана прав несовершеннолетних объективно выходит за рамки одной отрасли права ввиду многообразия общественных отношений,

в которые они вступают. Комплексное исследование правового статуса ребенка и системы охраны прав и интересов детей в Республике Беларусь должно носить межотраслевой характер, учитывать специфику имущественных прав и особый статус несовершеннолетних. Отраслевая разобщенность научных исследований в сфере детства отрицательно влияет на уровень правовой защиты несовершеннолетних.

Заключение. Следует последовательно выявить и изучить договоры, в которых несовершеннолетние не могут участвовать, учесть их направленность с целью совершенствования гражданского законодательства и подготовки перечня таких обязательств. Особое внимание следует уделить исследованию сделок с недвижимостью, в сфере жилищных правоотношений, проблеме охраны и защиты интересов несовершеннолетних собственников и сособственников жилых помещений, осуществления несовершеннолетними детьми права пользования жилым помещением, принадлежащим родителю на праве собственности.

Необходима на законодательном уровне и конкретизация терминологии и объема гражданских прав несовершеннолетних, как при совершении сделок, так и в деликатных правоотношениях, регламентация порядка предоставления согласия органов опеки попечительства, в том числе и в указанных сферах.

Учитывая особый механизм совершения сделки с участием несовершеннолетнего, представляется необходимым исследовать правовую природу согласия родителей, усыновителей, опекунов, попечителей на совершение сделки несовершеннолетним, а также правовой статус и круг лиц, представляющих интересы несовершеннолетнего. Имеет смысл конкретизировать и форму такого согласия, которая должна совпадать с формой самой сделки.

Большое практическое значение имеет и вопрос об объектах собственности несовершеннолетних. Отсутствие разграничения имущества взрослых и детей на практике может привести к незаконному изъятию имущества несовершеннолетнего.

Разработка и принятие Закона «Об имущественных правах несовершеннолетних», содержащего конкретные права и гарантии, могло бы обеспечить максимальную детализацию их прав, исключить возможность злоупотребления ими в имущественных отношениях, послужить совершенствованию законодательства в этой области.

Увеличение количества нормативных правовых актов, недостаточная систематизация законодательства в сфере детства, наличие бланкетных норм сказываются и на правоприменительной практике,

уровне правовой культуры. Повышение качества и эффективности принимаемых норм, их поэтапная кодификация на основе конституционных норм должны стать ориентиром законодательной политики в этой сфере.

Список использованных источников

1. Кеник, А. А. Защита прав ребенка и несовершеннолетних в Республике Беларусь / А. А. Кеник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Дикта, 2008. – 316 с.
2. Чернявская, А. С. Права несовершеннолетних: книга для взрослых / А. С. Чернявская : Респ. правозащитное обществ. объединение «Белорусский Хельсинкский комитет». – Минск : Тесей, 2006. – С. 3.
3. Рябов, Е. Н. Правовой статус несовершеннолетних в российском законодательстве / Е. Н. Рябов. – Юридический мир . – 2009. – № 2. – С. 24–29.
4. Гладковская, Е. И. Имущественные права ребенка / Е. И. Гладковская // Общество и право. – 2011. – № 4. – С. 110–113.
5. Садина, О. В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О. В. Садина; Рос. ун-т. кооперации – Краснодар, – 2009. – 20 с.
6. Нечаева, А. М. Проблема охраны прав несовершеннолетних в РФ : автореф. дис. ... доктора юрид. наук : 12.00.03 / А. М. Нечаева; Рос. Акад. Наук, Институт гос-ва и права. – М., – 1995. – 57 с.
7. Носова, И. Ю. О понятии и классификации прав ребенка / И. Ю. Носова // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 4. – С. 18–21.
8. Азарова, Е. Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы / Е. Г. Азарова – М. : КОНТРАКТ, 2012. – 256 с.

УДК 340.134

О. М. Савкин

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается влияние интеграционных процессов на совершенствование национального законодательства Республики Беларусь. Отражены достигнутые результаты интеграции на постсоветском пространстве, а также показаны ещё нерешенные проблемы.

The article observes the impact of the integration processes on the improvement of the national legislation of the Republic of Belarus. The article reflects achievements of integration over the Post-Soviet space, and shows yet unsolved problems.

Развитие интеграционных процессов отражает общемировые тенденции, обусловленные как интересами развития экономики и других сфер человеческой деятельности, так и очередным витком глобализации политических и экономических процессов в современном мире.

Все страны так или иначе зависимы друг от друга, и эта взаимозависимость с каждым годом возрастает. Беларусь сегодня имеет торгово-экономические отношения более чем со 150 странами мира. Происходит специализация и углубление международного разделения труда, развивается процесс глобализации и регионализации мирохозяйственных связей, динамично растет мировая торговля, объем которой за последние 20 лет увеличился в 6 раз [1].

В результате интеграционных процессов на постсоветском пространстве появились такие новые реалии как Содружество Независимых государств (СНГ), Таможенный союз (ТС), Единое экономическое пространство (ЕЭП), а на их основе – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), и другие.

Одновременно, на двухсторонней основе шли интеграционные процессы между Российской Федерацией и Республикой Беларусь: 02.04.1997 г. был подписан Договор о Союзе Беларуси и России, а 08.12.1999 г. состоялось подписание Договора о создании Союзного государства, и была принята Программа действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства.

В контексте максимальной интеграции с Россией и другими государствами СНГ, Президентом и Правительством Республики Беларусь осуществляется целенаправленная деятельность по формированию национальной модели социально-экономического устойчивого инновационного развития.

При этом важно понимать, что интеграционные процессы не означают реставрации СССР и утраты суверенитета Республики Беларусь. Напротив, проводимая интеграция – это взаимосвязь республик бывшего СССР на основе укрепления и углубления, прежде всего, новых экономических отношений при независимости страны; это восстановление на новой основе экономических связей, которые были разрушены внутренними и внешними силами [1].

Целевыми ориентирами интеграции на постсоветском пространстве являются: гармонизация экономического развития; создание

эффективной экономической системы, способной успешно конкурировать с другими регионами мира; создание общей системы безопасности; создание «единого социального пространства», предполагающего, в частности, свободное перемещение рабочей силы; унификация стандартов и процедур (техническое регулирование, торговля, таможенная политика и др.); приведение национальных законодательств в соответствие с нормативно-правовыми актами, принимаемыми на межгосударственном уровне, обеспечение непротиворечивости правовых норм.

Последний из указанных целевых ориентиров означает, что интеграционные процессы являются одним из факторов совершенствования национального законодательства Республики Беларусь.

Следует подчеркнуть, что приведение национального законодательства в соответствие с общепризнанными принципами международного права было сформулировано в Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь в качестве одной из целей для решения основной задачи – повышения эффективности правового регулирования общественных отношений.

Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь (далее – Концепция) была одобрена Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 [2] и стала базовым документом для развития правовой системы Республики Беларусь в последнее десятилетие. Концепция разработана на основе и во исполнение Конституции Республики Беларусь [3], Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 8 августа 2001 г. № 427 [4].

Вопросу приведения национального законодательства в соответствие с общепризнанными принципами международного права уделено в Концепции достаточное внимание, что подтверждает анализ документа. Интеграционные процессы между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, а также процессы глобализации всемирной экономики упомянуты в пункте 8 в контексте поиска новых критериев формирования системы права с учетом приоритета общепризнанных принципов международного права.

В Концепции были отмечены положительные и отрицательные тенденции развития законодательства Республики Беларусь (п. 9): как положительная тенденция – планомерное и последовательное приведение законодательства в соответствие с международно-правовыми обязательствами Республики Беларусь; как негативная – недостаточная эффективность механизма реализации норм международных договоров на национальном уровне, слабая теоретическая основа унификации

и гармонизации национального законодательства и законодательств других государств, в том числе законодательств Российской Федерации, государств – участников Евразийского экономического сообщества, Содружества Независимых Государств.

Среди факторов, определяющих процесс развития и совершенствования законодательства Республики Беларусь, Концепция называет критерии включения норм международного права в национальное законодательство (п. 10). При этом подчеркивается, что для формирования внутренне согласованной, научно и логически обоснованной системы законодательства, необходимо законодательно закрепить место общепризнанных принципов международного права и норм международных договоров в системе права, установить порядок их применения (п. 11).

Совершенствованию законодательства с учетом международно-правовых обязательств Республики Беларусь и опыта зарубежных государств посвящен соответствующий раздел Концепции (п.п. 20–22). Установлено, что основой для применения общепризнанных принципов международного права, норм международных договоров Республики Беларусь должно стать дальнейшее развитие на законодательном уровне механизма имплементации международно-правовых норм (п. 20). При этом отмечалось, что существовавшие на момент принятия Концепции нормы, регламентировавшие реализацию международно-правовых обязательств Республики Беларусь, носили фрагментарный характер и не позволяли однозначно определить, как исполняются отдельные нормы международных договоров, обладают ли они прямым действием, имеют ли приоритет над национальными правовыми актами. Другой проблемой, не урегулированной должным образом ко времени принятия Концепции, была названа процедура правопреемства в отношении международных договоров бывшего СССР. В качестве выхода из сложившейся ситуации предлагалось внести комплексные изменения в Законы Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь», «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», а в перспективе – и в Конституцию Республики Беларусь; одновременно предлагалось признать утратившими силу акты, противоречившие Конституции Республики Беларусь. При этом подчеркивалось, что эти изменения должны были четко регламентировать порядок применения международно-правовых норм, в том числе обязательность их применения, место данных норм в системе источников национального права и порядок разрешения коллизий.

Пунктами 21 и 22 данной Концепции предусматривается координация и сближение национального законодательства Республики Беларусь, прежде всего, с законодательствами Российской Федерации, государств–участников Евразийского экономического сообщества, Содружества Независимых Государств, а затем – и со странами Европы. При этом внимание акцентируется на необходимости учитывать процессы мировой экономической интеграции в процессе формирования национального законодательства. Рекомендовалось при сближении законодательства руководствоваться принципами равенства сторон, взаимности, неуклонного соблюдения суверенитета и национальных интересов. Что же касается постепенного сближения правовых систем белорусского и российского законодательства в рамках создания Союзного государства, то в Концепции подчеркивается, что унификация и гармонизация наших законодательств должны носить характер скоординированного, научно обоснованного и взаимообогащающего их развития, а не механического заимствования и использования правовых норм иных государств.

Международно-правовые обязательства Республики Беларусь были названы в п. 31 Особенной части Концепции в числе определяющих факторов необходимости совершенствования системы национального законодательства, а унификация законодательства Республики Беларусь в рамках интеграционных процессов была названа в числе основных направлений совершенствования системы законодательства Республики Беларусь (п. 32).

Тем самым интеграционные процессы были законодательно подтверждены в качестве фактора совершенствования национального законодательства Республики Беларусь. Данный подход был конкретизирован в подразделе Законодательство о государственном строе Республики Беларусь, где в п. 33 Концепции была зафиксирована необходимость унификации национального и российского законодательств в сфере прав и свобод граждан, избирательных законодательств в целях совершенствования законодательства о государственном строе Республики Беларусь.

Учитывая значимость международного экономического сотрудничества для нашей страны, вопросы совершенствования гражданского и хозяйственного законодательства нашли свое отражение в п. 35 Концепции. Была зафиксирована необходимость разработки и принятия комплексного закона, регламентирующего порядок государственного регулирования внешнеэкономической деятельности, заключения и совершения внешнеэкономических сделок. Было предложено также

обеспечить создание на внутреннем рынке равных прав для субъектов предпринимательской деятельности, условий для справедливой конкуренции с участием иностранных инвесторов путем приведения законодательства Республики Беларусь в соответствие с требованиями международных соглашений, заключенных в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), посредством отказа от использования нетарифного регулирования в качестве инструмента поддержки отечественных товаропроизводителей. Была признана необходимость разработки новых нормативных правовых актов, регламентирующих концессионные отношения, правовое положение иностранных юридических лиц, режим имущества, принадлежащего иностранным лицам.

С учетом все возрастающего мирового внимания к вопросам охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, в п. 38 Концепции поставлена задача унифицировать стандарты Республики Беларусь в области охраны окружающей среды с международными экологическими стандартами, учитывая перспективу вступления республики в ВТО. Это необходимо для обеспечения конституционных экологических прав граждан, а также выполнения международных договоров Республики Беларусь в области охраны окружающей среды.

Что же касается социального законодательства, то в п. 42 было предусмотрено, что в целях реализации положений Концепции развития высшего образования в Республике Беларусь, одобренной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 октября 1998 г. № 1637, Концепции и Программы развития профессионально-технического образования в Республике Беларусь, одобренных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 июня 2000 г. № 795, а также их унификации с законодательством Российской Федерации требуется подготовить и принять законы Республики Беларусь «О высшем образовании», «О профессионально-техническом образовании», «О специальном образовании» и иные нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения в сфере образования. (Примечание: результатом практической реализации данного направления стало принятие Кодекса Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З).

Таким образом, анализ Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, убедительно показывает, что интеграционные процессы являются реально действующим фактором совершенствования национального законодательства Республики Беларусь.

Для последующей реализации Концепции Указом Президента Республики Беларусь от 12.08.2002 г. № 450 была одобрена Программа подготовки проектов законов Республики Беларусь на 2003–2005 годы и перспективной кодификации законодательства Республики Беларусь [5].

Вышеуказанные документы имеют стратегический характер, определяют направления стабилизации законодательства, этапы его качественного обновления [6].

В Рекомендациях по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь, одобренных Решением ученого совета Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь 23.04.2013 г. № 5 [6], говорится, что при формировании международных договорных обязательств Республики Беларусь необходимо уделять особое внимание повышению качества таких обязательств, защите и продвижению интересов Республики Беларусь, повышению эффективности международного сотрудничества, осуществляемого на основе международных договоров, достижению конкретных практических результатов или политических преимуществ от оформления участия Республики Беларусь в соответствующих международных договорах.

В Рекомендациях отмечается, что процесс унификации и гармонизации должен осуществляться синхронно, с учетом интересов всех государств-участников соответствующих международных организаций и межгосударственных образований и не может носить односторонний характер.

Чтобы деятельность по совершенствованию законодательства с учетом международных договорных и иных обязательств Республики Беларусь, а также законодательства иностранных государств была эффективной, необходимо наличие специалистов, обладающих профильными знаниями в области международного права, сравнительного правоведения. Необходимо, чтобы эти специалисты хорошо ориентировались в законодательстве иностранных государств и основных общемировых тенденциях правотворчества в определенных сферах общественных отношений. А для этого необходимо взаимодействие научных организаций и учреждений образования, осуществляющих подготовку специалистов в области международного права и сравнительного правоведения, с нормотворческими органами, иными государственными органами и организациями, реализующими правовую политику государства [6].

Практическая реализация интеграционных процессов позволила выявить некоторые особенности, которые в той или иной мере оказывали

влияние на эти процессы. Так, одной из особенностей интеграции постсоветских государств является привязка к одному государству, во многом определяющему ход интеграционных процессов на постсоветском пространстве [7]. Таким государством, безусловно, является Российская Федерация. Это объясняется целым рядом объективных обстоятельств, определяющих особое место России в интеграционных процессах постсоветских государств.

Вышеупомянутые Договор о создании Союзного государства от 08.12.1999 г. и Программа действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства открыли путь для выхода на качественно новый уровень единения двух братских стран и народов. Они определили конечную цель интеграции Беларуси и России – создание Союзного государства.

Относительно совершенствования национального законодательства Республики Беларусь в контексте интеграционных процессов, необходимо отметить, что парламентами, министерствами и ведомствами двух государств проведена большая работа по унификации законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации и формированию правовой системы Союзного государства. В настоящее время многие положения Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов Республики Беларусь аналогичны положениям соответствующих правовых актов Российской Федерации. Правовые нормы Хозяйственно-процессуального Кодекса Республики Беларусь и Арбитражно-процессуального Кодекса Российской Федерации в основном унифицированы и противоречий не содержат. Унифицировано таможенное законодательство. Многое сделано по сближению правовой базы в сфере банковской деятельности, обеспечению равных условий деятельности субъектов хозяйствования и равных прав граждан. Сформирован большой массив двусторонних договоров и соглашений Беларуси и России по всем основным направлениям интеграции [8].

Особое значение придается установлению прямых связей между областями и предприятиями. На сегодняшний день Беларусь подписала более 100 соглашений и протоколов о торгово-экономическом сотрудничестве с 60 российскими регионами. В итоге около 2/3 роста взаимного товарооборота дает именно региональное сотрудничество [1].

Отмечая позитивные результаты белорусско-российского сотрудничества, нельзя не сказать, что этот процесс находится еще в начале, по-видимому, долгого пути развития интеграции двух суверенных

государств. Сложность таких процессов подтверждается и международным опытом. Одной из наиболее важных задач является разрешение противоречия между сохранением суверенитетов Беларуси и России и созданием единого правового поля. Нуждаются в совершенствовании механизмы взаиморасчетов, укрепления национальной валюты, таможенных правил, превратившиеся в одну из серьезнейших проблем межгосударственных и региональных связей. Иначе говоря, впереди большая работа, выполнение которой, безусловно, находится в русле глобальных тенденций развития мировой экономики. Многие из стратегических целей, поставленных Союзом, могли бы стать своеобразным ориентиром в плане реформирования и дальнейшего развития Содружества.

Новый импульс процессу формирования правовой системы Союзного государства призван дать Конституционный Акт Союзного государства, принятие которого предусмотрено статьей 62 Договора о создании Союзного государства. Этот документ должен определить государственное устройство и правовую систему Союзного государства.

При успешном осуществлении интеграционных задач Союза Беларуси и России опыт этого образования мог бы послужить ориентиром для дальнейшего развития СНГ.

Список использованных источников

1. Интеграционные процессы Беларуси и стран СНГ – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ehu.by/content/integratsionnye-protsessy-belarusi-i-stran-sng>. – Дата доступа: 12.03.2016.

2. Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь: одобрена Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г., № 46, 1/3636.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп. принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 и 17.10.2004). – Минск : Амалфея, 2011. – 48 с.

4. Об утверждении программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 8 августа 2001 г. № 427 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 9 августа 2001 г., № 1/2901.

5. Программа подготовки проектов законов Республики Беларусь на 2003–2005 годы и перспективной кодификации законодательства Республики Беларусь: одобрена Указом Президента Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. № 450. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г., № 92, 1/3962.

6. Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь: одобрено Решением ученого совета Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь 23.04.2013 № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: center.gov.by/files/Recomend131021.doc. – Дата доступа: 20.05.2015.

7. Шумский, Н. Н. Интеграция постсоветских государств: возможности и перспективы развития // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/376/51/> – Дата доступа: 20.05.2015.

8. Союзное государство: состояние и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: slonim.gov.by/dfiles/000378_427014_по_Sojuznomu_gosvu_2013.doc. – Дата доступа: 20.05.2015.

УДК 321.01

В. Ф. Сенина

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ФУНКЦИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

В условиях современной глобализации неизбежно происходит изменение роли и функций государства в направлении их обновления и дополнения. Кардинально меняются представления о суверенитете государств и соотношении между глобальными, или общечеловеческими интересами и национальными, или интересами отдельных государств. Необходимо скорректировать научно-практический стереотип об одинаковой роли всех государств в мировом процессе независимо от их статуса и возможностей. Требуется пересмотра концепция социального государства, которое должно быть основано на принципах справедливой социальной политики, а не на социальном паразитизме и иждивенчестве.

In the present geopolitical situation, the roles and functions of the state are being altered and are open to new interpretations. There has been a significant shift in how we understand the sovereign state and the relationship between global and domestic interests. There is a pressing need to reevaluate our conception of the modern nation state in a way which takes into account its current status and emerging functions. Moreover, one should also reconsider the notion of the social state so as to promote the principles of just social policy whilst rejecting economic parasitism.

Современный глобальный кризис носит многосторонний характер и затрагивает ведущие сферы жизнедеятельности (финансовую, экономическую, политическую, социальную, экологическую и др.)

не только отдельных стран, но и практически всего мира. Человечество столкнулось, по мнению исследователей и политических аналитиков, с первым кризисом глобализации как таковой и даже, быть может, со всеобщим кризисом мироустройства и мироуправления. Очевидно, что в сегодняшней ситуации именно политические решения, политико-управленческие действия и политическое лидерство определяют дальнейшее мировое развитие. Главной проблемой нынешнего и предстоящего периодов в сфере мироуправления является поиск оптимальных моделей глобальной и региональных организаций, которые в дальнейшем смогут создать новую организационно-управленческую инфраструктуру миросистемы.

В условиях столкновения двух разнонаправленных тенденций интеграции и управляемости, поляризации и либерализации меняется роль и значение современного государства. Например, сегодня все чаще наблюдается своеобразный «ренессанс» государства, выражающийся в усилении государственного контроля над экономикой и другими сферами жизни общества, усилении государственно-центристских систем управления. Одновременно появились и так называемые «несостоявшиеся» государства, непризнанные государства и государства, нарушающие принципы международных договоров, лежащих в основе международных отношений. В этой связи все чаще дают о себе знать такие общемировые проблемы, как пиратство, военные конфликты, нарушение режима нераспространения ядерного оружия, нелегальная торговля людьми и др.

М. Вебер определял государства как ассоциации, ориентированные на достижение целей, но их цели настолько различаются, что проще определить государство через использование силы для реализации своей власти. Идеальный в недавнем прошлом тип нацигосударства сегодня нельзя принимать за норму политического устройства и политической жизни. Развитие глобализации в ее разнообразных проявлениях объективно уменьшает значение территориальности государства. Ускоряющимися темпами возникают новые формы политической, экономической и социальной организации, которые становятся конкурентами национальной (гражданской) принадлежности. Неслучайно современный американский политолог С. Хантингтон назвал одну из своих крупных работ «Кто мы? Вызовы национальной американской идентичности», в которой связал последние с притоком иммигрантов из Латинской Америки и Азии, ростом идей мультикультурализма, космополитизма и транснациональной идентичности. Очевидно, что даже такое успешное государство

как США испытывает трудности не только как один из центров мировой системы, но и как отдельное территориальное государство.

В нынешних условиях кардинально меняются представления о суверенитете современных государств. Наряду с императивом национальных интересов государствам все больше приходится сегодня соотносить и согласовывать свои действия с интересами мирового сообщества, а также подчиняться им. Даже у великих держав суверенитет становится все более ограниченным, о чем свидетельствуют нынешние события новейшей истории. Кроме того, следует подчеркнуть, если государственные суверенитеты равны с правовой точки зрения, то это не означает, что экономические системы так же равнозначны. Более эффективным в этом случае является подход Иммануила Валлерстайна, который представлял мир как иерархическую систему, а не сумму уникальных феноменов (в данном случае отдельных государств). Очень остро кризис суверенитета проявляется в развивающихся странах, где государственные институты слабы и не способны в полной мере выполнять свои функции. У этих государств отсутствуют такие главные элементы национального суверенитета как эффективный контроль над территорией, способность защищать свои границы и исключать внешнее вмешательство в их внутреннюю политику. Основным источником жизнеспособности этих государств является международный суверенитет, позволяющий им осуществлять правительственные займы и получать донорскую помощь.

Бесспорно, что мировой кризис и глобализация ускоряют трансформацию мировой системы организации власти и заставляют мировое сообщество отказаться от поддержки маломощных государств, вынуждают искать новые (несуверенные) формы их существования (протектораты, различные формы партнерства, реорганизация территорий и др.).

Однако диалектика современного мирового процесса такова, что изменения в организации суверенитета происходят не только в сторону ослабления отдельных государств, но и появления стимулов к его укреплению. Прежде всего, речь идет об экономическом суверенитете, который проявляется в способности государственных субъектов предложить рациональные эффективные формы хозяйствования. Современное государство стремится в критической ситуации поддерживать национальную экономику, регулировать курс национальной валюты и миграционные потоки, обеспечивать ответственный инвестиционный климат. Бесспорно, возрастает роль государственного суверенитета в обеспечении таких ценностей, как национальная

безопасность, законность, социальная защита, в создании правовых основ для развития гражданской активности. В условиях кризиса усиливается значение государства в развитии духовно-культурной сферы, посредством которой можно преодолевать негативные явления в социальной среде, развивать социальную ответственность.

Кроме проблемы суверенитета, требует научного осмысления и феномен взаимоотношений между государством и обществом. На современном этапе происходит постоянное усложнение государственной жизни и тех проблем, которые должно решать государство. В этих условиях «терапевтическая» роль государства не может быть односторонней, и оно вынуждено перекладывать часть своих забот на общество. Сегодня, как никогда, государство и общество – «две стороны одной медали».

В новых подходах и научной интерпретации нуждается такая категория как функции современных государств. На рубеже XX–XXI вв. наряду с традиционными (внутренними и внешними) функциями, которые сформировались еще в древности, возникли новые важнейшие функции, требующие пристального изучения и научного обоснования.

Функция в теории государства и права означает направление, предмет деятельности того или иного политико-правового института, ее содержание и обеспечение. Функции государства обусловлены его задачами, зависят от его сущности и изменяются по мере изменения самого государства.

Как показывает исторический опыт, на содержательное наполнение функций государства оказывают определяющее влияние новые условия и проблемы современной жизнедеятельности общества, существования цивилизации (экология, ядерное вооружение, военные конфликты, демографические, сырьевые и иные глобальные вызовы). Наряду с сохранением преемственности государственных функций действуют и механизмы их обновления и модернизации. Они не являются навечно данными, фундаментальными, статичными и неизменными. В зависимости от конкретных исторических условий могут изменяться не только сами функции. Составные элементы общих функций могут приобретать самостоятельное значение, становясь новыми отдельными функциями государства. Это могут быть функции организации общественных работ (строительство ирригационных сооружений в азиатских странах), обеспечения прав и свобод (современные развивающиеся страны, где осуществляется переход к правовому государству), преодоления последствий техногенных катастроф и аварий (например,

Чернобыльская катастрофа, аварии на АЭС в Японии), охраны природы (в странах, где нарушено экологическое равновесие) и другие.

В настоящее время система функций государства трансформируется не только в сторону изменения их соотношения между собой, но, главным образом, в сторону появления новых, ранее неизвестных функциональных обязанностей государственных институтов. Это продиктовано различными факторами (вызовами) современного общественного развития: геополитическими, экономическими, развитием научно-технического прогресса, потребностями духовного и нравственного совершенствования общества и т. п. В частности сегодня становится актуальной функция защиты мигрантов, беженцев, переселенцев, предотвращения конфликтов на межнациональной и межэтнической, конфессиональной почве, как среди мигрантов, так и между ними и местным населением.

Расширяется значение в условиях рыночной экономики и функции обеспечения социальной защиты граждан, к которой тесно примыкает функция поддержки здравоохранения в деле своевременного оказания эффективной медпомощи, повышения качества диагностики и лечения.

Приоритетное значение сохраняет экологическая функция государства, содержание которой связано с обеспечением ответственного отношения к природе, предотвращении загрязнения и уничтожения среды обитания, крушения целых экологических систем. Государственная политика в реализации данной функции дополняется комплексом мероприятий, направленных на формирование экологического сознания и экологической культуры населения, чтобы предотвратить угрозу самому существованию человека и человечества.

Значительные изменения претерпевает в современных условиях духовная функция государства, которая дополняется государственной поддержкой образования, науки, культуры, нравственного и эстетического воспитания, но до полной реализации этой функции еще далеко. Требуется усиление активной роли государства в поддержке и внедрении инновационных технологий, информационном обеспечении духовной сферы.

В условиях формирования правового государства и гражданского общества особое значение приобретает создание надежных механизмов защиты прав и свобод человека и обеспечение его безопасности.

Однако в настоящее время более важным становится реализация новых внешних функций государства, которые получили название глобальных. Данные функции характеризуют деятельность государства

в сырьевой, демографической, экологической сферах, в области создания и использования информационных технологий, защиты прав человека и в других современных глобальных государственных сферах, затрагивающих всю цивилизацию.

Новые внешние функции государства связаны с освоением околоземного и космического пространства, борьбой с международным терроризмом, экстремизмом и организованной международной преступностью, наркотрафиком, нелегальной торговлей людьми, оружием и др. Участие современных государств в решении этих проблем является неотъемлемой частью их внешних функций, расширение которых требует дополнительного изучения и обсуждения, как с точки зрения научной теории, так и политической практики.

Новым содержанием наполняется и внешнеэкономическая функция, в ходе реализации которой государство осуществляет переход от внешнеэкономического сотрудничества к внешнеэкономическому партнерству. Экономическим партнерам не навязывается своя идеология, отношения строятся на основе взаимных расчетов и взаимной выгоды, а не «братской взаимопомощи».

Новым направлением в осуществлении внешнеэкономической функции является поддержка иностранных инвесторов, расширение помощи международных экономических и финансовых организаций, которые участвуют в создании рыночной экономики конкретных государств.

Особенности современного этапа развития миросистемы таковы, что человечество столкнулось с реальной проблемой своего выживания. В этих условиях важное значение приобретает гуманистическая функция государства, связанная с сохранением мира, ликвидацией оружия массового уничтожения, с отказом от конфронтации, поиском мирного решения проблем.

Нуждается в корректировке и научно-практический стереотип об одинаковой роли и функциях всех государств в мировом процессе независимо от их статуса и возможностей. Функции и роли, так называемых великих (больших) держав, значительно отличаются от средних и малых (мелких), особенно в области сохранения международного мира и безопасности, установления «баланса силы» в международных отношениях.

При этом в условиях постоянного наличия внутренних и внешних дестабилизирующих факторов, воздействующих на государство, следует учитывать его способность к самоорганизации в сложном современном мире.

Об этом свидетельствует феномен сложившегося в странах Запада правового социального государства. Однако в последнее время оно стало не только опорой для малообеспеченных слоев населения, но и

«инкубатором» для социальных иждивенцев. В этой связи требует пересмотра концепция социального государства, которое должно быть основано на принципах социальной справедливости, а не на социальном паразитизме. Помощь и поддержку со стороны государства должны получать те, кто в ней реально нуждается (инвалиды, пенсионеры, малолетние граждане, тяжелобольные и др.), а не все, кто пожелает.

Таким образом, сущность современного государства, его властная роль, его функции и их содержание значительно изменяются под влиянием внутренних и внешних политических процессов. Следовательно, государство как научная категория и политический институт нуждается в дальнейшем переосмыслении и изучении современной политической и юридической наукой на основе использования не только системного и институционального методов, но и метода научного моделирования, позволяющего расширить прогностические возможности научного знания.

Список использованных источников

1. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990. – 730 с.
2. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира / И. Валлерстайн // Социология XXI века. – М., 2003. – С. 50–51.
3. Платон. Государство. Законы. Политика / Платон. – М. : Мысль, 1998. – 382 с.
4. Кудряшова, И. В. Кризис и государство / И. В. Кудряшова // Полис. – 2009. – № 3. – С. 20–23.
5. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М. : АСТ, Транзиткнига, 2004. – 636 с.

УДК 342.9:347.918

Т. В. Сенькова

канд. юрид. наук,

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

МЕДИАТИВНЫЕ СПОСОБЫ В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ПРОЦЕССЕ

Медиация как альтернативный способ разрешения правовых конфликтов распространена и достаточно эффективна. Традиционно она применяется в частно-правовой сфере. Однако в последнее время актуален вопрос о допустимости внедрения медиации и в сфере публичного права.

Mediation as an alternative way of resolving of the legal conflicts is expand and rather effective. Traditionally it is applied in the private-law sphere. However recently admissibility of implementation of mediation in the sphere of public law is the topical question.

Одной из тенденций совершенствования процессуального законодательства последних лет является развитие процедур, способствующих оптимизации судебной нагрузки, упрощению, повышению оперативности судебного разбирательства и совершенствованию судопроизводства в целом. Внедрение альтернативных способов разрешения правовых конфликтов является мировой тенденцией. Республика Беларусь в этом вопросе не является исключением. Все большую популярность в стране приобретает медиация. Ее возможности не ограничены частно-правовой сферой. Медиативные способы могут быть применимы и в сфере публичного права.

Медиация как самостоятельный способ внесудебного разрешения споров появилась в США в 60-х годах прошлого столетия в качестве альтернативы судебному разбирательству и уже хорошо зарекомендовала себя в большинстве зарубежных государств (США, Канаде, Австралии, Австрии, Сербии, Нидерландах, Болгарии). В странах СНГ (Российской Федерации, Казахстане, Украине) процедура внесудебного посредничества также активно развивается [1]. Широкое развитие медиация имеет в России, где действует соответствующий закон, работает большое количество центров во многих регионах страны и медиация поддерживается государством. В последнее время, помимо традиционной сферы гражданско-правовых споров, активное развитие в России получает восстановительная медиация – медиация по уголовным делам. В Казахстане медиация применяется ко всем видам правоотношений, в том числе и уголовным (нетяжкие, менее тяжкие и преступления с наказанием до 5 лет лишения свободы, кроме дел о коррупции) [2].

В Республике Беларусь с 2008 г. в хозяйственном судопроизводстве применяется примирительная процедура которая уже доказала свою эффективность при рассмотрении коммерческих споров. Данная процедура позволяет сторонам самостоятельно урегулировать возникший конфликт.

С целью развития внесудебных способов урегулирования споров, примирения сторон, содействия сохранению и развитию партнерских деловых отношений, формированию этики делового оборота и гармонизации социальных отношений в июле 2013 г. в Республике Беларусь был принят Закон «О медиации». В соответствии с п. 1 ст. 2 указанного Закона медиация применима в целях урегулирования споров,

возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений, если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа соответствующих отношений.

Как правило, примирение сторон является добровольной процедурой. Однако в ряде зарубежных стран (Аргентина, Великобритания, Греция и др.) устанавливается обязательная медиация по некоторым категориям дел [3]. В Республике Беларусь также высказываются предложения о введении обязательной медиации по спорам, возникающим в сфере брачно-семейных отношений, а также о признании медиации в качестве досудебного способа урегулирования конфликта наряду с претензионным порядком.

Традиционно альтернативные способы разрешения правовых конфликтов применяется в частно-правовой сфере при разрешении споров, вытекающих из гражданских отношений. Принято также считать, что при помощи подобных способов не могут быть разрешены споры, вытекающие из административных и иных публичных отношений с участием государственных органов [4]. Таким образом, применение медиации в административно-деликтном и уголовном процессах исключается.

Действительно, основными принципами примирительных процедур являются добровольность, равноправие сторон, сотрудничество и др. В то время как в публично-правовых спорах их реализация затруднительна, так как данная сфера не предполагает диспозитивности в действиях субъектов правоотношений. Однако указанные принципы, хотя и весьма ограниченно, реализуются в том числе и административно-деликтных процессуальных отношениях. Поэтому процедура примирения достаточно перспективна, и возникает вопрос о возможности ее применения в публично-правовой сфере.

Анализируя исторический аспект применения примирительных процедур, правоведы отмечают, что на протяжении многих веков данный институт рассматривался в качестве основания для освобождения от наказания или его смягчения. На территории Беларуси во второй половине XIX века примирение сторон допускалось по широкому кругу дел, вплоть до убийств [5, с. 59]. Современная концепция развития посредничества рассматривает возможность использования его по административным и даже по уголовным делам [6, с. 99].

Необходимость развития примирительных процедур для внесудебного урегулирования конфликтов в связи с привлечением к уголовной

ответственности отмечалась также Президентом Республики Беларусь, в частности, в Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [7]. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь дает ряд пояснений, касающихся примирения, которое возможно по уголовным делам как публичного, так и частно-публичного обвинения [8]. Востребованность данного института в уголовном процессе вытекает из того, что число лиц, освобожденных от ответственности, в связи с примирением с потерпевшим достаточно велико [9], а данное основание освобождения от уголовной ответственности, является самым применяемым [10].

Актуальность и перспективность института медиации в уголовном процессе подтверждается разработкой проекта Закона «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь по вопросу медиации» и его активным обсуждением в государственных органах, на конференциях, семинарах и круглых столах. Вопрос медиации в уголовном процессе и в целом в публично-правовой сфере дискуссионен и неоднозначен, но принципиально негативных позиций белорусские юристы-практики и ученые высказывать не спешат. Для Республики Беларусь это абсолютно новый подход в урегулировании подобных конфликтов. Но как показывает законодательная практика зарубежных государств (Австрия, Бельгия, Финляндия, Франция, Германия, Польша, Словения), правовое регулирование медиации возможно нормами уголовного и уголовно-процессуального кодексов.

Основания примирительной процедуры по отдельным категориям дел можно усмотреть и в административно-деликтном процессе. Кроме того, на наш взгляд начинать введение медиации в публично-правовой сфере более целесообразно именно в административно-деликтном процессе, в котором рассматриваемые правонарушения не являются общественно опасными и несут меньший вред по сравнению преступлениями.

Так на этапе подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении судья должен выяснить наличие или убедиться в отсутствии обстоятельств, исключающих административный процесс, перечень которых приводится в ст. 9.6 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИК_{оАП}). Одним из таких обстоятельств, в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 9.6 ПИК_{оАП}, является примирение потерпевшего с лицом, в отношении которого ведется административно-деликтный процесс. Примирение возможно лишь по отдельным составам

административных правонарушений, исчерпывающий перечень которых указан в ст. 4.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), если ответственность возникает по требованию потерпевшего либо законного представителя привлечь лицо, совершившее административное правонарушение, к административной ответственности.

В связи с этим, определенное значение имеет вопрос о порядке и процессуальном оформлении примирения участников процесса. Поскольку институт примирения в ПИКоАП предусмотрен, а процедуры нет. Если учесть, что примирение сторон – одна из функций суда, то судья обязан разъяснить сторонам его возможность. Так как процесс примирения сторон нормативно не определен, возникает ряд вопросов, требующих уточнения. Кто курирует процесс примирения сторон в административно-деликтном процессе, нужно ли сторонам содействие вообще. Судья не может выполнять функцию примирителя (посредника). В данном случае он скорее осуществляет предварительный анализ сложившейся ситуации при подготовке дела к рассмотрению, результатом которой будет самостоятельное решение сторон в выборе способа урегулирования конфликта. Также законодательно не определено, каким образом должно быть выражено примирение потерпевшего с физическим лицом, в отношении которого ведется административный процесс: в форме заявления или же в форме устного ходатайства.

Не исключено, что у участников процесса может возникнуть желание обратиться к медиатору с целью достижения примирения. В таком случае будут действовать все правила, установленные для процедуры медиации. Это в свою очередь потребует от законодателя предусмотреть правовые последствия обращения к медиации в административно-деликтном процессе.

Кроме того примирение в административно-деликтном процессе допускается до объявления постановления по делу об административном правонарушении. То есть, стороны могут заявить о желании «заключить примирение» как до начала рассмотрения дела, так и в процессе его рассмотрения, на что может потребоваться некоторое время. В связи с этим считаем возможным дополнить ч. 3 ст. 11.2 ПИКоАП «Сроки рассмотрения дела об административном правонарушении» основанием приостановления рассмотрения дела об административных правонарушениях: если потерпевший или законный представитель заявит о желании заключить примирение с лицом, совершившим административное правонарушение, ответственность за которое

наступает в соответствии со ст. 4.5 КоАП – на срок, необходимый для заключения примирения. Срок примирения может быть самостоятельно установлен судом, другим органом, ведущим административный процесс, исходя из обстоятельств дела, а также с учетом сроков наложения административного взыскания, установленных ст. 7.6 КоАП.

Четко урегулированная процедура примирения сторон может иметь положительное значение. В частности, будет способствовать снижению нагрузки судей, тем более что в компетенцию суда входит рассмотрение большинства дел об административных правонарушениях, влекущих ответственность по требованию потерпевшего, а именно по 8 статьям из 11, предусмотренных ст. 4.5 КоАП.

Следует отметить и то, что медиация не должна расцениваться как возможность избежать ответственности. В мире существуют различные модели медиации и медиативные техники, выбор которых во многом зависит от сферы конфликта. Для административно-деликтного процесса наиболее оптимальна восстановительная медиация, основным принципом которой является возмещение вреда причиненного правонарушением.

Безусловно, вред, причиненный правонарушением, должен быть возмещен. Вопросы возмещения имущественного вреда в ПИКоАП регулируются частично. Обстоятельства причинения вреда, его характер и размер подлежат выяснению и доказыванию по делу об административном правонарушении. Поэтому суд должен установить, причинен ли вред административным правонарушением, требовать его возмещения от лица, признанного виновным. Глава 22 ПикоАП регулируются вопросы исполнения постановления в части возмещения имущественного ущерба. Такое постановление исполняется лицом, подвергнутым административному взысканию, добровольно в течение пятнадцати суток со дня получения постановления, иначе в порядке, определенном гражданским и хозяйственным процессуальным законодательством. Вместе с тем, четких правил, касающихся возмещения имущественного вреда в административном процессе не предусмотрено, а соответствующие нормы носят общий характер.

Карательная направленность правосудия не всегда побуждает правонарушителя возместить вред, причиненный потерпевшему. Поэтому интересы последнего могут быть не удовлетворены в полной мере. Это порождает критичное отношение к судебной власти, негативно сказывается на ее авторитете в обществе. Альтернативой традиционному правосудию является восстановительное правосудие. Вытекающий из него вид восстановительной медиации направлен на осознание

правонарушителем противоправности совершенного деяния и его последствий, принятие ответственности и возмещение вреда, недопущение рецидива. Такой результат возможен лишь при участии специалиста, имеющего необходимые знания и навыки. Безусловно, введение медиативных процедур в частности в административно-деликтный процесс потребует правового решения ряда вопросов, касающихся статуса медиатора, его прав и обязанностей, порядка проведения медиации, юридической силы медиативного соглашения, порядка исполнения соглашения, в том числе и принудительного.

Подводя итог, все же отметим, использование в административно-деликтном процессе медиативных способов в целях примирения лица, в отношении которого ведется процесс и потерпевшего позволит регулировать конфликт без привлечения лица к административной ответственности или с ее минимизацией, что соответствует задаче гуманизации законодательства в сфере привлечения к ответственности. Также важным моментом является и то, что медиация будет способствовать цивилизованности процесса примирения и повышению уровня правовой культуры граждан.

Список использованных источников

1. Здрок, О. Н. К вопросу об общей концепции развития примирительных процедур / О. Н. Здрок // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол. : В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – Выпуск 6. – С. 261–266.

2. Развитие медиации в государствах ЕАЭС [Электронный ресурс] / <http://www.mediacia.by/razvitie-mediacii-v-gosudarstvah-eaes>. – Дата доступа : 13.03.2016.

3. Бельская, И. А. Добровольность или обязательность применения процедуры посредничества в хозяйственном процессе / И. А. Бельская // Актуальные проблемы использования примирительных процедур как формы разрешения споров в национальном и международном праве : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23 апр. 2010 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол. : Г. А. Короленок [и др.]. – Минск, 2010. – С. 91–94.

4. Власова, Л. В. Судебное посредничество и медиация – *qui pro quo* / Л. В. Власова // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь : 2010. – № 3. – С. 101–103.

5. Загорнов, А. А. Примирение как способ разрешения споров: исторический аспект / А. А. Загорнов // Государство и право в условиях инновационного развития: теоретико-методологические и прикладные проблемы : сб. материалов. Междунар. науч.-практ. конф.; Брест, 24 июня 2011 г. /

Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол. : Т. А. Горупа [и др.]. – Брест : БрГУ, 2011. – С. 59–61.

6. Каменков, В. С. История и понятие посредничества в хозяйственном судопроизводстве Беларуси / В. С. Каменков // Юридическая наука и образование. – Минск : Право и экономика, 2010. – Вып. 3. – С. 96–105.

7. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 : изм. и доп. от 30 дек. 2011 г., № 621 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012 . – № 8. – 1/13223.

8. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2012 г., № 1 // Судовы веснік. – 2012. – № 2. – С. 11–13.

9. Калининвич, В. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности / В. Калининвич, В. Ракитский, Л. Дулько // Судовы веснік. – 2012. – № 2. – С. 16–25.

10. Кукреш, Л. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты / Л. Кукреш, Э. Саркисова // Юстиция Беларуси. – 2012. – № 3. – С. 26–30.

УДК 342.7

И. Г. Скороход
УО «БГЭУ»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ К ВЫПОЛНЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГРАЖДАНАМИ

В статье представлена конституционно-правовая характеристика государственного принуждения граждан к выполнению конституционных обязанностей гражданами. Автором называются основания государственного принуждения, обосновывается его необходимость и цель. Показаны особенности властно-силовой деятельности государства и гарантии, определяющие взаимоотношения государства и гражданина в сфере государственного принуждения. Дается авторское определение понятия государственного принуждения.

The article presents the constitutional and legal characteristic of the citizens of the state compulsion to perform constitutional duties. The author called state coercion grounds justified its need and purpose. The features of power-the power of the State and guarantee that define relations between the state and the citizen in the field of state coercion. The author's definition of the concept of state coercion.

Введение. В современной политико-правовой мысли сформировалась позиция о закономерности отмирания государственного принуждения, являющегося признаком тоталитарного, недемократического государства. В литературе постсоциалистического периода основное внимание уделяется альтернативным методом регулирования и управления – убеждение, стимулирование, поощрения. Поэтому исследование государственного принуждения в постсоветских государствах в том числе и в Республике Беларусь не получило своего развития. По мнению российского ученого Ж. И. Овсепяна «основным препятствиям тому является, прежде всего, фактор исторической памяти о десятилетиях тоталитарной партийной диктатуры, отрицавшей личные права и свободы, право частной собственности» [1, с. 14].

Тем не менее, еще древнегреческий философ, представитель младшего поколения софистов Фразимах (ок. 459–400 гг. до н. э.) утверждал, что во всех существующих формах государства именно сила является основой властвования [2, с. 45]. Как отмечает российский ученый Ю. Ю. Ветютнев «все исторически существовавшие типы человеческих обществ построены на основе власти и подчинения» [3, с. 92].

Основная часть. Конституция Республики Беларусь закрепляет принципиальное положение об ответственности гражданина перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей (ч. 2 ст. 2), что позволяет государству использовать принудительные меры к гражданам в случае невыполнения ими конституционных обязанностей [4].

Отсутствие конституционного запрета для государства употребить власть и силу легитимировано волей народа Беларуси. Такая легитимность государственного принуждения вытекает из фундаментального конституционного положения – ответственности народа за настоящее и будущее Беларуси, закрепленной в преамбуле Конституции Республики Беларусь.

Право государства на принуждение граждан к выполнению конституционных обязанностей вытекает также из его сущности как властно-правового монополиста такой деятельности. Например, если гражданин не выполняет конституционную обязанность по финансированию государственных расходов путем уплаты налогов, то другой гражданин не вправе применить нормы права и понудить его к уплате налога. Это право и обязанность государства. Реализуется же такое насилие над гражданами от лица государства его государственными органами и должностными лицами в определенных законом формах и на основании закона. Поэтому государственное принуждение, основанное на общеобязательных правилах поведения, является

государственно-правовым, а, следовательно, и справедливым, поскольку справедливое в государстве – это то, что осуществляется на правовой основе. Принуждение вне права – это право силы и кулачное право. Месть, кровная месть, самосуд и другие виды кулачного права запрещены.

Необходимость государственного принуждения продиктована закреплением на конституционном уровне человека, его прав и свобод высшей ценностью и целью общества и государства. Государство же обязано обеспечить права и свободы своих граждан, что является его высшей целью в соответствии со ст. 21 Конституции. Для достижения данной цели государством используется ряд конституционных гарантий, которые никоим образом не отменяют и применение государственного принуждения, являющегося иногда единственным способом, позволяющим обеспечить права и свободы граждан. Например, граждане Республики Беларусь имеют право на бесплатное общее среднее образование (ч. 2 ст. 49 Конституции). Но если при этом трудоспособные граждане не будут выполнять надлежащим образом конституционную обязанность по финансированию государственных расходов (ст. 56 Основного Закона), то реализация права на образование ставится под угрозу. В таком случае государство обязано применить меры государственно-правового принуждения и заставить трудоспособных граждан против их воли выполнить соответствующую конституционную обязанность.

Властно-силовое воздействие государства на волю гражданина имеет целью не просто выполнение гражданином возложенных на него Конституцией обязанностей как может показаться вначале. Целью принуждения является установление социальной справедливости в обществе, т. е. построение модели поведения граждан с их полным участием в общественных институтах и процессах в соответствии с конституционными требованиями, устанавливающими принцип формального правового равенства каждого перед законом, что закреплено в ст. 22 Основного Закона. При этом конституционный принцип равенства вовсе не означает равенства всех перед законом. Это, прежде всего невозможность освобождения гражданина от обязанности следовать и выполнять конституционные требования. Ценность же такой модели поведения граждан заключается в следующем: во-первых, не в единичных действиях граждан по выполнению конституционной обязанности, а в постоянстве и неизменности; во-вторых, в неотвратимости государственного принуждения в случае девиантного поведения граждан, т. е. невыполнения либо ненадлежащего выполнения гражданином конституционных обязанностей.

Государственно-правовое принуждение граждан к выполнению возложенных на них Конституцией обязанностей с учетом их основополагающего характера имеет свои особенности:

а) властно-силовая деятельность государства по отношению к гражданам, которые не выполняют своих конституционных обязанностей, в свою очередь, обусловлена конституционными обязанностями государства перед обществом в целом и другими гражданами. Например, государство обязано создавать условия для полной занятости населения (ч. 2 ст. 41), защищать собственность, приобретенную законным путем (ч. 3 ст. 44), осуществлять контроль за рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды (ч. 2 ст. 46). Выполнить конституционные обязанности государство перед гражданами способно лишь при условии выполнения последними возложенных на них конституционных обязанностей;

б) предопределение государственного принуждения принципом взаимной ответственности государства за создание условий для свободного и достойного развития личности и граждан, за неукоснительное выполнение обязанностей, возложенных на них Конституцией (ч. 2 ст. 2);

в) осуществление государственно-правового принуждения граждан на основе Конституции и на приоритете принципов международного права (ч. 2 ст. 7, ст. 8, ст. 137). Например, ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. устанавливает, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [5];

г) установление Конституцией Республики Беларусь границы государственного принуждения с помощью принципа разделения властей (ст. 6), что является гарантией, не допускающей вседозволенности государству вторгаться в индивидуальную область личности. При этом каждая ветвь власти находится в состоянии связанности правами и свободами человека. А система сдержек и противовесов позволяет одной ветви власти осуществлять контроль за соблюдением прав и свобод человека другой ветвью власти, что в свою очередь не позволяет монополизировать государственное принуждение одной из властей.

Вместе с тем Основной Закон устанавливает и ряд других конституционных гарантий, определяющих и предусматривающих допустимые рамки проникновения государственного принуждения в сферу конституционных обязанностей граждан. Здесь имеется в виду обязанность-запрет, адресованный государству ограничивать права и свободы личности не иначе как в случаях, установленных законом (ст. 23); гарантированная презумпция невиновности (ст. 26); запрет на принуждение к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников (ст. 27); гарантированная защита прав и свобод личности компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки (ст. 60) и т. д.

Представляется необходимым особо выделить такую гарантию, определяющую взаимоотношения государства и гражданина в сфере государственного принуждения как обязанность-запрет для государства понуждать граждан к выполнению обязанностей, не предусмотренных Конституцией Республики Беларусь и ее законами, либо к отказу от своих прав (ст. 58). Круг конституционных обязанностей, возлагаемых на граждан, прямо закрепляется в тексте Основного Закона (ст. ст. 32, 52–57) или следует из смысла и содержания норм Конституции (ч. 2 ст. 3, ч. 3 ст. 5, ст. 29, ст. 44 и др.). Кроме Основного Закона формами выражения конституционных обязанностей в соответствии с ч. 3 ст. 21 Конституции, являются законы и международные обязательства государства. Это отражается и в ст. 52 Конституции, нормы которой обязывают каждого соблюдать законы (в смысле все нормативные предписания государства).

Государственно-правовое принуждение граждан к выполнению обязанностей, установленных законами, международными актами, актами межгосударственных образований, а также решениями республиканских и местных референдумов, местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов, органов территориального общественного самоуправления, собраниями граждан возможно и необходимо. Главное, чтобы подобные обязанности устанавливались на основе и в соответствии с Конституцией Республики Беларусь как того требуют ст. ст. 7, 137 Основного Закона. Их номенклатура должна укреплять, развивать и доводить до совершенства обязанности, находящиеся в Конституции.

По своей сущности государственное принуждение граждан к выполнению возложенных на них Конституцией обязанностей – это конфликт интересов отдельных граждан и социальный конфликт. Поэтому важнейшим институтом, направляющим такие конфликты

в цивилизованное правовое поле, обеспечивающим контроль государственного принуждения граждан к выполнению возложенных на них Конституцией обязанностей является гражданское общество как система общественных институтов и отношений, способствующих реализации экономических, личных, культурных и других интересов и потребностей граждан и их коллективов. Горизонтальные связи в отношениях «государство – гражданское общество» ограничивают проникновение государства со своим аппаратом принуждения в сферу индивидуального в личности. Гражданское общество способно противостоять необоснованному, внеправовому государственному принуждению. Оно не позволяет подмять под себя личность и сделать из гражданина не правообязанное лицо, а обязанное государству лицо лишь только на основании факта его гражданства и без учета способности гражданина выполнить ту или иную конституционную обязанность.

Вместе с тем государство вправе и не применять принуждение к гражданам, не выполняющим возложенные на них Конституцией обязанности и тем самым освободить их полностью либо в части от такой нагрузки. Однако Основной Закон не называет целей освобождения граждан от обязанностей по сравнению с ограничениями прав и свобод в соответствии с ч. 1 ст. 23, где цели ограничения определены достаточно четко: интересы национальной безопасности, общественный порядок, защита нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Однако это вовсе не означает того, что законодатель вправе произвольно освободить граждан от выполнения конституционных обязанностей. В данном случае необходимо исходить из совокупности ч. 2 ст. 23, устанавливающей запрет на пользование преимуществами и привилегиями, противоречащими закону и ст. 22 Конституции, указывающей, что никто не может быть освобожден от обязанности следовать и выполнять конституционные требования. Однако здесь уместно обратить внимание законодателя на то, чтобы освобождение граждан от выполнения ими конституционных обязанностей не вылилось в раздачу им различных льгот и преференций, что, в свою очередь, усилит и без того иждивенческие настроения отдельных граждан, унаследованные ими из советского прошлого. В сознании некоторых из них все еще прочно и основательно живет идея всемогущества государства как единственно возможного и справедливого универсального распределителя в обществе всех без исключения, экономических, социальных, духовных и иных благ.

Основанием для применения государственно-правового принуждения являются юридические факты (неправомерные действия или

бездействия), т. е. невыполнение либо ненадлежащее выполнение гражданами, возложенных на них Конституцией обязанностей. При наличии таких юридических фактов и на основе конституционно-правовых и иных норм возникают правоотношения между их участниками, наделенными правами и обязанностями: государственными органами и их должностными лицами и правообязанным лицом – гражданином. Такие правоотношения выступают формой реализации государственно-правового принуждения. Они строятся на принципе соподчинения и являются охранительными, поскольку связаны с применением государственного принуждения в целях обеспечения выполнения нереализованных конституционных обязанностей гражданами. Особенностью указанных правоотношений является их позитивный характер, при котором участниками правоотношений совершается ряд целенаправленных активных действий. Кроме того, в данных правоотношениях конкретно (поименно) определены все участники. В теории права такие правоотношения называют относительными.

Конституция Республики Беларусь, регламентируя отношения между государством и гражданами, определяет, что только государство обладает монополией на принуждение граждан к выполнению конституционных обязанностей. На это прямо указано в ст. 1 Основного Закона: «Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику, защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок». Вместе с тем Конституция обязывает государство монополизировать принуждение граждан как средство и способ обеспечения выполнения гражданами конституционных обязанностей. Такая норма закреплена в ч. 1 ст. 59 Конституции, где установлена обязанность государства принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией. Осуществлять же государственное принуждение от имени государства уполномочены, в соответствии с ч. 2 ст. 59, государственные органы и должностные лица. Им доверено исполнение государственных функций и на них возложена обязанность в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности.

Однако применение принуждения – это не общее правило, а скорее исключение, это часть специальной компетенции отдельных государственных органов, которые в совокупности образуют правоохранительную систему государства [6, с. 492]. Отсюда вытекает и цель

монополии государства на принуждение и государственного принуждения в целом – это установление конституционного правопорядка, основой которого является реальное осуществление прав и свобод человеком.

Поскольку государство на законных основаниях отняло у всех индивидуальных и коллективных лиц общества право на правовое принуждение своих граждан к выполнению конституционных обязанностей, то можно утверждать, что в данном случае цель оправдывает средства. Ведь государственная монополия на принуждение определяется не тем, что государству вполне законно принадлежит право принуждать граждан к выполнению конституционных обязанностей, а тем, что гражданам, добросовестно выполняющим конституционные обязанности, запрещается оказывать насилие в отношении тех сограждан, воля которых направлена на невыполнение возложенных на них Конституцией обязанностей.

Заключение. Республика Беларусь, как и любое государство, призвана, в первую очередь, гарантировать свою внутреннюю и внешнюю безопасность и безопасность своих граждан. При этом государству еще необходимо обеспечить, с одной стороны, общественный порядок, а с другой – учесть порою несовместимые друг с другом интересы граждан. Обойтись здесь одними методами убеждения, поощрения и надеждами на сознательность граждан представляется невозможным. Поэтому в Республике Беларусь, как и в других странах, при всех политических режимах и формах правления государства применялось и применяется принуждение.

Проведенное исследование государственного принуждения граждан к выполнению возложенных на них Конституцией обязанностей позволяет сформулировать определение данного понятия. Государственное принуждение – это санкционированная волей народа, основанная на нормах Конституции и осуществляемая в определенных законом формах деятельность государственных органов и их должностных лиц, направленная на противоволевое выполнение гражданами, возложенных на них Основным Законом обязанностей в целях обеспечения и защиты прав, свобод человека и иных общественных и государственных интересов.

Список использованных источников

1. Овсепян, Ж. И. Государственно-правовое принуждение и конституционно-правовое принуждение как его отраслевая разновидность / Ж. И. Овсепян // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 1. – С. 13–20.

3. Ветютнев, Ю. Ю. Аксиологический статус правового равенства / Ю. Ю. Ветютнев // Философия права. – 2012. – № 1. – С. 90–95.

4. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.

5. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : [Принята резолюцией 217 А Генеральной Ассамблеи ООН в г. Париже 10.12.1948 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 27.09.2015.

6. Скороход, И. Г. Конституция и монополия государства на принуждение к выполнению конституционных обязанностей / И. Г. Скороход // Теоретико-методологические и прикладные аспекты государственного управления: материалы XVII Респ. науч-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, Минск, 22 марта 2013 г. / ред. кол. : Ю. К. Абухович [и др.] ; под общ. ред. канд. техн. наук А. Н. Рябовой. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2013. – С. 491–493.

УДК 343.236.4

А. М. Сокуренько

канд. юрид. наук, доц.,

Черкасский национальный университет им. Богдана Хмельницкого

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ВИНЫ И СЛОЖНОЙ (СМЕШАННОЙ, ДВОЙНОЙ) ЕЕ ФОРМЫ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье исследуется понятие вины в уголовном законодательстве Украины. Автор делает основной акцент на анализе международного законодательства, по определению этого понятия, и формирует предложения по внесению изменений в национальное законодательство по решению данной проблемы. Также, в работе уделяется внимание проблеме установления, во время квалификации, сложной (двойной, смешанной) формы вины и вопросу определения судом, какое это преступление в конечном итоге за формой вины, при вынесении приговора. На основе международно-правового анализа, автор доказывает необходимость внесения изменений в Общую часть УК Украины в аспекте законодательного определения сложной формы вины.

The article examines the concept of guilt in the criminal law of Ukraine. The author focuses on the analysis of international legislation on the definition of the term, and generates proposals to amend the national legislation to address the

problem. Also, the paper focuses on the issue of the establishment, during qualification, dual (complex, mixed) forms of guilt and the issue of determining the court that this is a crime ultimately form of guilt during sentencing. On the basis of international legal analysis, the author proves the necessity of amending the General Part of the Criminal Code of Ukraine in terms of legislative definition dual form of guilt.

У статті досліджується поняття вини в кримінальному законодавстві України. Автор робить основний акцент на аналізі міжнародного законодавства, щодо визначення цього поняття, та формує пропозиції стосовно внесення змін до національного законодавства з вирішення даної проблеми. Також, в роботі приділяється увага проблемі встановлення, під час кваліфікації, подвійної (складної, змішаної) форми вини та питанню визначення судом, який це є злочин в кінцевому результаті за формою вини, під час винесення вироку. На основі міжнародно-правового аналізу, автор доводить необхідність внесення змін до Загальної частини КК України в аспекті законодавчого визначення подвійної форми вини.

Введение. Согласно ч. 1 ст. 2 УК Украины, единственным основанием уголовной ответственности является совершение лицом общественно опасного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренного УК Украины [1]. Так, одним из элементов состава преступления является субъективная сторона преступления. Признаками которой являются: вина, мотив, цель и эмоциональное состояние человека, из которых обязательным является только вина. Проблема определения понятия вины и ее форм является дискуссионной и требует тщательного научного исследования. Данные вопросы поднимали такие ученые, как: М.И. Бажанов, Р.В. Вереша, П.С. Дагель, А.А. Пинаев, А.И. Рарог, Н.И. Хавронюк и другие. Вместе с тем на законодательном уровне определены только такие формы вины, как умысел и неосторожность. Сложная (двойная) форма вины в УК Украины не предусмотрена, но на потребности практики в теории уголовного права ее выделяют. В связи с этим существует проблема по определению сложной (смешанной, двойной) формы вины, а значит и возможного законодательного закрепления ее на уровне закона.

Основная часть. Понятие вины закреплено в ст. 23 УК Украины, где определяется, что это психическое отношение лица к совершенному действию или бездействию, предусмотренной УК Украины, и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности [1]. Анализируя такое понятие, мы приходим к выводу, что она сконструирована таким образом, что применять ее можно только к преступлениям с материальным составом. То есть, в самом понятии предусмотрено психическое отношение лица не только к деянию (действию или бездействию), как обязательного признака, но и последствий, которые также являются обязательными, исходя из вышеупомянутой

нормы. До вступления в силу УК Украины (01.09.2001 г.) законодательством в советское время не было предусмотрено понятие вины вообще. Так, в ст.ст. 8 и 9 УК УССР 1960 г. было определено понятие и виды умысла и неосторожности соответственно [2]. Несколько иначе решался вопрос по уголовному законодательству РСФСР от 01.01.1927 г. Так, в ст. 10 УК было предусмотрено, подлежат ответственности только те лица, которые совершили общественно опасные деяния, если они действовали умышленно и по неосторожности, где раскрывались их виды [3]. Но, в абзаце 1 ст. 10 УК РСФСР было акцентировано внимание на том, что отвечают только те лица, которые совершили общественно опасные деяния, а вот о последствиях вообще не шла речь.

Совершенствованию и внедрению положительного опыта в национальное законодательство, способствует международно-правовой анализ зарубежного законодательства. В связи с этим, считаем необходимым, проанализировать уголовное законодательство разных стран. Так, согласно ч. 1 ст. 21 УК Республики Беларусь, виной – есть психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности [4]. В связи с этим, данное понятие определено через призму того, что обязательным признаком является общественно опасное деяние. Что же касается последствий, то их обязательное определение требует в случае установления конкретного вида умысла или неосторожности. Аналогичное решение данного вопроса предусмотрено в УК Российской Федерации (далее – РФ) – ч. 1 ст. 24, а также и в ч. 1 ст. 26 Модельного УК для Стран участников СНГ (далее - Модельный УК) [5, 6]. Заслуживает внимания опыт ФРГ, где в § 15 УК предусмотрено, что ответственности подлежит только умышленное деяние, если законом четко не предусмотрена ответственность за неосторожное деяние. То есть, понятие вины в уголовном законе ФРГ не предусмотрено, но законодатель определяет, что деяния подлежат ответственности с точки зрения форм вины, и о последствиях вообще не идет речь [7]. Также, нами были проанализированы уголовное законодательство Латвийской Республики, где в ч. 1 ст. 6 предусмотрено, что уголовным правонарушением является совершение общественно опасного деяния в форме умысла или неосторожности [8]. Так, анализируя уголовное законодательство европейских стран и СНГ мы приходим к выводу, что ни в одной из стран, которые были исследованы нами, понятие вины не раскрывается через призму отношения лица к общественно опасным последствиям, а только отношение лица к общественно

опасному деянию. Видимо это объясняется тем, что понятие вины должно быть универсальным по отношению к применению, как формальных преступлений, так и материальным, по моменту окончания. В связи с этим, исследования и обсуждения понятия вины, что предусмотрено ст. 23 УК Украины, требует дальнейшего совершенствования.

Следующий вопрос, который нами будет рассмотрен, это проблема сложной (смешанной, двойной) формы вины. Так, в V разделе Общей части УК Украины «Вина и ее формы», о данной форме ничего не говорится, а лишь в ст.ст. 23–25 указывается об умысле и неосторожности и их виды. В отличие от национального законодательства в ряде зарубежных стран этот вопрос решается несколько иным способом. В связи с этим, предлагаем изучить уголовное законодательство европейских стран и стран СНГ.

Так, в ст. 27 УК РФ предусмотрена ответственность за преступление, совершенное со сложной формой вины, где указывается, что действие в таком преступлении совершается только умышленно, а последствия наступают только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращения (преступная самонадеянность), или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий (преступная халатность) [5]. Вместе с тем, в данной норме указывается, что в целом такое преступление является умышленным. Также, в ст. 25 УК Республики Беларусь и ст. 29 Модельного УК закреплено понятие ответственности при наличии сложной формы вины. В соответствующих нормах несколько проще определено данную дефиницию по сравнению с законодательством РФ. В уголовном законодательстве Республики Беларусь и Модельном УК указывается, что сложная вина характеризуется умышленной формой, а последствия наступают только по неосторожности (не раскрывая их виды, так как это закреплено в УК РФ), с которыми закон связывает повышенную уголовную ответственность [4, 6]. Что же касается характеристики преступления в целом, то такое преступление является умышленным, то есть аналогично уголовному законодательству РФ.

Такие же положения закреплены в уголовном законодательстве ФРГ в § 18 где указано, что за деяния предусмотрена ответственность (а деяния, только в форме умысла – § 15), если последствия наступают только по неосторожности [4]. То есть, в законе прямо не указано, что это сложная форма вины, но исходя из данной дефиниции, мы делаем вывод, что это так и есть. Что же касается уголовного

законодательства Латвийской Республики, то в УК этой страны не предусмотрена ответственность за преступления совершенные с двойной формой вины [8]. Также, нами были проанализированы УК УССР 1960г. и УК РСФСР от 01.01.1927 г. где также о сложной форме вины ничего не говорится, а затем ответственности не предусмотрено [2, 3].

Согласно УК Украины, сложная форма вины не предусмотрена, но исходя из анализа диспозиции статей, мы можем констатировать, что ряд преступлений характеризуется наличием такой вины. Возникает вопрос, а как на сегодняшний день, суд определяет в конечном итоге, какое это будет преступление в целом, если оно характеризуется наличием сложной формы вины. В связи с этим, предлагаем рассмотреть следующие два примера: первое преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 286 УК Украины «Нарушение правил безопасности дорожного движения или эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами», характеризуется наличием сложной формы вины, а именно деяния совершается лицом умышленно, а последствия наступают по неосторожности, но в целом это преступление совершенное по неосторожности. Другой пример, это преступление предусмотренное ч. 2 ст. 147 УК Украины, захват заложников, повлекшее тяжкие последствия, но при условии, что такие последствия были вызваны по неосторожности [1]. В целом данное преступление будет характеризоваться как умышленное. Возникает вопрос, в чем отличие между первым и вторым преступлением, ведь в обоих случаях преступления характеризуются сложной формой вины. Отвечая на данный вопрос, необходимо отметить, что в науке уголовного права и практикой выработана следующая формула, позволяющая определить какое это преступление является в целом. Так, для такого установления необходимо проанализировать только общественно опасное деяние (то есть о последствиях на мгновение так сказать необходимо «забыть»). Если, за такое деяние предусмотрена уголовная ответственность то данное преступление в целом является умышленным, а если за деяния предусмотрено административную, дисциплинарную или иной вид ответственности, то такое преступление является в целом неосторожным. Итак, анализируя вышеуказанные примеры, необходимо отметить, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 286 УК Украины в целом неосторожное, ведь за действия (то есть за нарушение правил дорожного движения) предусмотрена административная ответственность, и только при наличии определенных последствий (средней тяжести телесных повреждений) лицо будет нести уголовную ответственность. А вот во втором случае (ч. 2 ст. 147

УК Украины), за совершение лишь деяния, а именно захват заложников (без наступления тяжких последствий) предусмотрена уголовная ответственность, в соответствии с ч. 1 ст. 147 УК Украины. Поэтому такое преступление в целом является умышленным.

В связи с этим, на сегодняшний день, часть преступлений не может признаваться как таковыми, что характеризуются сложной формой вины, что по нашему мнению является весьма не верным, так как это не закреплено на законодательном уровне.

Выводы. Мы пришли к выводу, что в соответствии со ст. 23 УК Украины понятие вины нуждается в совершенствовании на законодательном уровне, с целью получения его универсальности для всех преступлений в целом. Что касается сложной формы вины, то обязательно нужно внести изменения в раздел V Общей части УК Украины, для его законодательного закрепления.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Украины // Ведомости Верховного Совета. – 2001. – № 25–26. – Ст. 131.
2. Уголовный кодекс Украины 1960 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/2001-05/para047#o47>. – Дата доступа: 09.02.2016.
3. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. – № 80. – Ст. 600.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1_. – Дата доступа: 09.02.2016.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=191695>. – Дата доступа: 09.02.2016.
6. Модельный Уголовный кодекс для стран-участников СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901781490>. – Дата доступа: 09.02.2016.
7. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102943,100102946,100103002,100103009#text>. – Дата доступа: 09.02.2016.
8. Уголовный кодекс Латвийской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://likumi.lv/doc.php?id=88966>. Дата доступа: 29.02.2016.
9. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102943,100102946,100103002,100103012#text>. – Дата доступа: 09.02.2016.

П. В. Соловьёв

УО «Полоцкий государственный университет»

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУЦИИ В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ

Рассматривается принцип конституционности в нормотворчестве, особенности его реализации во взаимосвязи с проблемой прямого действия конституции. Исследование построено на анализе категорий «конституционные принципы (принципы-идеи)» и «принципы конституции (принципы-нормы)», и их влиянии на нормотворческую деятельность.

The principle of constitutionality in rule-making is considered. Communication of the principle of constitutionality and problem of direct action of the constitution is investigated. The analysis of the categories “constitutional principles (principles idea)” and “principles of the constitution (principles norm)”, their influence on rule-making activity is carried out.

Введение. В правовой системе Беларуси Конституция имеет особое юридическое свойство – верховенство, что определяет конституционность в качестве главного условия действительности нормативных актов. В связи с этим понимание критериев конституционности приобретает базовое значение в нормотворчестве.

Основная часть. Вопрос реализации принципа конституционности в нормотворчестве следует рассматривать в неразрывной связи с проблемой прямого действия конституции. Данное юридическое свойство Основного Закона определяет, что отсутствие конкретизирующих и развивающих нормативных актов не должно исключать реализацию конституции, «кроме случаев, когда опосредованный характер действия её отдельных норм предусмотрен самой Конституцией или вытекает из существа таких норм» [1, с. 838]. Субъектам права предоставляется возможность непосредственно на основе конституционных предписаний разрешать споры в судах, дела в органах публичной власти.

Проблема прямого действия конституции, в первую очередь, связана с вопросом конструкции конституционных норм. В науке конституционного права сложилось предельно общее деление конституционных норм по объему нормативности на две больших группы: нормы-принципы и нормы-правила. Первые представляют собой нормы, которые закрепляют основные начала, руководящие идеи, определяют

концептуальное содержание правового регулирования (например, ст.7 Конституции Республики Беларусь – в Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права). Вторые – непосредственно регулируют общественные отношения, четко определяют права и обязанности, условия их реализации (например, ст. 30 Конституции – граждане Республики Беларусь имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Республики Беларусь, покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно).

Конституционные нормы с непосредственным регулированием определенных отношений вызывают наименьшее количество проблем в реализации принципа конституционности. Здесь перед субъектом нормотворчества стоит лишь задача детализации конституционных положений, установлении гарантий прав, свобод, обязанностей, определенных конституцией, выработке процессуальных моделей реализации таких норм.

Конституционный Суд Республики Беларусь неоднократно в Заключениях № 3-67/98 от 24 июня 1998 года, № 3-78/99 от 13 мая 1999 года ежегодных посланиях о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2011, 2010 гг., а также в решениях по проверке законов в порядке обязательного предварительного конституционного контроля высказывал правовую позицию о прямом действии нормы ч.1 ст. 60 Конституции.

Рассматриваемая конституционная норма, гарантирующая каждому защиту его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки, бесспорно, является нормой непосредственного характера, которая требует лишь соответствующей отраслевой детализации и процессуальной регламентации, которые не должны исказить право на судебную защиту.

В тоже время практика Конституционного Суда Республики Беларусь знает и другой подход к оценке прямого действия норм Конституции.

Конституция Республики Беларусь в ст.62 определяет, что каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. В данном случае конституционная норма отличается более чем полным регулированием отношений по оказанию юридической помощи, фактически не

нуждается в отраслевой конкретизации и процессуальном регламентировании.

В тоже время в Решении от 02 июля 2015 года №Р-989/2015 «О праве граждан, выступающих свидетелями в уголовном процессе, на юридическую помощь» Конституционный Суд Республики Беларусь указал на то, что в процессуальном законодательстве Республики Беларусь отсутствуют специальные нормы об оказании юридической помощи свидетелям, обозначил необходимость устранить соответствующий пробел в правовом регулировании. Фактически Конституционный суд высказал правовую позицию об отсутствии прямого действия ст. 62 Конституции.

Конституционный суд в своей правовой позиции не обозначил простых правил прямого действия Конституции. Ведь вопрос участия в следственном действии адвоката как представителя свидетеля, должен решаться нормой прямого действия – статьёй 62 Конституции, и лицо, производящее дознание, следователь, прокурор не имеют права отказать свидетелю в даче показаний в присутствии своего представителя - адвоката. Конституционный суд, напротив, определил, что в нормах уголовно-процессуального законодательства не предусмотрен действенный механизм, гарантирующий обеспечение права свидетеля, принимающего участие в уголовном процессе, на юридическую помощь адвоката, не регламентированы порядок допуска адвоката для оказания такой помощи свидетелю и его процессуальные права.

В целом, указанные нормы Конституции (ч. 1 ст. 60 и ч.1 ст. 62) по своему содержанию и форме изложения являются нормами прямого действия, т. к. устанавливают четкие правовые предписания, не содержат декларативных или программных положений. Однако Конституционным Судом данные нормы Основного Закона в вопросе их прямого действия восприняты не единообразно.

Представляется более приемлемым использование Конституционным Судом в своих актах указаний на прямое действие тех норм Конституции, которые по своему содержанию могут реализовываться без каких-либо конкретизирующих их актов. Такой подход позволит обеспечить реальное действие Конституции и исключить подмену (искажение) конституционных норм в конкретизирующих и развивающих нормативных актах.

Однако тут важно понимать, что проблема соответствия Конституции и нормативных актов, обеспечение прямого действия Конституции не только юридическая, но и политическая, как и зависимая от правовой культуры общества.

Конституционные предписания принципиального положения, в отличие от конкретных норм, вызывают наибольшие затруднения при реализации принципа конституционности.

В конституционном праве принципы выполняют особую функциональную нагрузку, которая обусловлена характером данной отрасли – регламентация всех сфер общественных отношений, и соответственно, широкое применение предписаний с высокой степенью нормативной обобщенности, чем и являются принципы.

В конституционном праве принципы проявляют себя в двух формах: конституционные принципы (принципы-идеи) и принципы конституции (принципы-нормы) [2, с.110]. Конституционные принципы – это элементы конституционной доктрины, отражающие основополагающие идеи правового регулирования (например, правовое государство, конституционализм, республиканская форма правления и др.). Принципы конституции представляют собой конституционные принципы (отдельные их элементы), которые получили закрепление в нормах права (например, ст.109 Конституции закрепляется принцип принадлежности судебной власти только судам).

Принципы-идеи складываются и закрепляются в области науки и практики, они «как логические построения, служащие началом соответствующих теорий, по содержанию богаче принципов-норм, т. к. допускают различные варианты их нормативного воплощения в рамках заложенной в них идеи. Принципы-нормы всегда конкретны, что диктуется необходимостью их реализации в четких правовых предписаниях» [3, с. 168].

В тоже время конституционное право знает практику нормативного закрепления принципов-идей – установление нормы-принципа, которая содержит общее название принципа, но не определяет содержание такого принципа и механизма его реализации. Таким примером может служить уже упоминавшийся принцип верховенства права или правового государства. Подобный подход к закреплению принципов-идей, не через набор конкретных принципов-норм, раскрывающих содержание какой-либо правовой идеи, а лишь через указание названия принципа-идеи, влечет проблему исполнимости конституционных предписаний.

Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон «О нормативных правовых актах») в абз. 2 ст. 7 предписывает при осуществлении нормотворческой деятельности соблюдать принцип конституционности, однако содержание данного принципа Закон не раскрывает. Правила подготовки

проектов нормативных правовых актов, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 в п.121 в свою очередь устанавливают такие критерии соответствия проекта акта Конституции Республики Беларусь, как отражение в нем конституционных принципов, и связь содержания проекта акта и норм Конституции Республики Беларусь (использование термина «отражение» нельзя назвать четким правовым предписанием).

Основной Закон упоминает в своем тексте о конституционности лишь один раз, в ч. 1 ст. 116, посвященной конституционному правосудию. Указанная статья прямо не указывает на то, что понимать под конституционностью. Однако сопоставление ч. 1 и ч. 4 ст. 116 позволяет установить, что Конституция исследуемое понятие косвенно дефинирует как соответствие нормативных актов, в первую очередь, Конституции. В тоже время содержание ч. 4 ст. 116 Конституции также определяет конституционность, как соответствие законов, декретов и указов Президента Республики Беларусь, международных договорных и иных обязательств Республики Беларусь, актов межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь, актов любого другого государственного органа Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, а также в соответствующих случаях нормативным актам большей юридической силы.

Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. «О конституционном судопроизводстве» в ст. 54 закрепляет, что проверяя конституционность акта в целом или в определенной его части, Конституционный суд, устанавливает соответствие его Конституции Республики Беларусь по содержанию норм, при проверке конституционности акта в порядке последующего контроля Конституционный Суд имеет в виду, как буквальный смысл правовых норм, так и смысл, придаваемый им практикой применения.

В этой связи также следует учесть чисто позитивистскую дефиницию Закона «О нормативных правовых актов», который в абз. 19 ч. 1 Закона определяет право, как систему общеобязательных правил поведения, устанавливаемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством в целях регулирования общественных отношений, т. е. речь идет о признании юридической силы только за нормами, исключая правовые идеи, непосредственно не выраженные в нормах Конституции и иных нормативных правовых актах или источниках права.

Заключение. Действующее законодательство Республики Беларусь по вопросам нормотворческой деятельности допускает легальное

использование лишь принципов конституции (принципов-норм). Конституционные принципы (принципы-идеи) могут быть легально использованы в нормотворчестве лишь путем анализа определённой совокупности более конкретных конституционных норм и выведения соответствующей принципа-идеи.

При этом многие принципы Конституции, закреплённые в виде нормы, имеют широкое значение, допускают различные варианты их нормативного воплощения, и не всегда определяют своей четкой правовой реализации в виде предписаний. Закреплённый в ч. 1 ст. 7 Конституции принцип верховенства права допускает дальнейшую нормативную правовую конкретизацию в весьма широких границах.

Например, в юридической литературе можно встретить утверждение о том, что верховенство права означает в первую очередь верховенство закона [5]. В тоже время, нормативно озвученный в Конституции Республики Беларусь принцип верховенства права, этого элемента о верховенстве актов парламента не содержит.

В результате складывается ситуация, при которой невозможность легального применения конституционных принципов (принципов-идей) в нормотворчестве нивелируется использованием в Конституции принципов-норм в предельно общей формулировки. Бесспорно, это предоставляет широкие возможности для их толкования и применения как в настоящем, так и в перспективе, как указывает Г. Гаджиев: «конституционные нормы-принципы в большей степени, чем конкретные конституционные нормы, подвержены трансформации в процессе истолкования, что и обеспечивает динамизм в развитии конституционного права» [5, с. 23]. В тоже время в таких принципах потенцируется опасность искажения их сути, злоупотребления их ограниченном или расширительном толкованием в политически целях.

Список использованных источников

1. Пляхимович, И. И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. Т. 2 / И. И. Пляхимович. – Минск : Амалфея, 2015. – 984 с.
2. Пугачев А. Н. Конституционные принципы и принципы конституции : методологические проблемы различения правовых явлений /А. Н. Пугачев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. – 2014. – № 13. – С. 109–118.
3. Богданова, Н. А. Система науки конституционного права / Н. А. Богданова. – М. : Юристъ, 2001. – 256 с.
4. Конституционное право Российской Федерации: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» отв. ред.

С. И. Носов. Статут, 2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». М., 2016.

5. Гаджиев, Г. А. Принципы права и право из принципов. / Г. А. Гаджиев // Сравнительное Конституционное Обозрение. – 2008. – № 2(63). – С. 22–44.

УДК 331.526 (476)

М. С. Стрижак

канд. юрид. наук, доц.,

ЧУО «БИП-Институт правоведения»

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ-СОВМЕСТИТЕЛЕЙ

В данной статье изложены основные положения законодательства о труде, регулирующего особенности регулирования труда работников-совместителей. Проанализированы правовые нормы, устанавливающие пределы продолжительности рабочего времени, порядок предоставления трудовых отпусков, условия оплаты труда и основания прекращения трудового договора. Отмечены отличительные особенности совместительства и совмещения профессий и должностей.

This article outlines the main provisions of the labor legislation governing specific labor regulations, part-time workers. Analyzed the legal norms that establish the limits of hours of work, the order of labor holidays, wage conditions and grounds for termination of the employment contract. Noted features of combining and combining professions and positions.

Введение. Глава 32 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) регулирует особенности труда лиц, работающих по совместительству [1].

Совместительство – это выполнение работником в свободное от основной работы время оплачиваемой работы у того же (внутреннее совместительство) или у другого (других) нанимателя (нанимателей) (внешнее совместительство) на условиях другого трудового договора.

В трудовом договоре обязательно указывается, что работа является совместительством.

Основная часть. Заключение трудовых договоров о работе по совместительству с несколькими нанимателями допускается, если иное не установлено законодательными актами. Для работы по совместительству согласия нанимателя по месту основной работы не требуется, за исключением случаев, предусмотренных ТК и иными законодательными актами.

При приеме на работу по совместительству к другому нанимателю работник обязан предъявить документ, удостоверяющий личность. При приеме на работу, требующую специальных знаний, наниматель вправе потребовать от работника предъявления документа об образовании или документа об обучении, а при приеме на тяжелую работу или работу с вредными и (или) опасными условиями труда – справку о характере и условиях труда по основному месту работы.

Продолжительность рабочего времени, устанавливаемого нанимателем для работающих по совместительству, не может превышать половины нормальной продолжительности рабочего времени, установленной статьями 111–114 ТК, если иное не установлено частью второй данной статьи.

Работники, находящиеся в отпусках без сохранения или с частичным сохранением заработной платы, предоставляемых по инициативе нанимателя в случаях необходимости временной приостановки работ или уменьшения их объема, могут работать по совместительству полный рабочий день (смену).

Оплата труда работающих по совместительству производится пропорционально отработанному времени.

При установлении работающим по совместительству с повременной оплатой труда нормированных заданий оплата производится по конечным результатам за фактически выполненный объем работ.

Согласно ст. 168 ТК при составлении графика трудовых отпусков наниматель обязан запланировать отпуск по желанию работника в определенный период работающим по совместительству – одновременно с трудовым отпуском по основной работе.

В соответствии со ст. 166 ТК трудовые отпуска (основной и дополнительный) за первый рабочий год предоставляются не ранее чем через шесть месяцев работы у нанимателя, за исключением случаев, предусмотренных данной статьей. В частности, до истечения шести месяцев работы наниматель обязан предоставить трудовые отпуска по желанию работника-совместителя, если трудовой отпуск по основному месту работы приходится на период до шести месяцев работы по совместительству.

Следовательно, трудовой отпуск работающим по совместительству предоставляется одновременно с трудовым отпуском по основной работе.

Согласно ст. 347 ТК если работник не отработал на работе по совместительству шести месяцев, то трудовой отпуск предоставляется авансом.

Если продолжительность трудового отпуска работника на работе по совместительству меньше, чем продолжительность трудового отпуска по основному месту работы, наниматель по просьбе работника предоставляет ему социальный отпуск соответствующей продолжительности без сохранения заработной платы. Часть трудового отпуска работающего по совместительству, превышающая трудовой отпуск по основной работе, по соглашению между работником и нанимателем может быть заменена денежной компенсацией.

Не допускается занятие в государственных организациях на условиях совместительства двух руководящих должностей, кроме должностей мастеров и бригадиров, если иное не установлено законодательством.

Запрещается работа по совместительству лиц моложе восемнадцати лет, а также на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, если по основной работе и работе по совместительству законодательством предусмотрена сокращенная продолжительность рабочего времени.

При совместительстве в государственных организациях запрещается совместная работа лиц, указанных в ст. 27 ТК, связанная с непосредственной подчиненностью и подконтрольностью.

Не допускается прием по совместительству на материально ответственные должности лиц, осужденных за корыстные преступления, если судимость не снята или не погашена в установленном порядке, а также на те должности или виды деятельности, которые запрещены приговором суда для отдельных категорий граждан.

Для отдельных категорий работников ограничения по совместительству могут устанавливаться законодательством.

Гарантии и компенсации, предусмотренные работникам, совмещающим работу с получением образования, предоставляются только по основному месту работы.

Другие гарантии и компенсации, предусмотренные ТК, другими актами законодательства, коллективными договорами, соглашениями, иными локальными нормативными правовыми актами, предоставляются работающим по совместительству в полном объеме.

Ст. 350 ТК устанавливает дополнительное основание прекращения трудового договора с совместителями – прием на работу другого работника, для которого эта работа является основной. Выходное пособие совместителям не выплачивается.

Совмещение профессий (должностей) и временное замещение. Трудовой кодекс Республики Беларусь предусматривает возможность совмещения профессий (должностей). Норма о совмещении профессий (должностей) содержится в главе, регулирующей вопросы заработной платы. Ни в главе, регулирующей трудовой договор,

ни в главах, предусматривающих особенности регулирования труда отдельных категорий работников, вопросы совмещения профессий (должностей) не отражены.

Согласно ст. 67 ТК работнику, выполняющему у одного и того же нанимателя наряду со своей основной работой, обусловленной трудовым договором, дополнительную работу по другой профессии (должности) или обязанности временно отсутствующего работника без освобождения от своей основной работы в течение установленной законодательством продолжительности рабочего дня (рабочей смены), производится доплата за совмещение профессий (должностей), расширение зоны обслуживания (увеличение объема выполняемых работ) или выполнение обязанностей временно отсутствующего работника.

Размеры доплат за совмещение профессий (должностей), расширение зоны обслуживания (увеличение объема выполняемых работ) или выполнение обязанностей временно отсутствующего работника устанавливаются нанимателем по соглашению с работником, а для бюджетных организаций и иных организаций, получающих субсидии, работники которых приравнены по оплате труда к работникам бюджетных организаций, – Правительством Республики Беларусь или уполномоченным им органом.

Необходимо различать выполнение работы по нескольким должностям, специальностям, профессиям, обусловленным трудовым договором, и выполнение дополнительной работы при совмещении профессий (должностей).

Трудовой договор – это соглашение между нанимателем и работником, в соответствии с которым работник обязуется выполнять работу по определенной одной или нескольким профессиям, специальностям или должностям соответствующей квалификации согласно штатному расписанию и соблюдать внутренний трудовой распорядок, а наниматель обязуется предоставлять работнику обусловленную трудовым договором работу, обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде, локальными нормативными актами и соглашением сторон, своевременно выплачивать работнику заработную плату. Если при заключении трудового договора между работником и нанимателем было достигнуто соглашение о том, что работник будет выполнять работу по нескольким профессиям, должностям, то такая работа не будет являться совмещением профессий (должностей).

Законодательством предусмотрены следующие разновидности совмещения:

- совмещение профессий;

- совмещение должностей;
- расширение зоны обслуживания;
- увеличение объема выполняемых работ;
- выполнение обязанностей временно отсутствующего работника.

Под совмещением профессий понимается выполнение работником наряду со своей основной работой, обусловленной трудовым договором, дополнительной работы по другой профессии.

Совмещение должностей – это выполнение работником дополнительной работы по другой должности. В отношении рабочих применяется понятие «совмещение профессий», в отношении служащих и специалистов – «совмещение должностей».

Под расширением зоны обслуживания или увеличением объема выполняемых работ понимается выполнение работником наряду со своей основной работой, обусловленной трудовым договором, дополнительного объема работ по одной и той же профессии или должности.

Под выполнением обязанностей временно отсутствующего работника без освобождения от своей основной работы следует понимать замену работника, отсутствующего в связи с болезнью, отпуском, командировкой и по другим причинам, когда в соответствии с действующим законодательством за ним сохраняется рабочее место (должность).

Не считается совмещением профессий (должностей) выполнение работы:

- предусмотренной нормами трудовых затрат;
- обусловленной трудовым договором или поручаемой работнику в установленном законодательством порядке в связи с недостаточной загруженностью по сравнению с действующими нормами трудовых затрат по основной работе.

Установление доплат за совмещение профессий (должностей) в этих случаях является незаконным.

Совмещение профессий (должностей) может применяться как при наличии вакансии по определенной профессии (должности), так и при временном отсутствии работника, выполнявшего работу по данной профессии (должности) (например, в связи с временной нетрудоспособностью, отпуском, повышением квалификации, исполнением государственных или общественных обязанностей и по другим причинам, когда согласно законодательству за работником сохраняется место работы (должность)).

В то же время недопустимо увольнение одного работника с целью предоставления другому работнику возможности выполнять работу на условиях совмещения профессий (должностей) [2, с. 8].

Заключение. Отличительные особенности совместительства и совмещения профессий и должностей состоят в следующем:

1. При совмещении профессий (должностей) работа выполняется на основании одного ранее заключенного трудового договора (контракта), а совместительство осуществляется при заключении другого трудового договора (контракта).

2. Выполнение работы по другой профессии (должности) при совмещении профессий (должностей) осуществляется в пределах установленной законодательством продолжительности рабочего дня, в то время как по совместительству допускается только в свободное от основной работы время.

3. Совмещение профессий (должностей) возможно только у одного и того же нанимателя, у которого работник работает по трудовому договору (контракту), тогда как работа по совместительству может выполняться как у того же нанимателя, так и у другого;

4. При совмещении профессий (должностей) работнику производится доплата, а за работу, выполненную на условиях совместительства, начисляется заработная плата пропорционально отработанному времени.

Список использованных источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Кеник, К. И. Совмещение профессий (должностей) и временное замещение / К. И. Кеник // Отдел кадров. – 2005. – № 10. – С. 7–15.

УДК 349.41

Л. А. Субботина

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье исследуются основные законодательные положения, регулирующие вопросы передачи в аренду земельных участков государственной и частной форм собственности; особенности субъектного состава арендных отношений,

основные существенные условия договора; содержание и гарантии прав арендаторов.

The article examines the main legal provisions governing the lease of land plots of state and private ownership; particular subject composition of the lease, the basic material terms of the contract; the maintenance and guarantee of the rights of tenants.

Введение. Земля является компонентом природной среды, особенности которого обуславливают возможность участия земельных участков в гражданском обороте, законодательством установлены особенности сдачи в аренду земельных участков. Основой правового регулирования аренды земельных участков является Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК), а также Кодекс Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ). Нормы гражданского права действуют в случаях, когда отсутствуют специальные земельные нормы, регулирующие данные правоотношения, либо земельно-правовая норма содержит отсылку к гражданско-правовой норме.

Основная часть. В соответствии со статьей 577 ГК по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование [1]. В отношении земельных участков следует подчеркнуть существующее различие права аренды земельного участка и права временного пользования земельным участком. Так, если в гражданском праве аренда представляет собой временное пользование, то нормами законодательства в области охраны и использования земель временное пользование земельным участком рассматривается в качестве самостоятельного права на земельный участок с определенным субъектным составом и целями предоставления.

Основанием возникновения права аренды земельного участка, находящегося в государственной собственности, является, как правило, решение соответствующего государственного органа, осуществляющего государственное регулирование и управление в области использования и охраны земель об изъятии и предоставлении земельных участков, а также договор аренды земельного участка. Законодательством установлена Типовая форма договора аренды земельного участка.

В случае передачи в аренду земельного участка, находящегося в частной собственности, основанием возникновения права является договор аренды земельного участка. При этом следует обратить внимание, что подпунктом 1.4 пункта 1 Указа Президента Республики Беларусь от 27.12.2007 № 667 «Об изъятии и предоставлении

земельных участков» (далее – Указ № 667) предусматривается, что предоставление в аренду земельных участков, находящихся в частной собственности, осуществляется в соответствии с гражданским законодательством [2].

Возникновение права аренды земельного участка возможно также в связи с переходом прав на недвижимое имущество, расположенное на этом земельном участке. Согласно пункту 2 статьи 267 ГК при переходе прав на капитальные строения (здания, сооружения), незавершенные законсервированные капитальные строения, расположенные на арендуемых земельных участках, к приобретателям этих строений переходят права и обязанности по соответствующим договорам аренды земельного участка на оставшийся срок аренды соответствующего земельного участка [1]. Следует отметить, что в случаях перехода права на расположенные на земельном участке капитальное строение (здание, сооружение), незавершенное законсервированное капитальное строение или доли в праве на данные объекты к другому лицу, если при этом не изменяются целевое назначение земельного участка, вид вещного права на него, его размер и границы, принятия местным исполнительным комитетом решения об изъятии и предоставлении земельного участка или переходе права на него не требуется [2, п. 12].

В соответствии со статьей 579 ГК право сдачи имущества в аренду принадлежит его собственнику [1]. Арендодателями могут быть также лица, уполномоченные законом или собственником сдавать имущество в аренду. Арендодателями земельных участков, находящихся в государственной собственности, являются местные исполнительные и распорядительные органы в соответствии с их компетенцией, а также администрации свободных экономических зон, если право на заключение договоров аренды делегировано им соответствующими исполнительными комитетами. Граждане, негосударственные юридические лица Республики Беларусь, имеющие земельные участки в частной собственности, могут являться арендодателями этих земельных участков при условии соблюдения их целевого назначения. Вместе с тем, Кодекс о земле устанавливает запрет на передачу в аренду земельных участков, предоставленных в частную собственность для коллективного садоводства, в пригородных зонах г. Минска и областных центров в течение 5 лет со дня государственной регистрации возникновения прав на такие земельные участки [3, ст. 47].

Статья 17 Кодекса о земле максимально широко определяет круг возможных арендаторов. Так, арендаторами земельных участков

могут быть граждане Республики Беларусь, иностранные граждане, лица без гражданства, индивидуальные предприниматели, юридические лица Республики Беларусь, иностранные юридические лица и их представительства, иностранные государства, дипломатические представительства и консульские учреждения иностранных государств, международные организации и их представительства [3]. Однако, учитывая ограниченность и значимость земель сельскохозяйственного назначения, земельное законодательство значительно сужает перечень субъектов, которым могут быть предоставлены земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения: сельскохозяйственным организациям, иным организациям – для ведения сельского хозяйства; научным организациям, учреждениям образования – для исследовательских или учебных целей в области сельского либо лесного хозяйства; гражданам Республики Беларусь, иностранным гражданам и лицам без гражданства – для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства.

В договоре аренды должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить земельный участок, подлежащий передаче. При отсутствии этих данных условие об объекте, подлежащем передаче в аренду, считается не согласованным сторонами, а договор незаключенным. К характеристикам земельного участка, установленным Законом Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним», относятся следующие: кадастровый номер, назначение, описание границ, местонахождение, площадь [4, ст. 1]. Необходимость указания в договоре количественных и качественных характеристик земельного участка, как части земной поверхности определяется исходя из целей приобретения и использования земельного участка.

В договоре подлежат отражению условия использования земельного участка, поскольку они определяют особенности правового режима земельного участка.

Собственники земельных участков обязаны предоставить имеющуюся информацию об установленных ограничениях (обременениях) прав на земельный участок, в том числе земельных сервитутах [3, ст. 70].

Земельное законодательство провозглашает принцип единства судьбы земельного участка и строений, сооружений, находящихся на нем. Согласно статье 17 КоЗ, земельные участки, находящиеся в частной собственности, с расположенными на них жилыми домами, зарегистрированными организациями по государственной регистрации

квартирами в блокированных жилых домах, дачами, садовыми домиками, иными капитальными строениями (зданиями, сооружениями) предоставляются в аренду только вместе с этими капитальными строениями (зданиями, сооружениями) при наличии документов, удостоверяющих права на эти объекты недвижимого имущества [3].

Таким образом, для наиболее полной характеристики земельного участка следует указывать следующие сведения о нем: кадастровый номер, целевое назначение, описание границ, местонахождение, площадь, а также ограничения и обременения земельного участка, сведения о расположенном на земельном участке ином недвижимом имуществе (капитальных строениях (зданиях, строениях)).

Сроки и иные условия аренды земельного участка определяются договором аренды земельного участка. Определение сроков аренды зависит от хозяйственных целей использования арендуемых земельных участков.

В соответствии со статьей 581 ГК договор аренды заключается на срок, определенный договором. Если срок аренды в договоре не определен, договор аренды считается заключенным на неопределенный срок [1].

В отдельных случаях законодательством определены минимальный и максимальный сроки аренды земельного участка. Так, срок аренды земельного участка для ведения сельского хозяйства не может быть менее десяти лет. Сроки аренды земельных участков, предоставленных для осуществления отдельных видов природопользования, например, недропользования, водопользования определяются с учетом сроков, установленных для соответствующих видов природоресурсным законодательством. Срок аренды земельного участка, находящегося в государственной собственности и предоставляемого для целей, связанных со строительством и (или) обслуживанием капитальных строений (зданий, сооружений), должен быть не менее нормативного срока строительства и (или) эксплуатации этих капитальных строений (зданий, сооружений). Предоставление земельного участка на более короткий срок может осуществляться только с согласия лиц, которым предоставляется этот земельный участок. Максимальный срок аренды земельного участка не должен превышать девяносто девяти лет.

В Республике Беларусь действует принцип возмездной передачи права аренды земельных участков, находящихся в государственной собственности. Кодекс о земле, устанавливает, что плата за право заключения договоров аренды земельных участков определяется по

кадастровой стоимости данных участков либо по результатам аукциона [3, ст. 31¹]. Предусмотрена возможность предоставления местным исполнительным комитетом рассрочки внесения платы (ее части) за право заключения договоров аренды земельных участков по обоснованной просьбе граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, в том числе по результатам аукциона. Рассрочка может быть предоставлена на срок, не превышающий пяти лет со дня приемки в эксплуатацию в установленном порядке законченного строительством объекта, очереди, пускового комплекса или со дня приобретения недвижимого имущества, находившегося в государственной собственности.

От внесения платы за право заключения договоров аренды земельных участков находящихся в государственной собственности освобождаются: государственные организации; религиозные организации; сельскохозяйственные организации, в том числе крестьянские (фермерские) хозяйства, которым земельные участки предоставляются для ведения сельского хозяйства; научные организации, учреждения образования, использующие землю для исследовательских или учебных целей в области сельского либо лесного хозяйства; граждане Республики Беларусь – для ведения личного подсобного хозяйства, огородничества, сенокосения, выпаса сельскохозяйственных животных и др. В тоже время, если данные субъекты намерены предоставить арендуемые земельные участки в субаренду либо передать свои права и обязанности по договорам аренды земельных участков другим лицам, они обязаны будут внести плату за право заключения договора аренды земельного участка, а также получить согласие арендодателя.

В случаях платного приобретения права аренды земельного участка значительно расширяются права арендаторов. В частности, такие арендаторы имеют право:

- предоставлять арендованный земельный участок в субаренду в пределах срока договора аренды;
- передавать свои права и обязанности по договору аренды земельного участка другому лицу;
- использовать право аренды земельного участка в качестве предмета залога и вклада в уставный фонд хозяйственных товариществ и обществ в пределах срока договора аренды.

В отношении предоставления земель сельскохозяйственного назначения в аренду законодательством Республики Беларусь предусмотрен упрощенный порядок: без предварительного согласования

места размещения земельного участка, без проведения аукциона на право заключения договоров аренды и без взимания платы за право заключения договоров аренды

Важным аспектом земельной аренды является возможность строительства арендаторами капитальных строений (зданий, сооружений) или размещения иных объектов недвижимого имущества на арендуемых земельных участках, находящихся в частной собственности. При этом строительство капитальных строений (зданий, сооружений), создание древесно-кустарниковой растительности (насаждений) или иное освоение земельных участков должно соответствовать целевому назначению этих земельных участков и условиям, указанным в договорах аренды земельных участков.

Законодательство, реализуя принцип устойчивости прав землепользователей, также предусматривает право субарендаторов земельных участков, надлежащим образом исполнявших условия договора субаренды земельного участка, в случае досрочного прекращения договора аренды земельного участка заключить договор аренды этого земельного участка на оставшийся срок субаренды на условиях, соответствующих условиям прекращенного договора аренды [3, ст.].

Аренда земли является одним из видов временного возмездного пользования землей. Поэтому для договора аренды важное значение имеет установление арендной платы. Она может быть определена в целом за земельный участок или за каждый из видов угодий в виде платежей, вносимых периодически или единовременно, в виде твердых платежей, в других формах. Так, в качестве арендной платы разрешено устанавливать определенный объем услуг, предоставляемых арендатором арендодателю, или обязанность арендатора передать арендодателю обусловленную договором вещь в собственность или аренду, возложить на арендатора затраты по улучшению арендованного земельного участка. Арендная плата может устанавливаться и в виде доли продукции, плодов или доходов, полученных в результате использования арендованного земельного участка [5, с. 58]. Размер арендной платы определяется соглашением сторон.

Право на земельный участок, ограничения (обременения) права на земельный участок возникают, переходят, прекращаются с момента государственной регистрации соответственно их возникновения, перехода, прекращения. Срок для обращения за государственной регистрацией земельных участков, прав, ограничений (обременений) прав на них составляет два месяца со дня получения решения (выписки

из решения) о предоставлении земельных участков, заключения договоров аренды земельных участков, а также со дня осуществления сделки с недвижимым имуществом, влекущей переход к ним права на земельные участки для обслуживания этого имущества.

При невыполнении требований об обращении в течение установленного срока за государственной регистрацией земельного участка, прав, ограничений (обременений) прав на него решение о предоставлении земельного участка признается утратившим силу.

Выводы. Законодательство рассматривает аренду как наиболее универсальный земельно-правовой титул, который может служить основанием возникновения права землепользования в любых целях. Договор аренды земельного участка направлен на обеспечение гарантий хозяйственной самостоятельности пользователей, служит мерой экономического стимулирования рационального землепользования, договорные отношения более стабильны по сравнению с основанными на административном акте; в договоре можно определить дополнительные обязанности субъектов по охране и рациональному использованию природного ресурса; арендатору, надлежащим образом исполняющему условия договора аренды, предоставлены дополнительные гарантии устойчивости его прав.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-3 // Консультант-Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Об изъятии и предоставлении земельных участков: Указ Президента Респ. Беларусь, 27 дек. 2007 г., № 667 (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Кодекс Республики Беларусь о земле : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 425-3 (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2016.

4. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним: Закон Респ. Беларусь, 22 июля 2002 г., № 133-3 (в ред. от 21.05.2013) // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. Кокоева, Л. Т. Право аренды и вещные права / Л. Т. Кокоева // Философия права. – 2003. – № 2. – С. 56–60.

Т. В. Телятицкая

канд. юрид. наук, доц.

П. С. Латышев

УО «Белорусский государственный экономический университет»

О ПРАВЕ НА ЗАЩИТУ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена одному из малоисследованных институтов административного процесса. В КоАП 1984 г. право лица, привлекаемого к административной ответственности, на защиту, даже не упоминалось. В статье рассматривается право на юридическую помощь как основополагающий элемент права на защиту в административном процессе, а также некоторые из полномочий, обеспечивающих реализацию этого права. Авторами вносятся конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства, связанного с осуществлением права на защиту.

The article is covered one of the little-investigated institutions of the administrative trial. In the administrative code of 1984, the right of the person called to administrative liability was not even mentioned. The article deals with the right to legal assistance as a fundamental element of the right to defense in the administrative procedure. The authors purposes to make amendments in existing legal acts, which regulate the right to defense.

Согласно ст. 62 Конституции Республики Беларусь [1], каждый гражданин имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей.

Право на получение юридической помощи является одним из важнейших элементов механизма обеспечения прав и свобод личности. Оказавшись в проблемной жизненной ситуации, не имея специальных юридических знаний и навыков, человек нуждается в квалифицированной помощи профессионала для осуществления и защиты своих интересов.

Нарушение права на защиту физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, является *безусловным* основанием для отмены вынесенного в отношении него постановления о наложении административного взыскания [2, ст. 2.8].

Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПКИАП) устанавливает, что физическое лицо, в отношении которого ведется административный

процесс, имеет право иметь защитника с начала административного процесса.

Согласно ст. 9.5 ПИКоАП, административный процесс считается начатым с момента:

- составления протокола об административном правонарушении;
- составления протокола о процессуальном действии;
- вынесения постановления о мерах обеспечения административного процесса;
- вынесения постановления о наложении административного взыскания в случаях, когда протокол об административном правонарушении не составляется.

Нормы, регулирующие право лица на защиту в административном процессе, могут действовать только в том случае, если соответствующие должностные лица должным образом исполняют возложенные на них процессуальные обязанности обеспечить их осуществление. Однако изучение дел о дорожно-транспортных происшествиях (ДТП) свидетельствует о том, что механизм получения юридической помощи участниками ДТП далек от совершенства.

Административный процесс здесь начинается с производства процессуальных действий проверочного характера – опроса участников, осмотра места происшествия, составления схемы, осмотра поврежденных транспортных средств, фиксации причиненных им повреждений и занесения всех данных в соответствующие протоколы процессуальных действий. Именно на этой стадии происходит собирание основного объема доказательств, на которых в дальнейшем будут основываться выводы о виновности или невиновности лиц, участвовавших в ДТП.

При этом инспекторы ДПС до начала производства проверочных процессуальных действий не разъясняют участникам ДТП их права и обязанности, не выясняют у их желание иметь защитника при производстве указанных процессуальных действий.

Следует отметить, что в большинстве случаев участники ДТП в течение определенного времени находятся в шоковом состоянии, которое может вызвать повышенное кровяное давление, головную боль, иные реакции организма. В этом состоянии они не способны надлежащим образом оценивать произошедшее и определять свою позицию по имевшим место событиям. Многие из них не знают, или же не задумываются о своих правах иметь защитника, а также возможности заявить соответствующее ходатайство. Кроме того, к административной ответственности в области безопасности дорожного

движения привлекается много иностранных граждан, которые вообще не знают законодательства Республики Беларусь. В результате на данном, самом важном этапе административного процесса, гражданин зачастую не может в полной мере реализовать свое право на юридическую помощь.

Представляется, что должностное лицо органа, ведущего административный процесс, до начала производства первого процессуального действия обязано составить протокол о разъяснении прав и обязанностей лица, в отношении которого возможно будет вестись административный процесс, с обязательной письменной отметкой и с подписью этого лица о его нуждаемости (или не нуждаемости) в помощи адвоката при производстве проверочных процессуальных действий. Если лицо заявит о нуждаемости в помощи адвоката, то указанные должностные лица не вправе проводить какие-либо проверочные процессуальные действия с участием этого лица в отсутствие адвоката, а проведенные таким образом действия и полученные при этом доказательства не должны иметь юридической силы.

Существенным пробелом в законодательстве является отсутствие в ПИК_оАП регулирования вопроса о праве лица, в отношении которого ведется административный процесс, воспользоваться юридической помощью адвоката в случае, когда административный процесс начинается и процессуальные действия проверочного характера проводятся в вечернее и ночное время, в выходные и праздничные дни.

Юридические консультации в этот промежуток времени не работают, а, следовательно, граждане не могут заключить с адвокатами договоры на оказание юридической помощи. Таким образом, в случае, когда административный процесс начался и ведется в данный промежуток времени либо в указанные выше дни, лица, с участием которых совершаются процессуальные действия, лишены права на получение профессиональной юридической помощи, что не соответствует ст. 62 Конституции Республики Беларусь и международно-правовым стандартам.

Полагаем, что в указанном случае, при наличии заявления лица о его нуждаемости в помощи адвоката при производстве проверочных процессуальных действий, адвокат должен привлекаться к участию в административном процессе по требованию соответствующего органа путем назначения через коллегия адвокатов. Необходимым условием применения данной нормы должно являться то обстоятельство, что производство проверочного процессуального действия не может быть перенесено на промежуток времени после 9 утра либо

на рабочий день с тем, чтобы дать возможность лицу, в отношении которого ведется административный процесс, заключить с адвокатом договор на оказание юридической помощи. Порядок назначения адвоката через территориальную коллегия адвокатов, а также порядок оплаты его услуг по оказанию юридической помощи в данном случае могут регулироваться на условиях аналогичных порядку, установленному в уголовном процессе.

Кроме того, в ПИКсАП следовало бы ввести предписание, в соответствии с которым в ночное время допустить производство только тех процессуальных действий проверочного характера, которые не терпят отлагательств (осмотр места ДТП, составление схемы ДТП, первичный осмотр поврежденных транспортных средств). Представляется недопустимым в ночное время проводить опрос участников ДТП, а тем более тех, которые находятся в шоковом состоянии или которым причинены телесные повреждения.

Нарушения прав лица, в отношении которого ведется административный процесс, на получение профессиональной юридической помощи имеют место и при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Так, гр-н А пришел в ОГАИ одного из районов г. Минска для изучения материалов дела об административном правонарушении, которое вменялось ему в вину. Дата слушания дела еще назначена не была. Повестка для явки на рассмотрение дела гр-ну А не направлялась. Дело изучалось (*на изучение было предоставлено 5–7 минут*) в кабинете заместителя начальника ОГАИ. Еще до начала изучения материалов дела гр-н А был поставлен перед фактом, что сразу после окончания изучения начнется рассмотрение дела по существу, что и произошло. Гр-н А сразу же заявил устное ходатайство о нуждаемости в услугах адвоката и о предоставлении ему возможности заключить с коллегией адвокатов договор на оказание профессиональной юридической помощи на стадии рассмотрения дела в ОГАИ. Заместитель начальника ОГАИ устно отказал в удовлетворении данного ходатайства, ничем не мотивировав и не обосновав свой отказ. В нарушение Закона устное ходатайство гр-на А не было внесено в протокол об административном правонарушении или в протокол процессуального действия. На стадии обжалования вынесенного по делу постановления ни прокуратура, ни суд не приняли во внимание довод гр-на А, что отказом в удовлетворении ходатайства было нарушено его право на защиту. Опять же ни прокуратура, ни суд никак не мотивировали и не обосновали свою позицию по данному вопросу.

Приведенный случай из административной практики свидетельствует о неэффективности механизма заявления устных ходатайств.

Более эффективным представляется заявление письменных ходатайств о нуждаемости в услугах адвоката на стадии рассмотрения дела в ОГАИ. Однако при условии внесения корректировок в ПИКоАП, которые возложат на должностных лиц органа, ведущего административный процесс, обязанность приобщить данное ходатайство к материалам дела, незамедлительно его рассмотреть и незамедлительно вынести мотивированное письменное постановление по результатам его рассмотрения. Причем постановление должно содержать решение органа, ведущего административный процесс, об удовлетворении или неудовлетворении заявленного ходатайства. Неприемлемыми следует признать резолюции должностного лица органа, ведущего административный процесс, на заявленном ходатайстве, которые под понятие постановления, на наш взгляд, не попадают.

Вместе с тем, исходя из того, что многие из граждан не имеют юридических познаний, а также, что к административной ответственности в области безопасности дорожного движения привлекается много иностранных граждан, которые вообще не знают законодательства Республики Беларусь, наиболее предпочтительным и на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении все же представляется механизм, который нами был предложен для стадии производства по делу проверочных процессуальных действий. А именно – о возложении на должностных лиц соответствующего органа процессуальной обязанности в письменной форме выявлять позицию лица, в отношении которого ведется административный процесс, о его нуждаемости (или не нуждаемости) в помощи адвоката на стадии рассмотрения дела, под подпись этого лица. Представляется, что в данном случае акцент с права заявлять ходатайство о нуждаемости в помощи адвоката должен быть смещен на процессуальную обязанность должностных лиц органа, ведущего административный процесс, выявлять эту нуждаемость.

Дело гр-на А указывает и на иные проблемы в обеспечении реализации права на защиту в административном процессе. Как следует из материалов дела, на изучение этих материалов гр-ну А было предоставлено 5–7 минут. Дело начало слушаться сразу после изучения, времени на подготовку к слушанию дела гр-ну А не было предоставлено вовсе.

Между тем, право на получение времени, необходимого и достаточного для изучения материалов дела, на подготовку к участию

в рассмотрении дела и выработку позиции защиты по делу, является международно-правовым стандартом. Оно сформулировано в Конвенции Совета Европы от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» [3, п. 3 ст. 6], Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. [4, п. 3 ст. 14]. Оно содержится в нормах уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, но отсутствует в предписаниях ПИК_оАП. Вместе с тем, очевидно, что если не предоставить времени, необходимого и достаточного для изучения материалов дела, а также для анализа и оценки имеющихся доказательств и выработки позиции защиты по делу, то осуществлять защиту на стадии рассмотрения дела будет крайне затруднительно, если вообще возможно.

Необходимо подчеркнуть, что в ПИК_оАП содержатся нормы, устанавливающие право лица, в отношении которого ведется административный процесс, его защитника знакомиться с материалами дела об административном правонарушении [2, п. 9 ч. 1 ст. 4.1, п. 6 ч. 6 ст. 4.5], но отсутствует предписание о том количестве времени, которое законодатель определяет для изучения (*не путать с ознакомлением*) материалов дела.

В порядке изучения опыта реализации международно-правовых стандартов нами было изучено административно-процессуальное право Германии. Вот что говорится по рассматриваемому вопросу в Законе ФРГ от 25 мая 1976 г. «Об административном производстве»: «Административный орган обязан предоставить участникам производства возможность ознакомиться с материалами производства, поскольку знание указанных материалов требуется для реализации или защиты их законных интересов» [5, § 29].

Представляется, что ПИК_оАП следовало бы дополнить предписаниями, предусматривающими лимит времени, устанавливаемый законодателем лицу, в отношении которого ведется административный процесс, его защитнику для изучения материалов дела, а также на анализ и оценку имеющихся доказательств и выработку позиции защиты по делу (например, не менее 7 календарных дней, а по сложным делам – не менее 10–14 календарных дней).

Из материалов дела гр-на А также усматривается, что повестка для явки в ОГАИ на рассмотрение дела гр-ну А не направлялась и им не получалась. Следует отметить, что практика рассмотрения дел об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения органами МВД без вручения физическим лицам повесток для прибытия в ОГАИ для рассмотрения дел обнаруживается

и при изучении других дел. Законодатель посвятил порядку вызова участников административного процесса ст. 10.9 ПИК_оАП и указал, что лицо, участвующее в административном процессе, вызывается в суд, орган, ведущий административный процесс, повесткой, которая вручается данному лицу *под расписку*, а в случае его временного отсутствия – совершеннолетнему члену его семьи, нанимателю, с которым оно состоит в трудовых отношениях, администрации учреждения образования, в котором оно проходит обучение. Вызов лиц, участвующих в административном процессе, может быть сделан также повесткой, высылаемой по почте, телефонограммой или с использованием иных средств связи.

Анализ данной статьи приводит к выводу, что она коррелирует с правом лица, в отношении которого ведется административный процесс, знать место, день и точное время рассмотрения дела об административном правонарушении, которое, в свою очередь, является элементом права на защиту.

Анализ иных норм ПИК_оАП свидетельствует, что в нем отсутствует норма, в соответствии с которой орган, ведущий административный процесс, обязан принимать процессуальный документ (постановление) о назначении дела к слушанию, расписывать в нем место, день и точное время рассмотрения дела об административном правонарушении и доводить это постановление до сведения лица, привлекаемого к административной ответственности. Следовательно, повестка, предусмотренная ст. 10.9 ПИК_оАП, является единственным процессуальным документом, исходящим от органа, ведущего административный процесс, из которого лицо, привлекаемое к административной ответственности, может и должно узнать место, день и точное время рассмотрения дела об административном правонарушении. Случаи, когда лицу, в отношении которого ведется административный процесс, повестка в установленном порядке не вручалась, должны признаваться нарушением права физического лица на защиту, а вынесенные по таким делам постановления подлежат отмене в соответствии со ст. 2.8 ПИК_оАП.

Если вернуться к делу гр-на А, то на стадии обжалования вынесенного по делу постановления ни прокуратура, ни суд не приняли во внимание довод гр-на А, что факт невручения ему повестки для прибытия в ОГАИ для рассмотрения дела является нарушением его права на защиту. Опять же, ни прокуратура, ни суд никак не мотивировали и не обосновали свою позицию по данному вопросу. Представляется, что в целях усиления правовых гарантий на обеспечение

прав на защиту, в ПИК_оАП должны быть внесены дополнения, устанавливающие конкретное основание для отмены постановления по делу об административном правонарушении в случае нарушения предписаний ст. 10.9 ПИК_оАП в отношении лица, привлекаемого к административной ответственности. Также следует установить правило, что повестка для явки на рассмотрение дела должна быть вручена заблаговременно, не менее, чем за 3–5 суток до начала рассмотрения дела.

Таким образом, анализ правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях, где имело место ДТП, показал, что механизм получения юридической помощи как составляющий права на защиту по такой категории дел далек от совершенства.

Поэтому необходимо внесение соответствующих изменений в законодательство. А именно:

1. Должностное лицо органа, ведущего административный процесс, до начала производства первого процессуального действия проверочного характера, обязано составить протокол о разьяснении прав и обязанностей лица, в отношении которого возможно будет вестись административный процесс, с обязательной письменной отметкой и с подписью этого лица о его нуждаемости (или не нуждаемости) в помощи адвоката при производстве проверочных процессуальных действий.

2. В ПИК_оАП должны быть введены нормы, устанавливающие, что в случае, когда административный процесс ведется в промежуток времени с 18-00 до 9-00 утра следующего дня, в выходные и праздничные дни, при наличии заявления лица о его нуждаемости в помощи адвоката, адвокат должен привлекаться к участию в процессе по требованию органа, ведущего административный процесс, путем назначения через коллегия адвокатов.

3. В ПИК_оАП следовало бы ввести новое предписание, в соответствии с которым в ночное время допустить производство только тех процессуальных действий проверочного характера, которые не терпят отлагательства.

4. Необходимо внести в ПИК_оАП предписания, которые обязывали бы должностное лицо органа, ведущего административный процесс, при заявлении письменного ходатайства, приобщить данное ходатайство к материалам дела, незамедлительно его рассмотреть и вынести мотивированное письменное постановление по результатам его рассмотрения.

5. Представляется, что ПИК_оАП следовало бы дополнить новыми предписаниями, в которых предусмотреть лимит времени,

устанавливаемый законодателем лицу, в отношении которого ведется административный процесс, его защитнику для изучения материалов дела, а также на анализ и оценку имеющихся доказательств и выработку позиции защиты по делу.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г., № 2875 [Электронный ресурс] / Эталон – Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, 20 дек. 2006 г., № 194-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-3 [Электронный ресурс] / Эталон – Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. О защите прав человека и основных свобод (ETS № 5). Конвенция Совета Европы, 4 нояб. 1950 г. [Электронный ресурс] / Эталон – Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. О гражданских и политических правах. Международный пакт Ген. Ассамблеи ООН, 16 дек. 1966, № 2200(XXI) [Электронный ресурс] / Эталон – Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. Бергманн, В. Административно-процессуальное право Германии (пер. с нем. В. Н. Гиревой) / В. Бергманн. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – С. 29–30.

УДК 342.553: 353.5

М. В. Тимошенко
УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СТАТУСА ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ В 1917–1927 ГОДЫ

В статье рассматривается правовое оформление статуса исполнительных комитетов на начальном этапе их появления как государственных органов. Исследуются такие важные элементы правового статуса как порядок формирования, состав, структура, компетенция, формы работы.

This article examines the legal regulation of status of the Executive committees at the initial stage of their emergence as public authorities. Such important elements of the legal status as a procedure for formation, composition, structure, competence, forms of work are explored.

Введение. Правовое оформление статуса исполнительных комитетов (далее – исполкомов) началось в 1917 г. с принятием первых актов советской власти. Советы и их исполкомы как полномочные органы власти начали создаваться после Февральской революции 1917 г.: сначала – в Минске, а затем – в других городах, селах и населенных пунктах, уездах, солдатских формированиях. Вместе с тем, оформление статуса местных органов было длительным процессом.

Эти вопросы освещались многими авторами в учебной и монографической литературе. Однако целью настоящей статьи является проследить историю правового оформления статуса исполкомов в первые годы Советской власти.

Основная часть. В период установления советской власти Советы на территории Беларуси создавались в рамках административно-территориального деления, которое сложилось в царское время до революции [1, с. 147]. Характерной особенностью правового оформления статуса Советов и создаваемых ими исполкомов, на начальном этапе функционирования являлось отсутствие специального нормативного правового акта о статусе местных органов. Исследователи отмечают, что в сфере государственного строительства в Беларусь переносился опыт преобразований, основанный на праве Советской России, а на территории Беларуси без всяких оговорок действовало российское законодательство [2, с. 355].

В первых актах советской власти провозглашалась идея отказа от городского и земского самоуправления и обозначались общие задачи и основные черты исполнительных органов местных Советов. В соответствии с Обращением Народного комиссариата внутренних дел к Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов все прежние органы ликвидировались [3]. Советы должны были стать органами местной власти и «подчинить себе все учреждения, как административного, так хозяйственного, финансового и культурно-просветительского значения... Вся страна должна покрыться целой сетью советских организаций, которые должны находиться в тесной организационной зависимости между собой. Каждая из этих организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера, но сообразует свою деятельность с общими декретами и постановлениями центральной власти и с постановлениями тех более крупных советских организаций, в состав которых она входит» [3, с. 94]. Исполкомы играли такую же важную роль как и съезды Советов.

Полномочия местных Советов и, соответственно, их исполкомов в Беларуси определялись партийными резолюциями, постановлениями

Всероссийских съездов Советов, в которых прослеживалась напряженная внутривластная обстановка, вызванная коренными изменениями в общественной жизни, попыткой построения социализма в отсталой стране, ослабленной гражданской войной. Так, Постановлением Чрезвычайного VI Всероссийского съезда Советов «О точном соблюдении законов» от 8 ноября 1918 г. на Советы и их должностных лиц была возложена обязанность составлять протоколы по требованию любого гражданина, желающего обжаловать их действия в случае нарушения прав [4]. Другим примером может быть Резолюция VIII съезда Рабоче-крестьянской партии большевиков по организационному вопросу, принятая в марте 1919 г. [5]. В отношении Советов и исполкомов содержались следующие указания: на общих собраниях Советов решать все основные вопросы местного значения и бороться против тенденции передавать решение всех дел исполкомам; в Советы городов привлекать не только представителей фабрично-заводского пролетариата, но и представителей всех трудящихся.

Постановление VII Всероссийского съезда Советов о советском строительстве, принятое в декабре 1919 г., воспроизвело многие положения указанной резолюции [6]. В то же время оно более подробно регулировало порядок формирования съездов Советов и статус исполкомов. Подчеркивалось, что исполком является между съездами высшим органом власти на соответствующей территории. Устанавливалась структура губернских и уездных исполкомов с перечислением образуемых отделов, предусматривалось создание отделов в волостных исполкомах, а также при Советах фабрично-заводских поселков и местечек по решению губернского исполкома. Постановление предусматривало возможность избрания президиума в губернских и уездных исполкомах.

Принятая в феврале 1919 года Конституция Советской Социалистической Республики Белоруссии (далее – ССРБ) не имела раздела о местных органах власти и не регламентировала их систему и порядок формирования [7]. В Конституции в отношении уездных съездов Советов, их исполкомов и отделов, а также по всем остальным вопросам советского строительства в ССРБ съезд постановляет руководствоваться Конституцией и постановлениями VII Всероссийского съезда Советов.

Первым актом о местных органах власти на территории Беларуси стала временная Инструкция, изданная ЦИК ССРБ, введенная в действие 8 января 1921 г. и определявшая состав и компетенцию уездного исполкома. Важным аспектом правового оформления статуса уездных исполкомов являлось то, что Инструкция установила состав исполкома и срок его полномочий. Уездный исполком избирался

в составе двадцати человек на шесть месяцев. Предусматривалась возможность образования Президиума исполкома в составе пяти человек. На исполком возлагалась обязанность проводить заседания не реже двух раз в месяц и совещания не реже одного раза в месяц.

5 февраля 1921 г. вторая сессия ЦИК ССРБ II созыва утвердила Положение об уездных исполкомах Белоруссии [8, с. 84], которое установило структуру и штатную численность исполкома с перечислением отделов, которые могут создаваться в исполкоме. В этом же году III Всебелорусским съездом Советов было принято первое Положение о волостных исполкомах и сельских Советах [8, с. 84]. Волостной исполком избирался на шесть месяцев в составе от трех до пяти человек в зависимости от численности населения волости. В волостном исполкоме также могли создаваться отделы со штатом не более пяти технических работников. К компетенции волостных исполкомов относились вопросы общего руководства деятельностью сельских Советов, укрепления революционного правопорядка, ликвидации неграмотности, проведения военной мобилизации. В последствие в связи с сокращением штата советского аппарата на местах состав волостных исполкомов был унифицирован: в него входило три человека, а отделы упразднялись.

В 1922 г. ЦИК Белорусской ССР были приняты новые положения о местных органах власти: Положение о Советах центра Белоруссии – г. Минска, уездных и заштатных городов и поселков городского типа, Положения о сельских Советах, волостных и уездных съездах Советов и их исполкомах. В этих документах были обобщены положения ранее принятых актов о статусе местных органов власти с учетом российского законодательства и особенностей Беларуси, конкретизирована компетенция исполкомов, увеличен срок полномочий волостных и уездных исполкомов до одного года.

Положение о волостных съездах Советов и волостных исполкомах предусматривало, что волостной съезд Советов формируется из представителей сельских Советов (4 делегата от каждых 10 членов) и Советов фабрик и заводов, расположенных вне населенных пунктов, – по одному делегату. Съезд избирал в исполком трех человек и двух кандидатов. На волостной исполком возлагались обязанности по проведению мероприятий по развитию местного хозяйства, повышению культуры населения, контролю за работой сельсоветов, охране порядка, обеспечению поступления налогов и сборов.

Согласно Положению об уездных съездах Советов и уездных исполкомах уездные съезды Советов созывались из представителей сельских

Советов (один делегат от двух тысяч жителей), Советов городов и фабрично-заводских поселков, а также Советов фабрик и заводов, расположенных вне поселений по норме один делегат от двухсот избирателей. По всему уезду избиралось не более трехсот делегатов. Если перед уездным съездом Советов проводился волостной съезд, то делегаты на уездный съезд Советов выбирались непосредственно волостными съездами Советов. Уездный съезд Советов избирал исполком. Количественный состав исполкома не устанавливался.

Уездный исполком наделялся правом отменять акты, контролировать деятельность подведомственных ему организаций, составлять местный бюджет, издавать обязательные постановления и привлекать к ответственности за их неисполнение. Положением предусматривалось создание отделов: управления, военного, продовольственного, земельного, народного образования, труда, финансов, местного хозяйства, здравоохранения. Исполком избирал президиум в составе председателя, его заместителя и секретаря. Президиум в период между заседаниями исполкома пользовался всеми правами исполкома.

В 1923 году структура уездного исполкома подверглась существенному изменению. Ряд отделов были объединены, состав уездного исполкома сократился до одиннадцати человек, президиума – до пяти, а аппарат – до тринадцати человек.

В соответствии с Положением о Советах центра Белоруссии – г. Минска, уездных и заштатных городов и поселков городского типа выделялись (кроме столицы – города Минска) уездные города, заштатные (неуездные) города и поселки городского типа. К последним относились местности, населенные преимущественно фабрично-заводским элементом. В заштатных городах и поселках городского типа с численностью населения менее десяти тысяч человек избирался не городской а сельский Совет. Однако городские Советы избирались только в уездных городах, так как заштатных городов и поселков городского типа с населением более 10 000 человек в то время в Белоруссии не было. В уездных и заштатных городах, а также в поселках городского типа, где располагались уездные и волостные Советы отдельных городских исполкомов не создавалось, а их функции выполняли уездные и волостные исполкомы.

В результате проведенной административно-территориальной реформы 1924 года были образованы округа и районы и, соответственно, окружные и районные органы власти. Новая административно-территориальная единица – район – стала более компактной, чем уезд и более крупным образованием по сравнению с волостью. Районные съезды Советов создавались взамен уездных и волостных съездов Советов.

Реформа административно-территориального деления потребовала принятия новых правовых актов о местных органах власти. Положение о районных съездах Советов и их исполкомах было принято в 1924 году. Районный съезд Советов формировался по следующему принципу: от сельских и местечковых Советов – один делегат от пятиста жителей, от Советов фабрично-заводских поселков – один делегат от пятидесяти избирателей. На районный съезд Советов избиралось до ста делегатов. Положение устанавливало численный состав исполкома – девять членов и три кандидата. Образование отделов в районных исполкомах не предусматривалось, однако в компетенцию исполкома входило осуществление руководства в различных сферах: управления, охраны революционного правопорядка, военной, налоговой, финансовой, сельского и лесного хозяйства, промышленности, торговли, благоустройства, культуры и просвещения, исполнение бюджета.

Помимо заседаний исполкома предусматривалась возможность проведения расширенных заседаний и совещаний с участием представителей сельских и городских Советов.

VII Всебелорусский съезд Советов, проходивший в мае 1925 г., признал необходимым расширить права местных органов власти, и, в частности, районных исполкомов, укрепить районный бюджет [9, с. 83]. В результате местные органы власти получили более широкий объем административных и хозяйственных полномочий, что активизировало деятельность низового аппарата управления.

В 1924 г. вступило в действие Положение о городских Советах окружных и заштатных городов и поселков городского типа. Положение сохранило прежний порядок формирования городских Советов и их исполкомов. Функции исполкомов городских Советов в окружных городах выполнялись аппаратом окружных исполкомов. В заштатном городе (неокружном) и поселке городского типа избирался исполком городского Совета в составе до семи человек и президиум, в который входили председатель исполкома, его заместитель и секретарь. При городском исполкоме заштатного города или поселке городского типа могли быть образованы секретариат и отделы здравоохранения, народного образования, коммунального хозяйства. Исполком городского Совета не создавался в городах, являвшихся районными центрами, а его функции выполнял районный исполком. В исследованиях белорусских ученых приводятся данные, что на территории Беларуси «в число городов вошли 13 населенных пунктов (все окружные центры, а также Рогачев, Жлобин и Мстиславль), имевшие право на создание горсоветов, местечками (с правом создания местечковых Советов)

были определены 41 населенный пункт, поселками (без права создания своего органа советской власти) – 55. Все иные поселения, какое бы они до этого название не носили (местечко, слобода, посад и т. п.), попадали в категорию сельских поселений» [9, с. 86].

В 1926 году было принято новое положение о городских Советах Белорусской ССР. Городские Советы стали избираться во всех городах республики. Исполкомы и отделы в городских Советах не создавались, а их функции выполнялись в тех населенных пунктах, где действовали окружные исполкомы, отделами окружных исполкомов, в городах, где действовали районные исполкомы – районными исполкомами.

Следующий этап правового оформления статуса районных и городских исполкомов связан с принятием Конституции Белорусской ССР 1927 г. [10]. Конституция закрепила статус районных исполкомов одновременно как высших органов государственной власти в период между районными съездами Советов, созываемых ежегодно, и исполнительных органов [10, ст. 53]. Основное предназначение исполкомов согласно ст. 61, заключалось в осуществлении советской власти на территории района путем руководства всей текущей работой по управлению подведомственной территорией и проведению в жизнь постановлений и декретов центральной власти.

Конституция Белорусской ССР 1927 г. в ст. 54 закрепила предметы ведения местной власти. Они были общими как для съездов Советов, так и исполкомов, что подчеркивало их тесную организационную связь. Конституция к предметам ведения районных исполкомов отнесла разрешение всех вопросов местного значения в административной, хозяйственной и культурной области и проведение в жизнь соответствующих мероприятий; составление и утверждение местных бюджетов; объединение советской деятельности в пределах подведомственной территории, а также руководство и направление деятельности всех подведомственных им на данной территории органов власти.

С момента своего появления районные исполкомы представляли собой коллегиальные органы, что было отражено в ст. 59, в которой указывалось, что число членов районных исполкомов определялось постановлениями ЦИК Белорусской ССР или его Президиумом. Коллегиальность, выражающаяся в проведении заседаний, была предусмотрена в качестве основной организационной формы работы исполкомов [10, ст. 62].

Предусматривалось образование районными исполкомами президиумов для руководства всей текущей работой по управлению соответствующей территорией, и проведения в жизнь всех постановлений и декретов центральной власти [10, ст. 61].

Конституция Белорусской ССР 1927 г. заложила принципы подчиненности районных исполкомов вышестоящим исполкомам и центральным органам власти, подконтрольности вышестоящим исполкомам и районным съездам Советов, ответственности перед районными съездами Советов [10, ч. 1 ст. 55, ст. 60].

Таким образом, Конституция Белорусской ССР 1927 года закрепила основные элементы правового статуса и следующие признаки районного исполкома: 1) местный орган; 2) высший орган государственной власти на территории района в период между съездами Советов; 3) исполнительный орган районного съезда Советов; 4) коллегиальный орган общей компетенции.

Статус городского исполкома, в отличие от районного исполкома, Конституцией Белорусской ССР 1927 г. детально не регулировался. Образование городских исполкомов и их президиумов в городах предусматривалось на основаниях, установленных ЦИК и СНК Белорусской ССР.

Заключение. Таким образом, на начальном этапе становления советской власти правовому регулированию статуса районных и городских исполкомов уделялось большое внимание. Законодательство о местных органах изменялось в соответствии с политическим и социально-экономическим развитием государства и общества. В период с 1917 по 1927 гг. окончательно оформился статус районных и окружных исполкомов как высших органов государственной власти на подведомственной территории в период между съездами Советов. Городской исполком подобным статусом не наделялся. В указанный период времени в документах о местных органах власти постоянно уточнялась их компетенция, состав, структура, сроки полномочий, формы работы для повышения эффективности деятельности. Такой опыт может быть востребован на современном этапе при совершенствовании правового регулирования статуса местных органов.

Список использованных источников

1. Круталевіч, В. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.) / В. А. Круталевіч, І. А. Юхо ; 2-е выд. – Мінск : Беларуская навука, 2000. – 238 с.
2. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вуч. дапамож. / Т. І. Доўнар. – Мінск : ДІКСТ БДУ, 2011. – 552 с.
3. Об организации местного самоуправления : Обращение Минского Совета рабочих и солдатских депутатов к населению города Минска и окрестностей, 25 окт. 1917 г. // История Советской Конституции. (В документах). 1917–1956 / под общ. ред. С. С. Студеникина. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 93–96.
4. О точном соблюдении законов : Постановлением Чрезвычайного VI Всероссийского съезда Советов, 8 нояб. 1918 г. // История Советской

Конституции. (В документах). 1917–1956 / под общ. ред. С. С. Студеникина. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 164–165.

5. Резолюции и Постановления VIII съезда Рабоче-крестьянской партии большевиков, 18–23 марта 1919 г. // История Советской Конституции. (В документах). 1917–1956 / под общ. ред. С.С. Студеникина. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 202–205.

6. О советском строительстве : Постановление VII Всероссийского съезда Советов, 12 дек. 1919 г. // История Советской Конституции. (В документах). 1917–1956 / под общ. ред. С. С. Студеникина. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 216–222. О советском строительстве : Постановление VIII Всероссийского съезда Советов, 29 дек. 1920 г. // История Советской Конституции. (В документах). 1917–1956 / под общ. ред. С. С. Студеникина. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 216–222.

7. Конституция Советской Социалистической Республики Белоруссии 1919 г. : Принята I Съездом Советов БССР 03 дек. 1919 г. // История Советской Конституции. (В документах). 1917–1956 / под общ. ред. С.С. Студеникина. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 187–190.

8. Сокол, С. Ф. История государства и права Беларуси : курс лекций / С. Ф. Сокол, В. А. Владимиров. – Минск : Бип-С Плюс, 2007. – 127 с.

9. Елизаров, С. А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.) / С. А. Елизаров. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 222 с.

10. Конституция Белорусской Советской Социалистической Республики 1927 г. : Принята на VIII Всебелорусском съезде Советов, 11 апр. 1927 г. // История Советской Конституции. (В документах). 1917–1956 / под общ. ред. С. С. Студеникина. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 589–603.

УДК 342.92

Е. И. Усова

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ В РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В работе проводится исследование правовых норм Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины в области системы административных взысканий и вносятся предложения по совершенствованию законодательства в этой сфере.

The paper contains research into legal norms in the Republic of Belarus, the Russian Federation and Ukraine in the sphere of the system of administrative sanctions. It also provides suggestions as to how legislation can be improved in this area.

Введение. В теории права юридическая ответственность понимается как реализация правовой санкции в случае правонарушения, как применение взыскания к правонарушителю. При этом наказание – общеправовая категория, присутствующая и в выговоре за нарушение трудовой дисциплины, и в административной штрафе, и в лишении свободы, назначенном по приговору суда, и во взыскании гражданско-правовой неустойки.

Общеизвестно, что административные правонарушения – самые распространенные из всех видов противоправных проявлений, что придает вопросу борьбы с ними большую значимость. Причем наибольший рост противоправных посягательств на административный порядок приходится на периоды «упадка» экономической, политической и правовой системы государства, приводящего к ослабеванию функции охраны им правопорядка и законности в обществе.

Без эффективно действующего механизма административной ответственности нормы, регулирующие права и обязанности членов общества, носят декларативный характер.

В контексте административно-принудительных мер административное взыскание – исключительный вид административного принуждения, характеризующийся высокой степенью карательного воздействия на правонарушителя. Из всех видов административного принуждения именно оно обладает способностью самым непосредственным и существенно-негативным образом задевать правовой статус субъекта общественных отношений.

Административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Административные взыскания — это разновидность мер административного принуждения. От иных мер административного принуждения они отличаются тем, что являются карательными санкциями, преследуют специфические цели, применяются в строго урегулированном процессуальном порядке [1, с. 562]. Административными взысканиями признаются только те принудительные меры, которые установлены ст. 6.2–6.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, (далее – КоАП Республики Беларусь) порядок назначения которых также определяется соответствующими нормами Кодекса.

Василевич С. Г. утверждает, что административные взыскания являются важнейшим рычагом воздействия на субъектов хозяйствования

и граждан с целью обеспечения их законопослушного поведения, а также предупреждения совершения преступления со стороны других лиц [2, с. 217]. Действительно, административное взыскание, налагаемое на физическое или юридическое лицо, применяется в целях воспитания физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждения совершения новых правонарушений как самим физическим или юридическим лицом, совершившим такое правонарушение, так и другими физическими или юридическими лицами [3, с. 44].

Система административных взысканий представляет собой внутренне организованное единство, состоящее из иерархически упорядоченного множества относительно самостоятельных видов административных взысканий, совокупность которых выражает функциональное предназначение административного взыскания в социальной среде с учетом того, что применение административных взысканий сопряжено с ограничением имущественных и личных неимущественных прав нарушителя (права собственности, права на свободу передвижения, права на личную неприкосновенность и других прав) [4, с. 35].

Василевич С. Г., Крамник А. Н. также указывают, что система административных взысканий построена посредством расположения различных видов таких взысканий в определенном сравнительном порядке – в зависимости от степени их суровости. Такое утверждение является весьма спорным (например, административный арест как наиболее суровый вид взыскания расположен четвертым в системе взысканий), поэтому видится целесообразным расположить административные взыскания в следующем порядке: 1) предупреждение, 2) административный штраф, 3) конфискация, 4) взыскание стоимости, 5) лишение специального права, 6) лишение права заниматься определенной деятельностью, 7) исправительные работы, 8) депортация, 9) административный арест.

За совершение административных правонарушений применяются следующие виды административных взысканий: 1) предупреждение; 2) штраф; 3) исправительные работы; 4) административный арест; 5) лишение специального права; 6) лишение права заниматься определенной деятельностью; 7) конфискация; 8) депортация; 9) взыскание стоимости. В отношении юридических лиц применяются следующие административные взыскания: предупреждение, штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, конфискация, взыскание стоимости [5, ст. 6.2].

Перечень административных взысканий несколько расширен и изменен по сравнению с КоАП 1984 г. Так, новым административным

взысканием является лишение права заниматься определенной деятельностью [6, с. 298]. В систему административных взысканий включена и такая мера, как депортация, хотя КоАП 1984 г. предусматривал выдворение за пределы страны, что и является депортацией.

Исключено из системы административных взысканий возмездное изъятие предмета, явившегося орудием совершения или объектом административного правонарушения. А вот в КоАП Российской Федерации данная мера оставлена в качестве административного взыскания. Данная мера административного взыскания предусмотрена и в КоАП Украины и заключается в принудительной бесплатной передаче этого предмета в собственность государства по решению суда [5, ст. 3.7; 6, ст. 29]. Также КоАП РФ предусмотрена такая мера взыскания, как **дисквалификация**, которая заключается в лишении физического лица права занимать руководящие должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров (наблюдательный совет), осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, в иных случаях, предусмотренных законодательством РФ [5, ст. 3.11].

Незакрепленными в КоАП Республики Беларусь по отношению к законодательству Украины и Российской Федерации являются такие меры административного взыскания, как:

1. Административное приостановление деятельности (ст. 3.12 КоАП РФ), которое заключается во временном прекращении деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг.

Данное взыскание применяется в следующих случаях:

- угрозы жизни или здоровью людей;
- возникновения эпидемии, эпизоотии, заражения;
- наступления радиационной аварии или техногенной катастрофы;
- причинения существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды;
- в случае совершения административного правонарушения в области оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества;
- в области порядка управления, в области общественного порядка и общественной безопасности;

– в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, в области градостроительной деятельности, в области транспортной безопасности, в области охраны собственности;

– в случае совершения административного правонарушения, посягающего на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность;

– иные случаи, предусмотренные законодательством РФ [5, ст. 3.12].

2. Обязательные работы (ст. 3.13 КоАП РФ) или **общественные работы** (ст. 30¹ КоАП Украины).

Сравнивая общественные работы и обязательные работы, мы обнаружили определенное сходство и некоторые различия. Различия касаются срока наложения данного вида взыскания: в КоАП РФ – от 20 до 200 часов, а в КоАП Украины – от 20 до 60 часов. Также различия касаются перечня лиц, к которым не применяются данная мера взыскания: в КоАП РФ перечень шире, чем в КоАП Украины [5, ст. 3.13; 6, ст. 30¹].

3. Административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения (ст. 3.14 КоАП РФ) заключается в во временном запрете гражданину на посещение таких мест в дни проведения официальных спортивных соревнований и устанавливается за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований [5, ст. 3.14].

4. Платное изъятие предмета, ставшего орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения (ст. 28 КоАП Украины) заключается в его принудительном изъятии по решению суда и последующей реализации с передачей вырученной суммы прежнему собственнику с отчислением расходов по реализации изъятого предмета [6, ст. 28].

5. Отдельно в КоАП Украины предусмотрены меры взыскания, *применяемые к несовершеннолетним* (ст. 24¹). Такими являются: 1) обязательство публично или в другой форме попросить прощения у потерпевшего; 2) предупреждение; 3) выговор или строгий выговор; 4) передача несовершеннолетнего под надзор родителям или заменяющим их лицам, или под надзор педагогическому либо трудовому коллективу с их согласия, а также отдельным гражданам по их просьбе [6, ст. 24¹]. КоАП Республики Беларусь не предусматривает в качестве взыскания выговор, однако данная мера взыскания предусмотрена в Трудовом кодексе Республики Беларусь в качестве дисциплинарного взыскания [7, ст. 198].

Мы считаем, что целесообразным будет ввести в качестве административного взыскания:

- 1) общественные работы;
- 2) дисквалификацию.

Необходимо внести изменения в КоАП Республики Беларусь, дополнив его статьей 6.13 *общественные работы*, изложив ее в следующей редакции:

«Общественные работы заключаются в выполнении осужденным бесплатного труда в пользу общества, вид которого определяется органами, ведающими применением общественных работ, в свободное от основной работы, службы или учебы время.

Общественные работы устанавливаются на срок от двадцати до шестидесяти часов и выполняются не более четырех часов в день. Общественные работы назначаются судьей.

Общественные работы не назначаются:

- 1) лицам, признанным инвалидами первой или второй группы;
- 2) беременным женщинам;
- 3) женщинам старше 55 лет и мужчинам старше 60 лет;
- 4) женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет;

5) военнослужащим и иным лицам, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине».

Необходимо внести изменения в КоАП Республики Беларусь, дополнив его статьей 6.14 *дисквалификация*, изложив ее в следующей редакции:

Дисквалификация заключается в лишении физического лица права замещать должности государственных служащих, занимать должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров (наблюдательный совет), осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, осуществлять управление юридическим лицом в иных случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь, либо осуществлять деятельность в сфере подготовки спортсменов (включая их медицинское обеспечение) и организации и проведения спортивных мероприятий, либо осуществлять деятельность в сфере проведения экспертизы промышленной безопасности, либо осуществлять медицинскую деятельность или фармацевтическую деятельность. Административное взыскание в виде дисквалификации назначается судьей.

Дисквалификация устанавливается на срок от шести месяцев до трех лет. Дисквалификация может быть применена к лицам, замещающим должности государственных служащих, к лицам, осуществляющим

организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в органе юридического лица, к членам совета директоров (наблюдательного совета), к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, к лицам, занимающимся частной практикой, либо к тренерам, специалистам по спортивной медицине или иным специалистам в области физической культуры и спорта, занимающим должности, предусмотренные перечнем, утвержденным в соответствии с законодательством Республики Беларусь, либо к экспертам в области промышленной безопасности, медицинским работникам, фармацевтическим работникам.

Видится целесообразным также расположить административные взыскания в следующем порядке: 1) предупреждение, 2) административный штраф, 3) конфискация, 4) взыскание стоимости, 5) лишение специального права, 6) лишение права заниматься определенной деятельностью, 7) исправительные работы, 8) депортация, 9) административный арест. Это в наибольшей степени отражает содержание и тяжесть понесенных от наложения административных взысканий негативных последствий.

Список использованных источников

1. Бахрах, Д. Н. Административное право : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – 3-е изд., пересмотр, и доп. – М. : Норма, 2007. – 816 с. – Библиогр.: с. 562.

2. Василевич, С. Г. Классификация административных взысканий / С. Г. Василевич // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д: Экономика и право. – 2010. – № 4. – С. 217–219.

3. Круглов, В. А. Административно-деликтное право / В. А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2006. – 388 с.

4. Комментарий к Кодексу об административных правонарушениях Республики Беларусь / С. П. Бондарович. – Минск. – 2009. – 823 с.

5. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : [федер. закон : принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2001 г. : по состоянию на 1 июня 2013 г.] – СПб. : Эксмо, 2013. – 80 с.

6. Кодекс Украины об административных правонарушениях : [введен в действие с 1 июня 1985 г. постановлением Верховного Совета Украинской ССР по состоянию на 03 декабря 2014 г.]. – Центр вучобі літератури.– 2014. – 232 с.

7. Трудовой кодекс Республики Беларусь : [принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм., внесенным Законом Республики Беларусь от 1 июля 2014г.] – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 256 с.

В. А. Федотов

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК УЧАСТНИК ЭКСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Признание законодательством Беларуси международной организации субъектом внешней торговли обусловило необходимость конкретизации ее правового статуса. В статье сделан ряд выводов, имеющих научное и прикладное значение о правовом положении международной организации со статусом (на правах) юридического лица.

The recognition of the law of Belarus, international organization entity of foreign trade necessitated the concretization of its legal status. The article made a number of findings with the scientific and applied value on the legal status of an international organization with status (or rights) of a legal entity.

Введение. На современном этапе экономических преобразований в Республике Беларусь вопросы укрепления экспортного потенциала становятся исключительно важными и актуальными. Экспортная деятельность приобретает приоритетное значение и во многом определяет общий характер развития экономики страны.

С принятием ряда государственных программ развития экспорта в Беларуси активизировалась работа государственных органов по совершенствованию нормативно-правового обеспечения внешней торговли. К сожалению, необходимо признать, в этой сфере немало правовых пробелов и противоположных по своему содержанию норм права.

Новеллой внешнеторгового законодательства Беларуси стало расширение круга участников внешнеторговой деятельности. Наряду с физическими и юридическими лицами субъектами внешней торговли сегодня являются: филиалы и представительства юридических лиц; организации, не являющиеся юридическими лицами; дипломатические и иные официальные представительства, консульские учреждения; международные организации, их филиалы и представительства; государства, их административно-территориальные единицы, участвующие в отношениях, регулируемых валютным законодательством.

Вовлечение во внешнеторговый оборот широкого перечня участников расширило их полномочия по кругу лиц и совершаемым сделкам, что в известной мере повлекло увеличение объема поставляемых

на экспорт товаров и оказываемых услуг. В то же время появление новых субъектов экспортной торговли обусловило необходимость конкретизации их правового статуса в законодательстве. Международная организация является одним из таких участников.

Основная часть. Международные организации традиционно относятся к субъектам международных публичных отношений. Существенным отличием их правового положения является присущие им свойство иммунитета и наличие широкого перечня привилегий. Правосубъектность международной организации производна от правосубъектности государств-учредителей, поскольку они наделяют ее соответствующей компетенцией. Кроме того, международные организации учреждаются на основе международного договора (устава), определяющего их право- и дееспособность, а также организационную структуру.

Выступая органами сотрудничества государств, ряд международных организаций, вместе с тем наделен статусом юридического лица. Например, ст. 1 Конвенции ООН о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 г. предусматривает, что «Объединенные Нации являются юридическим лицом...»; в соответствии с разд. 2 ст. 9 Устава Международного валютного фонда 1944 г. «Фонд имеет полный статус юридического лица...» и т. д.

Государствами образованы также международные организации, за которыми признаются лишь права юридического лица. В таком правовом статусе выступают Экономический Суд СНГ (ст. 2 Договора об условиях пребывания Экономического Суда Содружества Независимых Государств на территории Республики Беларусь 1996 г.), Евразийский банк развития (п. 2 ст. 2 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Евразийским банком развития об условиях пребывания Евразийского банка развития на территории Республики Беларусь 2010 г.), Суд Евразийского экономического сообщества (ст. 2 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Евразийским экономическим сообществом об условиях пребывания Суда Евразийского экономического сообщества на территории Республики Беларусь) и др.

Наконец, во внешнеторговом обороте участвуют международные организации, учредительные документы (договоры), которых не предусматривают за ними ни статуса юридического лица, ни статуса организации с правами юридического лица. Учредительными документами (договорами) определен лишь конкретный перечень их прав и обязанностей в гражданско-правовой сфере (разд. 2 ст. 7 Устава Международного банка реконструкции и развития 1945 г. и др.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что во внешнеторговом обороте участвуют: 1) международные организации со статусом юридического лица; 2) международные организации с правами юридического лица.

Какое имеет значение гражданско-правовой статус международной организации как участника внешней торговли? Ответ на это вопрос имеет не только важное научное, но и прикладное значение, поскольку от его решения зависит квалификация внешнеторговых отношений в качестве экспортных или импортных. Как известно, правовые режимы экспорта и импорта имеют существенные отличия.

По общему правилу, в собственном статусе международная организация выступает как субъект публично-правовых отношений. Именно статус юридического лица (или организации с правами юридического лица) позволяет международной организации вступать в гражданско-правовые отношения и заключать сделки. Так, в соответствии с Договором Республики Беларусь с Экономическим Судом СНГ от 22 ноября 1996 г. об условиях пребывания данного Суда на территории Беларуси Экономический Суд пользуется правами юридического лица на территории Беларуси и имеет право: заключать договоры; приобретать движимое и недвижимое имущество и распоряжаться им; возбуждать дела в суде и участвовать в судебных разбирательствах; открывать и вести банковские счета в любой валюте; переводить свои денежные средства в пределах Республики Беларусь или из Республики Беларусь в иностранное государство и наоборот. При этом Экономический Суд освобождается от всех налогов, сборов, пошлин и других платежей, взимаемых на территории Беларуси, за исключением тех, которые представляют собой плату за конкретные виды обслуживания.

Вместе с тем, ряд норм гражданского и административного законодательства в полной мере неприменим к международной организации. Например, дефинитивная норма ст. 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), определяющая понятие и сущность юридического лица, содержит признаки не свойственные международной организации со статусом (на правах) юридического лица. Являясь участником гражданского оборота, международная организация, может иметь в собственности обособленное имущество, нести самостоятельную ответственность по своим обязательствам, от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. В то же время, по белорусскому законодательству международная

организация не проходит государственную регистрацию в качестве юридического лица и она не может быть признанная таковым законодательным актом (п. 1 ст. 44 ГК). Кроме того, международная организация со статусом юридического лица не имеет организационно-правовой формы и не может быть отнесена к коммерческой или некоммерческой организации. В зарубежных странах имеется иная правоприменительная практика, что является исключением из общего правила [1, с. 120].

Гражданско-правовой статус юридического лица (или организации с правами юридического лица) основан на правосубъектности международной организации. Признание такого статуса международной организации предусмотрено соответствующими учредительными соглашениями (уставами). Определенное значение имеют также договоры об условиях пребывания международной организации на территории государства.

Для квалификации внешнеторговых отношений существенное значение имеет вопрос о национальности субъектов. По белорусскому внешнеторговому законодательству все участники внешней торговли разделены на две группы: резиденты – национальные лица, и нерезиденты – иностранные субъекты. Международные организации отнесены ко второй категории. Для определения национальности международной организации имеет значение лишь ее собственный правовой статус, независимо критериев инкорпорации и места нахождения – признаков, избранных законодателем для определения национальности юридического лица во внешней торговле.

Признание законодателем международной организации нерезидентом не дает основание для определения ее принадлежности к какому-либо государству. По своей природе такой субъект не имеет национальности, несмотря на то, что относится к иностранному лицу и имеет статус (или права) юридического лица. Критерии национальности, применяемые во внешнеторговом законодательстве Беларуси для юридического лица, не имеют правового значения для международной организации.

Пребывание международной организации на территории государства также в известной мере определяет ее правовое положение как участника гражданско-правовых отношений. С одной стороны международная организация не является национальным лицом и выпадает из сферы государственного контроля, применяемого для национальных юридических лиц. С другой, закон страны места осуществления экономической деятельности является исходным началом применимого

права к гражданско-правовым отношениям международной организации. Автономия воли сторон о выборе применимого права не затрагивает действие императивных и свержимперативных норм белорусского законодательства, которые выступают основой регулирования частно-правовых отношений (п. 1 ст. 1124, п. 1 ст. 1100 ГК). Таким образом, международная организация с местом нахождения на территории государства при осуществлении внешнеторговой деятельности обязана исполнять закон страны пребывания. По сути, закон места осуществления коммерческой деятельности международной организации является основой применимого права.

По критерию места нахождения штаб-квартиры международной организации отдельные авторы ошибочно, на наш взгляд, определяют ее государственную принадлежность. Так, Л. П. Ануфриева отмечает, что «...ООН – юридическое лицо штата Нью-Йорк (США), ЮНЕСКО – французское юридическое лицо, МОТ, ВОЗ, Международный союз электросвязи, Международный почтовый союз и др. – юридические лица кантона Женева Швейцарской Конфедерации, Международный валютный фонд – юридическое лицо федерального округа Колумбия (США), МАГАТЭ – австрийское юридическое лицо и т. д.» [2, с. 238].

Учреждение международной организации на территории государства всегда санкционируется законом страны пребывания. Такой договор определяет право- и дееспособность организации как участника гражданско-правовых отношений. При этом устанавливаются пределы их участия в гражданском обороте (в т. ч. преференции). Отсутствие в правоустанавливающих актах норм о национальности международной организации со статусом (на правах) юридического лица не создает правового основания для признания такого лица, субъектом имеющим государственную принадлежность.

Статус нерезидента международной организации означает, что все гражданско-правовые сделки, совершаемые как с резидентами, так и нерезидентами Беларуси, являются международными. Внешнеторговыми такие отношения являются, если совершаются международной организацией с резидентом Беларуси на возмездной договорной основе в отношении товаров, охраняемой информации, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выполнения работ или оказания услуг.

Как субъект внешнеторговой экспортной деятельности международная организация может выступать исключительно в качестве покупателя товаров, заказчика работ или услуг (покупателя в широком смысле этого слова, указанных выше объектов гражданских прав).

Таким образом, во внешнеторговых экспортных контрактах резидент Беларуси выступает продавцом, а международная организация (нерезидент Беларуси) – покупателем.

В то же время международная организация имеет право совершать одна-, дву- и многосторонние сделки с иными лицами – резидентами и (или) нерезидентами Беларуси на возмездной или безвозмездной основе. Такие отношения могут быть международными коммерческими или некоммерческими отношениями, подпадать под сферу применения внешнеэкономического законодательства Республики Беларусь.

Заключение. Исследование правового статуса международной организации во внешней торговле позволяет сделать следующие выводы:

1. Во внешнеторговом обороте участвуют международные организации со статусом юридического лица и международные организации с правами юридического лица.

2. Ряд норм гражданского и административного законодательства в полной мере неприменим к международной организации. По белорусскому законодательству международная организация со статусом (на правах) юридического лица не проходит государственную регистрацию в качестве юридического лица и не может быть признанная таковым законодательным актом (п. 1 ст. 44 ГК), не имеет организационно-правовой формы юридического лица и не может быть отнесена к коммерческим или некоммерческим организациям.

3. Международная организация со статусом (на правах) юридического лица не имеет национальности. В то же время, международная организация с местом нахождения на территории государства при осуществлении внешнеторговой деятельности обязана исполнять закон страны пребывания.

4. По белорусскому внешнеторговому законодательству международная организация является нерезидентом Республики Беларусь, что влечет признание всех гражданско-правовых сделок с участием данного лица международными. Как субъект внешнеторговой экспортной деятельности международная организация может выступать исключительно в качестве покупателя товаров, заказчика работ или услуг (покупателя в широком смысле этого слова).

Вместе с тем, международная организация имеет право совершать одна-, дву- и многосторонние международные (внешнеэкономические) сделки с иными лицами – резидентами и (или) нерезидентами Беларуси на возмездной или безвозмездной основе.

Список использованных источников

1. Международное частное право: учеб. / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Г. К. Дмитриева и др. ; отв. ред. Г. К. Дмитриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 688 с.

2. Богуславский, М. М. Международное частное право: учеб. / М. М. Богуславский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Междунар. отношения, 1994. – 416 с.

УДК 340:37

С. Е. Чебуранова,

канд. юрид. наук, доц.,

УО «ГрГГУ им. Янки Купалы

В. В. Седельник

канд. юрид. наук, доц.,

УО «ГрГГУ им. Янки Купалы

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КУРСА «ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИСТИКА» В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ-ЮРИСТОВ

В работе рассматриваются вопросы совершенствования юридического образования. Авторы обосновывают необходимость включения курса «Юридическая глобалистика» в учебные планы подготовки специалистов-юристов. Дается характеристика содержания тем, включённых в программу данного курса. Показывается значимость данной дисциплины в современных условиях развития высшего юридического образования.

The work deals with issues of improving the legal education. The authors justify the need to include the course “legal globalism” in the curricula of training of specialists in law. There is given a description of the content included in the program of the course. There is shown the importance of this discipline in the modern conditions of development of higher legal education.

Проблемы подготовки кадров с высшим юридическим образованием приобретают особую актуальность в современных условиях, характеризующихся сложным взаимодействием внутренних и внешних факторов, влияющих на развитие белорусского государства и его правовой системы. За годы, прошедшие с момента провозглашения независимости белорусского государства, в правовой сфере общества произошли радикальные изменения, сформирована и совершенствуется национальная система права и законодательства, определены

принципы и приоритеты функционирования правоприменительной практики с учетом провозглашенных в Конституции Республики Беларусь идеалов социального, правового, демократического государства. В значительной мере успешное и поступательное продолжение процессов, связанных с упрочением статуса Республики Беларусь как суверенного и независимого государства зависит от качества подготовки специалистов с высшим образованием, в том числе специалистов-юристов.

В современных условиях требуется усилить практическую подготовку всех специалистов-юристов. Опыт показывает, что ценность специалиста на рынке труда определяется не только суммой усвоенных им теоретических знаний, но и его практическими умениями и навыками. Изменение общей стратегии образования предполагает внедрение в учебный процесс принципиально новых, более эффективных, адекватных запросам и потребностям сегодняшнего дня педагогических приемов и методов, анализу которых, несомненно, должно уделяться больше внимания. Кроме того, переход к двум ступеням высшего образования означает пересмотр (диверсификацию) учебных планов, программ, включение новых дисциплин.

Особое значение приобретает внедрение курсов, преследующих цель изучить основные тенденции трансформации государства и права в условиях глобализации, сформировать у студентов-юристов систему знаний о сущности глобализационных процессов и их влиянии на государственно-правовые институты общества. Примером такого рода дисциплин является курс «Юридическая глобалистика», который разработан и читается на юридическом факультете Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Программа данного курса включает 15 тем, в которых последовательно рассматриваются наиболее существенные, узловые вопросы влияния глобализационных процессов на современные правовые системы, в том числе правовую систему Республики Беларусь.

Курс открывается темой «Глобалистика в системе современного научного знания». В данной теме даётся характеристика глобалистики как нового самостоятельного научного направления, показывается её междисциплинарный характер и объективные основания, заключающиеся в наличии глобальных проблем человечества. Логичным продолжением данной темы является тема, в которой юридическая глобалистика характеризуется как система знаний о взаимосвязи, взаимодействии и влиянии процессов глобализации и государственно-правовых институтов общества. Отдельная тема посвящена международному праву

как регулятору международных отношений в условиях глобализации, акцентируется внимание на специфике принципов и источников международного права, на его эволюции во второй половине XX – начале XXI столетий.

Программа курса предусматривает тему, в которой изучается воздействие глобализации на национальное государство, а также дается анализ эволюции внешних и внутренних функций государства в контексте глобализационных процессов.

Отдельная тема посвящена изучению воздействия глобализации на правовую систему общества. В рамках данной темы раскрываются тенденции конвергенции норм международного и национального права, обращается внимание на формирование новых поколений отраслей права, а именно трёх групп глобальных отраслей (комплексов) права: сформировавшиеся, общепризнанные отрасли (экологическое, информационное и т. д.); интенсивно формирующиеся (право безопасности, миграционное право и т. д.); обозначившие общие контуры своего развития (экономическое право, социальное право). Кроме того, в данной теме предусматривается рассмотрение вопросов, связанных с формированием на конституционном уровне механизмов противодействия вызовам и угрозам миру, безопасности и устойчивому развитию.

Глобализация затрагивает все правовые системы современного мира, поэтому авторы программы сочли необходимым раскрыть в отдельной теме тенденции развития правовых систем, показать основные пути развития и формы проявления процессов конвергенции, прежде всего на примере романо-германской и англосаксонской правовых семей. Тема «Права человека в условиях глобализации» преследует цель показать влияние глобальных проблем человечества на систему и классификацию прав человека, а также на определение пределов и границ осуществления прав человека в глобальном мире.

Значительная часть программы включает темы, посвященные раскрытию влияния глобализационных процессов на государство и право Республики Беларусь. В качестве приоритетных направлений функционирования белорусского государства и права рассматриваются вопросы обеспечения национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития, при этом отдельно характеризуется Концепция Национальной безопасности Республики Беларусь, ее основные идеи и содержание. Самостоятельной темой курса является тема, посвященная правовому обеспечению безопасности Республики Беларусь в экономической сфере. Авторы программы считают, что экономическая безопасность характеризуется таким состоянием экономики,

при котором гарантировано обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внешних и внутренних угроз. В данной теме предусматривается рассмотрение правовых средств преодоления угроз и источников угроз экономической безопасности Республики Беларусь. Особое внимание уделяется вопросам законодательного обеспечения инвестиционной деятельности, законодательной основой которой выступает Инвестиционный кодекс Республики Беларусь.

Программа курса включает тему, в рамках которой характеризуется правовое обеспечение военной безопасности Республики Беларусь, раскрываются основные положения и принципы Военной доктрины белорусского государства, показывается участие Республики Беларусь в ОДКБ (Организации Договора о коллективной безопасности).

В отдельной теме курса раскрываются понятие и сущность демографической безопасности, характеризуются национальные программы демографической безопасности, при этом значительное внимание отводится рассмотрению основных направлений политики белорусского государства, направленной на поддержку семьи, материнства и охрану здоровья. Кроме того, в рамках данной темы показывается система мер, направленных на оптимизацию миграционных процессов, на сохранение интеллектуального и трудового потенциала республики.

Несколько тем включено в программу курса для того, чтобы отдельно охарактеризовать вопросы правового обеспечения безопасности Республики Беларусь в научно-технологической, информационной и экологической сферах. Авторами программы выделяются вопросы, связанные с реализацией Приоритетных направлений научно-технической деятельности в нашем государстве, а также с реализацией Стратегии развития информационного общества, с законодательным обеспечением противодействия распространению агрессивной информации. Логичным моментом следует считать то, что в данной теме весьма обстоятельно освещается участие Республики Беларусь в международных договорах, регулирующих мировой информационный обмен, в создании и использовании межгосударственных, международных, глобальных информационных сетей и систем. Не менее актуальными в современных условиях являются вопросы обеспечения экологической безопасности, поэтому в программе раскрываются вопросы, связанные с системой экологической безопасности и её важнейшими элементами: нормативным, управленческим, информационным и т. д.

Программа завершается темой, посвященной вопросам противодействия белорусского государства проявлениям международного терроризма. Содержание данной темы включает вопросы, связанные с раскрытием особенностей и тенденций развития терроризма в XXI столетии. Предусматривается в связи с этим анализ международно-правовых актов и белорусских законодательных актов по противодействию терроризму и борьбе с ним.

В результате усвоения данной учебной дисциплины студент должен понимать сущность глобализационных проблем современности, тенденции развития государства и права в условиях глобализации, особенности взаимодействия и взаимосвязи международного и внутригосударственного права. В числе важнейших навыков, на формирование которых направлена «Юридическая глобалистика» следует назвать умение анализировать особенности развития белорусского законодательства в контексте реагирования на глобальные проблемы современности, а также умение давать правовую оценку нормативных правовых актов, принимаемых различными субъектами правотворчества в нашей республике.

УДК 342

И. В. Шахновская

Белорусский государственный университет

ФОРМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возможными формами самоорганизации национальных меньшинств. Детально рассмотрена роль и механизм взаимодействия общественных объединений национальных меньшинств с государственными органами. На примере зарубежных стран отмечены иные формы создания «формализованных структур». Предлагается внесение изменений и дополнений в законодательство Республики Беларусь о национальных меньшинствах.

In article the questions connected with possible forms of self-organization of ethnic minorities are considered. The role and the mechanism of interaction of public associations of ethnic minorities with government bodies is in details considered. On the example of foreign countries other forms of creation of “the formalized structures” are noted. Modification and additions in the legislation of Republic of Belarus on ethnic minorities is offered.

Введение. Вопрос о формах самоорганизации национальных меньшинств является практически неисследованным в рамках конституционно-правовой науки. Тем не менее, данная проблема представляется актуальной, поскольку отдельные конституционные права представителей национальных общностей могут быть реализованы только путем создания «формализованных» или «неформализованных структур».

Основная часть. Отдельные авторы полагают, что «любая коллективная общность, являющаяся субъектом права и будучи в правовом смысле “юридической фикцией”, нуждается в институционализации путем закрепления своего положения в соответствующих организационно-правовых формах. Важной формой институционализации является самоорганизация индивидов в добровольные объединения, обладающие правоспособностью» [1, с. 246].

Конституционной основой для самоорганизации национальных общностей в «формализованные структуры» является право на свободу объединения, предусмотренное ч. 1 ст. 36 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) [2].

В Республике Беларусь действует довольно большое количество общественных объединений, образованных представителями различных национальностей. Так, по состоянию на 1 января 2016 г. в государстве зарегистрировано 213 национально-культурных общественных объединений [3]. Среди них Союз поляков Беларуси, Союз белорусских еврейских общественных объединений, «Русское товарищество», «Конгресс азербайджанских общин», «Афганская община», «Ассоциация белорусских корейцев», «Немецкий дом», «Союз латышей Витебской области «Даугава», «Белорусская цыганская диаспора», организация армян «Урарту», украинцев – «Ватра», греков – «Пелопоннес», казахов – «Ата-Мекен», грузин – «Мамули», литовцев – «Гервечай» и др.

В Республике Беларусь на государственном уровне предпринята попытка консолидации культур различных национальных общностей. Так, с 1994 г. в г. Минске создан и действует Республиканский центр национальных культур (далее – Центр). Главной заслугой центра стоит считать систематическую организацию Республиканского фестиваля национальных культур.

Сфера деятельности таких объединений довольно обширна. Это и реализация социальных программ (службы патронажа, милосердия на волонтерской основе и др.), и реализация информационно-издательских программ, и проведение просветительской и образовательной

работы (пропаганда национального языка и культуры, проведение школьных олимпиад, научных конференций и др.), и реализация культурных программ (организация фестивалей, молодежных программ, конкурсов, открытие национальных памятников), а также другие формы работы.

Следует отметить, что достаточное финансирование таких объединений существенно способствовало бы развитию их деятельности. Вопрос о финансировании из государственного бюджета деятельности общественных объединений, представляющих права отдельных национальных меньшинств, представляется актуальным.

Так, согласно ст.8 Закона Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» (далее – Закон о меньшинствах) «государство в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, содействует созданию условий для развития образования и культур национальных меньшинств путем выделения из республиканского и местных бюджетов необходимых для этого денежных средств» [4].

В. В. Липницкий в ряде своих публикаций не раз указывал на отсутствие в белорусском законодательстве точных размеров, принципов, порядка оказания государственной помощи учреждениям культуры меньшинств на постоянной основе, что, по мнению автора, является пробелом в законодательстве [5, с. 343]. С проблемой отсутствия законодательства, отсылка к которому идет в вышеприведенной норме, стоит согласиться и признать данный факт пробелом. Отсутствие специального порядка по оказанию финансовой помощи превращает положение ст. 8 Закона о меньшинствах в декларативную норму. На декларативность норм Закона о меньшинствах было указано еще в 1996 году профессором Э. Иоффе [6, с. 37].

Показателен опыт Российской Федерации. Так, Распоряжением Президента Российской Федерации от 15 декабря 2006 г. [7] был утвержден список некоммерческих организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, с распределением предусмотренных в федеральном бюджете на 2006 г. средств на их государственную поддержку. Сходный Указ Президента был принят в Азербайджанской Республике [8].

Проблема, на наш взгляд, состоит не просто в отсутствии специального законодательства об оказании финансовой помощи национальным меньшинствам, а в определении круга субъектов, имеющих право на такую помощь со стороны государства. Формально, в ч. 1 ст. 14 Конституции закреплён принцип равенства в уважении прав

и интересов при регулировании отношений между всеми национальными общностями [2]. Буквальное толкование данной конституционно-правовой нормы позволяет сделать вывод, что денежные средства для развития образования и культуры должны в равной мере распределяться между представителями всех национальных общностей, проживающих на территории Республики Беларусь. Однако такой подход считаем неуместным, а согласимся с С. А. Калининым, который отмечает, что «при проведении государством национальной политики необходимо учитывать влияние национальных общностей на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [9, с. 96]. Распределение финансовых средств, на наш взгляд, должно строиться именно по данному принципу.

Поскольку общественные объединения не выполняют государственных функций, не имеют фиксированного представительства в государственных органах, то учет их влияния на формирование духовных, государственных традиций должен основываться на их роли в общественной жизни, в развитии институтов гражданского общества. Например, при решении вопроса о финансировании могут быть учтены такие факторы как проведение общественно полезных программ, численность национального меньшинства к общей численности населения, давность проживания на территории Республики Беларусь, историческая духовная связь национальной общности с белорусским народом, учет предыдущих результатов проводимой работы и др.

Такой подход закреплен в Конституции по отношению к религиозным организациям. Так, согласно ч. 2 ст. 16 Конституции «взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [2].

Практически неисследованным в конституционно-правовой науке остается вопрос форм взаимодействия общественных объединений национальных меньшинств с органами государственной власти, органами государственного управления, местными органами самоуправления. Актуальность данного направления объясняется тем, что при проведении государством национальной политики именно общественные объединения национальных меньшинств выступают своеобразным «передаточным механизмом» между меньшинством и государством.

Так, в Республике Беларусь основной формой взаимодействия общественных объединений национальных меньшинств с органами государственного управления является Консультативный межэтнический совет при Уполномоченном по делам религий и национальностей, деятельность которого регулируется специальным Положением [10].

Деятельность данного Совета в целом можно оценивать положительно. К примеру, в мае 2010 года по совместной инициативе аппарата Уполномоченного Совета и радиостанции «Беларусь» вышел в эфир специальный проект «Беларусь – наш дом», посвященный деятельности национально-культурных общественных объединений в Беларуси. С сентября программа стала еженедельной и выходит в зарубежном вещании на белорусском и немецком языках. В 2010 году в рамках выставки СМИ в Беларуси при организации тех же заинтересованных состоялся круглый стол «Диалог диаспор: диаспора и СМИ» в ходе которого участники обменялись опытом работы в информационной сфере и взаимодействия со СМИ [3].

На наш взгляд, необходимо нормативно закрепить право на проведение мониторинга за выполнением государственной Программы развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом за Консультативным межэтническим советом. Здесь показателен опыт Грузии, где мониторинг за выполнением Национальной концепции толерантности и гражданской интеграции проводится Советом национальных меньшинств, существующим при Народном защитнике Грузии. В процессе мониторинга проводятся встречи и детальные интервью с представителями центральных и местных органов власти, неправительственных организаций, с лидерами общин и другими целевыми группами. В Беларуси ход за выполнением государственной Программы осуществляется в форме заседания коллегии аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей при участии представителей органов государственной власти, которые выступают с докладами. Последнее заседание состоялось 2 февраля 2016 г. [3].

Таким образом, роль общественных объединений национальных меньшинств сводится к следующему:

1. Консолидация отдельных представителей национальных меньшинств путем «превращения» группы граждан в новый субъект конституционно-правовых отношений – «организацию», как высшую форму социальной общности.

2. Формирование механизма взаимодействия представителей национальных меньшинств с государством.

3. Участие в становлении и дальнейшем развитии гражданского общества в Республике Беларусь.

Одной из разновидностей общественных объединений выступает национально-культурная автономия. Данный вид общественных объединений для представителей национальных меньшинств существует

во многих зарубежных государствах – Российской Федерации, Австрии, Венгрии, Германии, Латвии, Сербии, Словении, Украине, Эстонии и др. К примеру, согласно ч. 1 ст. 1 Федерального Закона Российской Федерации «О национально-культурной автономии» «национально-культурная автономия – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов» [11].

Перспективы и порядок создания национально-культурной автономии в Республике Беларусь были детально исследованы в статье В. В. Липницкого [12]. В рамках данной работы не будем детально останавливаться на введении данного института, а просто укажем на тот факт, что этот вопрос получил разработку в научной среде.

В ряде зарубежных стран есть и иные формы самоорганизации представителей национальных меньшинств. Например, политические партии – Шведская народная партия в Финляндии, Немецкая партия в Дании и др. Роль данных партий достаточно велика. К примеру, Шведская народная партия в Финляндии имеет 9 мест из 200 в Эдускунте (2015 г.), а также 1 место из 13 в Европарламенте (2014 г.) [13].

В то же время, есть государства, которые на конституционном уровне вводят запрет для национальных меньшинств на данную форму самоорганизации. К примеру, в соответствии с ч. 4 ст. 11 Конституции Болгарии «не допускается образование политических партий на этнической, расовой или религиозной основе, а также партий, которые преследуют цель насильственного захвата государственной власти» [14].

Конституция Республики Беларусь не запрещает создавать политические партии на этнической или национальной основе. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 5 Конституции «запрещается создание и деятельность политических партий, а равно других общественных объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя либо ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды» [2]. Однако такие политические партии в Республике Беларусь не зарегистрированы.

Существуют и иные формы самоорганизации национальных общностей. Необходимо вести речь не только о создании «формализованных структур» (общественные объединения, политические партии, общественные организации и др.), а также и «временных коллективов» (общностей людей) для реализации определенных целей. К примеру, инициативные группы из представителей национальных меньшинств.

В развитие идеи самозащиты прав, нами разработано предложение о введении в законодательство Республики Беларусь института «инициативного обращения представителей национальных меньшинств». Под «инициативным обращением национальных меньшинств» следует понимать обращение представителей национальных меньшинств, в том числе, общественных объединений, представляющих интересы национальных меньшинств, к Уполномоченному по делам религий и национальностей Республики Беларусь с инициативой о внесении предложения в компетентный орган государства их национальной принадлежности о заключении международного договора с Республикой Беларусь на паритетных началах по вопросам реализации конституционных прав. Соответствующие изменения и дополнения необходимо внести в Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь».

Порядок создания инициативной группы для внесения такого обращения должен быть тщательно разработан. Так, гражданами (представителями определенного национального меньшинства), выступающими с предложением к Уполномоченному по делам религий и национальностей с инициативой о внесении предложения в компетентный орган государства их национальной принадлежности о заключении международного договора с Республикой Беларусь на паритетных началах по вопросам реализации конституционных прав, образуется инициативная группа в количестве 10–20 человек. Инициативная группа создается в целях сбора подписей, количество которых должно зависеть от процентного соотношения представителей национального меньшинства к общей численности населения. Оптимальным представляется установление размера не менее 30–40 %.

Заключение. В статье проведен анализ различных форм самоорганизации национальных общностей в Республике Беларусь и в зарубежных странах. Автором предложены определенные изменения и дополнения в законодательство о национальных меньшинствах с целью дальнейшего совершенствования таких организационных форм.

Список использованных источников

1. Юрьев, С. С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты) / С. С. Юрьев. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 368 с.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2101>. – Дата доступа: 12.03.2016.
3. Уполномоченный по делам религий и национальностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belarus21.by/Articles/nac_cult_ob. – Дата доступа: 13.03.2016.
4. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1992г. №1926-ХП // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.
5. Липницкий, В. В. К вопросу об экономических гарантиях обеспечения прав национальных меньшинств в Республике Беларусь / В. В. Липницкий // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы VI Международной научно-практической конференции, Минск, 17–18 мая 2012 г. / [редкол. : В. Н. Шимов (отв. ред.) и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Белорусский гос. экон. ун-т». — Минск : БГЭУ, 2012. – Т. 2. – С. 342–344.
6. Іофе, Э. Пытанні удасканалення заканадаўства адносна нацыянальных меншасцей у Рэспубліцы Беларусь / Э. Іофе // Нацыянальныя меншасці Беларусі: Тэматычны зб. навук. прац. Кн. 1 «Канцэптуальныя пытанні развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі» / под ред. С. А. Яцкевіча / Брэст – Минск – Віцебск, 1996 г. – С. 37–39.
7. Распоряжение Президента Российской Федерации от 15.12.2006 г. № 628-рп [Электронный ресурс] // Правовой портал «Поиск Закона». – Режим доступа: <http://poisk-zakona.ru/80103.html>. — Дата доступа: 24.02.2016.
8. О защите прав и свобод, государственной поддержке развития языков и культуры национальных меньшинств, малочисленных народов и этнических групп, проживающих в Азербайджанской Республике [Электронный ресурс] : Указ Президента Азербайджанской Республики от 16 сентября 1992 г. № 212 (В редакции Указа от 18.07.2005 г. № 260) / Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=20217. – Дата доступа: 24.02.2016.
9. Калінін С. А. Аб канстытуцыйных асновах нацыянальнай палітыкі Беларусі ў свеце сучасных выклікаў / С. А. Калінін // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от статута 1588 года до современной Конституции: материалы Респ. науч.-практ. конф., 11–12 марта 2008 г., г. Минск / редкол. : Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Веды, 2008. – С. 95–97.

10. Положение о Консультативном межэтническом совете при Уполномоченном по делам религий и национальностей [Электронный ресурс]: утв. приказом Уполномоченного по делам религий и национальностей № 7 от 23.01.2010 г. // Уполномоченный по делам религий и национальностей. – Режим доступа: http://www.belarus21.by/Articles/nac_pol. – Дата доступа: 14.03.2016.

11. О национально-культурной автономии [Электронный ресурс]: Федеральный Закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ // Информационно-правовое обеспечение «Гарант» / ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС»». – М., 2016.

12. Липницкий, В. В. К вопросу о введении института национально-культурной автономии в Республике Беларусь / В. В. Липницкий // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Экономические и юридические науки: научно-теоретический журнал. – Новополоцк : ПГУ, 2012. – № 13. – С. 137–143.

13. Шведская народная партия в Финляндии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sfp.fi/fi/front-page>. – Дата доступа: 13.03.2016.

14. Конституция Болгарии от 13 июля 1991 г. [Электронный ресурс] / Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=120>. – Дата доступа: 13.03.2016.

УДК 342.55:325.1

И. И. Эсмантович

*канд. ист. наук, доц.,
УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

Е. И. Эсмантович

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Важнейшим инструментом реализации целей устойчивого развития становится территориальное планирование, так как в своей сущности объединяет в одно целое социальную, экономическую и экологическую политики, интегрирует отдельные отраслевые усилия на достижение экономической эффективности и социальной справедливости. Программа демографической безопасности Беларуси планирует компенсировать естественное уменьшение белорусов за счет притока мигрантов. Значительную роль в регулировании обозначенного вопроса должны сыграть органы местного управления и самоуправления.

The most important tool for achieving the goals of sustainable development is spatial planning, as in its essence will integrate social, economic and environmental policies and integrate separate sectoral efforts to achieve economic efficiency and

social justice. The program of demographic security of Belarus plans to compensate for the natural reduction of Belarusians due to the influx of migrants. Significant role in the regulation of the identified issue should play local authorities and self-government.

Миграция – один из самых сложных и дорогостоящих институтов для государства. В мире общее число мигрантов превосходит 70 миллионов человек, еще 125 миллионов живут вне государств собственного гражданства. Если в 2010 году в Республику Беларусь приехало 17,2 тысяч мигрантов, то в 2015 году уже 24,9 тысяч [1]. Число же украинских граждан, спасавшихся от боевых действий и их последствий с территории Украины, за 2014-2015 гг. превысило 150 тысяч, из них 45 тысяч получили право на проживание в нашей стране [2].

По сведениям органов внутренних дел, по состоянию на 1 января 2016 г. в Республике Беларусь находилось 59,1 тыс. иностранцев, имеющих разрешение на временное проживание, и более 181,5 тыс. – на постоянное проживание [3].

Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь планирует компенсировать естественное уменьшение белорусов за счет притока мигрантов. Особенностью внешних миграционных процессов в Беларуси на современном этапе является положительный миграционный прирост, – отмечено в программе, – однако его объемов недостаточно для компенсации убыли населения и трудовых ресурсов. Перед республиканскими и местными органами Беларуси поставлена задача: перейти к целевому принципу организации миграции – возвращение соотечественников, проживающих за рубежом, привлечение иностранных специалистов для работы в приоритетных и нуждающихся в кадрах отраслях экономики, предоставление миграционных льгот иностранным студентам и аспирантам, успешно окончившим учреждения образования страны.

Одним из условий эффективности внешней миграционной политики является целенаправленная работа по повышению качественного потенциала иммиграционного потока, а также создание благоприятной среды для социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов в белорусское общество [4; 12].

Согласно Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 года, политика в области территориально-пространственной организации должна обеспечивать эффективное использование социально-экономического, научно-технического, культурного и градостроительного потенциалов больших и крупных городов страны с одновременным осуществлением активных мер по улучшению их среды обитания [5].

Развитие системы расселения должно быть ориентировано на достижение стратегических социально-экономических целей и способствовать переходу страны к устойчивому развитию. При определении перспектив развития городских и сельских поселений и тяготеющих к ним территорий следует предусматривать необходимость рационального использования местных условий и ресурсов. Развитием поселений должно выступать, в том числе, наращивание их экономического потенциала, развитие производственной базы, повышение инвестиционной активности, устойчивости формируемой среды жизнедеятельности населения; комплексное развитие городских и пригородных территорий, их социальной, производственной, транспортной и инженерно-технической инфраструктуры, сбалансированное соотношение урбанизированных и природных компонентов среды.

Для эффективного использования всего комплекса ресурсов поселений и территорий (земельных, природно-экологических, культурно-исторических, экономических, трудовых и др.) необходима разработка и реализация межгосударственных, региональных и местных программ и планов обустройства поселений и территорий.

Механизм реализации региональной политики включает инструменты правового, экономического, финансового характера, направленные на обеспечение устойчивого развития регионов – разработку и реализацию «Местных повесток-XXI», дотации, субсидии, кредиты, оказываемые республиканскими органами государственного управления проблемным регионам с целью создания дополнительных возможностей для экономического роста, поддержания благоприятной экологической ситуации и вовлечения в этот процесс местного населения.

Создание экономических, социальных и экологических основ для устойчивого развития страны невозможно без участия в этом процессе местных сообществ, призванных осуществлять поиск путей и средств обеспечения устойчивого развития в конкретных регионах, городских и сельских поселениях. Для достижения этой цели необходимо решить ряд важных задач, обеспечивающих совершенствование действующей системы государственного управления и местного самоуправления.

К региональным и местным инициативам, которые могут рассматриваться в качестве приоритетных направлений государственной поддержки, относятся предложения и программы, нацеленные на улучшение демографической ситуации в региональных и локальных сообществах; создание новых и (или) сохранение существующих

рабочих мест, развитие малого и среднего бизнеса в административно-территориальных единицах.

Конкретные способы осуществления поставленных задач должны определяться местными структурами самостоятельно. В качестве основы таких действий местные органы должны включиться непосредственно в управление процессом внедрения принципов и требований обеспечения устойчивости развития регионов и корректировку осуществляемых мер в этой сфере; внедрить принципы устойчивости в проекты, планы и иные виды деятельности, предпринимаемые в рамках существующих властных полномочий по управлению хозяйственной деятельностью территориального образования.

Для самостоятельного решения социальных, экономических и политических вопросов местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, особенностей развития административно-территориальных единиц создаются органы местного управления и самоуправления, осуществляющие свою деятельность в соответствии с принципами сочетания общегосударственных и местных интересов, самостоятельности и независимости в решении вопросов местного значения. Именно на местном уровне разрабатываются и утверждаются программы социально-экономического развития соответствующей административно-территориальной единицы, региональные программы и концепции по социальным и другим вопросам местного значения [6].

Разработанная в соответствии с приоритетными направлениями социально-экономического развития и принятая в марте 2016 года Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016-2020 годы, ставит одной из основных задач стабилизацию численности населения и создание условий для оптимизации миграционных процессов, миграционный прирост не ниже 70 тысяч человек [7].

Для достижения поставленных целей необходимо разумное управление внешней миграцией и привлечение иностранных специалистов в Республику Беларусь. В первую очередь, целесообразно определить районы, наиболее нуждающихся в трудовых ресурсах, где исходя из демографического прогноза уменьшается трудоспособное население, и разработать упрощенный механизм привлечения высококвалифицированных специалистов в эти районы. Необходимо использовать потенциал белорусского сельского хозяйства, а также наличие благоустроенного жилья в сельской местности, что обеспечит рациональное расселение мигрантов в регионах, имеющих дефицит трудовых

ресурсов, и будет способствовать снижению диспропорций в территориальной структуре населения.

Привлечению иностранных граждан и лиц без гражданства для осуществления трудовой деятельности и постоянного проживания в Республику Беларусь будут способствовать:

- компенсация расходов на переезд в Республику Беларусь и первоначальное обустройство иностранцам, получившим разрешение на постоянное проживание в Республике Беларусь в качестве специалистов;
- разработка комплекса правовых мер, направленных на закрепление иностранных специалистов в организациях трудоустройства;
- рассмотрение возможности корректировки законодательства о правовом положении иностранцев в части осуществления компенсационных выплат только тем иностранным работникам, которые получили разрешение на постоянное проживание в районах, имеющих дефицит трудовых ресурсов;
- проведение анализа необходимости корректировки законодательства о гражданстве Республики Беларусь с учетом развития демографической ситуации.

Конечно, иностранцы трудоустраиваются на территории Беларуси с учетом приоритетного предоставления рабочих мест белорусским гражданам. Если рабочее место более двух недель свободно, на него может претендовать иностранец [8]. Установлены денежные выплаты иностранным гражданам и лицам без гражданства, направленные на компенсацию расходов на переезд в Республику Беларусь и первоначальное обустройство, в случае получения разрешения на постоянное проживание в Беларуси в размере пять бюджетов прожиточного минимума [9].

Иностранные граждане, постоянно проживающие в Республике Беларусь, имеют одинаковые права с гражданами Беларуси. Среди населения, в том числе в учреждениях образования, проводится информационно-разъяснительная работа по вопросам правового положения иностранцев, издаются информационные материалы, разъясняется порядок привлечения иностранных специалистов в Республику Беларусь с учетом потребностей регионов в специалистах, при необходимости организуется обучение иностранцев государственным языкам. Весьма показательным является изменение структуры миграционного потока в Беларусь, только каждый шестой является пенсионером (они чаще всего приезжают в Беларусь в рамках воссоединения семьи), в основном это трудоспособные лица, часто высококвалифицированные специалисты, много детей [10].

Многонациональное и толерантное население Республики Беларусь в целом позитивно воспринимает интернациональную миграцию. Однако, учитывая прогнозируемое увеличение иммиграционного потока, следует проводить постоянную работу через средства массовой информации по предупреждению неприятия иммигрантов белорусским обществом.

Программа демографической безопасности Гомельской области предусматривает комплекс организационно-правовых и социально-экономических мер для достижения и сохранения положительного сальдо внешней миграции за счет увеличения ее объемов из стран ближнего зарубежья, в первую очередь, соотечественников. Как отмечено в программе, одним из условий эффективности внешней миграционной политики является целенаправленная работа по повышению качественного потенциала иммиграционного потока, создание благоприятной среды для социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов в общество.

Работа органов местного управления и самоуправления Гомельской области направлена на обеспечение необходимого баланса между использованием национальных трудовых ресурсов и привлекаемой иностранной рабочей силой, для чего проводится оперативный мониторинг по вопросам занятости в организациях, оказывающих значительное влияние на региональный рынок труда, применяется избирательный подход к привлечению иммигрантов, с учетом инвестиционного, образовательного потенциала и возраста, организуется рациональное расселение иммигрантов исходя из интересов развития регионов, используются возможности консульских учреждений, диаспор и землячества за границей и в Республике Беларусь для привлечения иммигрантов [11].

Тенденции развития демографической ситуации в республике свидетельствуют, что проблемы стабилизации численности населения и создание предпосылок для ее последующего роста остаются острыми и требуют дальнейшего государственного регулирования.

Обеспечить устойчивое развитие страны возможно только при слаженной работе всех органов власти республиканского и местного уровней. Местные органы управления и самоуправления в тесном контакте с республиканскими органами государственного управления должны разрабатывать предложения, программы государственной поддержки региональных и местных инициатив, для чего следует повысить финансовую самостоятельность местных органов власти, сместить акценты реализации социальной политики на местный уровень, позволить местным органам самостоятельно планировать и реализовывать

наиболее перспективные направления повышения экономического потенциала территорий.

Выгодное географическое положение Беларуси, стабильная политическая и экономическая ситуация, наличие родственных связей между гражданами республики и гражданами иностранных государств, упрощенная процедура получения разрешения на временное и постоянное проживание, возможность трудоустройства и социальной адаптации являются привлекательными факторами для иммигрантов. Для стабилизации демографической ситуации необходимо проведение масштабной компенсирующей иммиграции на основе дифференцированного подхода к различным категориям мигрантов с учетом национальных интересов и сохранение социально-экономической и политической стабильности страны.

Список использованных источников

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 01.04.2016.

2. Богданович, Л. Путь трудовой и трудный // Режим доступа: <http://sb.by/print/post/k-priemu-gotovy.html>. – Дата доступа: 01.04.2016.

3. Министерство внутренних дел Республики Беларусь. Официальный сайт // Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=9871>. – Дата доступа: 01.04.2016.

4. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы : Утв. Указом Президента Республики Беларусь 11.08.2011 №357 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2011. – № 93.

5. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 года // Режим доступа: http://un.by/pdf/OON_sMall_Rus.pdf. – Дата доступа: 02.04.2016.

6. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 04.01.2010 г. №108-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2011. – № 83, 2/1852.

7. Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь: Государственная программа на 2016–2020 годы: Утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 марта 2016 г. № 200 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 30.03.2016.

8. Бегун А. Департамент по гражданству и миграции МВД // Режим доступа: sb.by/print/post/k-priemu-gotovy.html. – Дата доступа: 01.04.2016.

9. Об установлении размера и порядка осуществления денежных выплат постоянно проживающим в Республике Беларусь иностранным гражданам

и лицам без гражданства, направленных на компенсацию расходов на переезд в Республику Беларусь и первоначальное обустройство : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02.07.2014 № 645 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2014. – 10.07.2014.

10. Интервью Бегуна А. интернет-порталу TUT.BY // Режим доступа: <http://belhist.ru/2013/08/belarus-migracionnaja/>. – Дата доступа: 01.04.2016.

11. Программы демографической безопасности Гомельской области на 2011–2015 годы: Утв. Решением Гомельского областного Совета депутатов от 23.12.2011 № 158 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь (электронная версия). – 2012. – № 10.

12. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. // Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/ru/macroeconomy/nacionalnaya-strategiya>. – Дата доступа: 04.04.2016.

Содержание

<i>Можжаева Л. Е.</i> Состав налогового обязательства.....	3
<i>Мойсеенко В. Н.</i> Сущность государства и права неокантианской концепции.....	11
<i>Нагорная Н. А.</i> Особенности раздела совместной собственности супругов, в состав которого входит инвестиционное имущество.....	19
<i>Немкевич И. В.</i> Первый конституционный акт Белорусской Советской Республики.....	24
<i>Павлюк А. С.</i> Адвокатская тайна и право на получение информации	36
<i>Пилипенко А. А.</i> Теоретические аспекты презюмирования в налоговых отношениях.....	43
<i>Решетник А. Р.</i> К вопросу о некоторых спорных аспектах современного реформирования института государственной службы в Украине.....	51
<i>Рутман-Шиндина Е. Я.</i> Установление происхождения детей как способ реализации права ребенка знать своих родителей: некоторые проблемные аспекты правового регулирования.....	60
<i>Рябова Е. В.</i> Некоторые теоретические аспекты доверительного управления имуществом.....	66
<i>Савина И. В.</i> О Необходимости разработки и принятия закона «Об имущественных правах несовершеннолетних».....	73
<i>Савкин О. М.</i> Интеграционные процессы как фактор совершенствования национального законодательства Республики Беларусь.....	78
<i>Сенина В. Ф.</i> К вопросу о сущности и функциях современных государств.....	87
<i>Сенькова Т. В.</i> Медиативные способы в административно-деликтном процессе.....	93
<i>Скороход И. Г.</i> Государственное принуждение к выполнению конституционных обязанностей гражданами.....	100
<i>Сокуренок А. М.</i> Проблема определения понятия вины и сложной (смешанной, двойной) ее формы: международно-правовое исследование.....	108
<i>Соловьёв П. В.</i> Конституционные принципы и принципы конституции в нормотворчестве.....	114
<i>Стрижак М. С.</i> Особенности регулирования труда работников-совместителей.....	120
<i>Субботина Л. А.</i> Некоторые аспекты правового регулирования аренды земельных участков в Республике Беларусь.....	125
<i>Телятицкая Т. В., Латышев П. С.</i> О праве на защиту в административном процессе.....	133

<i>Тимошенко М. В.</i> Правовое оформление статуса исполнительных комитетов в 1917–1927 годы.....	141
<i>Усова Е. И.</i> Система административных взысканий в Республике Беларусь.....	149
<i>Федотов В. А.</i> Международная межправительственная организация как участник экспортной деятельности.....	156
<i>Чебуранова С. Е., Седельник В. В.</i> Роль и значение курса «Юридическая глобалистика» в подготовке специалистов-юристов	162
<i>Шахновская И. В.</i> Формы самоорганизации национальных общностей в Республике Беларусь и зарубежных странах.....	166
<i>Эсмантович И. И., Эсмантович Е. И.</i> Местное самоуправление и миграционные процессы в Республике Беларусь.....	174

Научное издание

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА**

Сборник научных статей

В трех частях

Часть 3

В авторской редакции

Подписано в печать 20.04.2015. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 10,7.
Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 30 экз. Заказ 254.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель

